

Журнал «Посев» Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев».

103051 Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, кв. 96., тел./факс: (095) 925-92-48

Издается с разрешения издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main.

Главный редактор

А.Ю. Штамм

Заместитель главного редактора

В.Ж. Цветков

Ответственный редактор

С.В. Николаев

Ответственный секретарь

Г.В. Кокунько

Редакционная коллегия:

К.М. Александров, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, А.Б. Зубов, Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих, Р.Н. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, М.В. Славинский, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

103031 Москва, К-31,

Ю.К. Амосову (для «Посева»);

197101 С.-Петербург, П-101, а/я 920,

Александрю Юрьевичу Штаммю

Телефон/Факс в Москве:

(095) 925-92-48,

в С.-Петербурге:

(812) 233-09-23.

E-mail: posevru@online.ru; posev@online.ru;

Изменился e-mail: shtamm@mail.wplus.net

+ Web-версия журнала:

<http://www.posev.ru>

Адрес филиала редакции за рубежом:

Possev, Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-7355; Fax 34-3841.

<http://home.t-online.de/home/posev-ffm/posev.htm>

E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 11.11.1993 г.

Свидетельство о регистрации № 011048

© Некоммерческое Партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество «Посев»

ISSN 0234-8284

Макет и оформление

С.А. Стулов

Корректор

С.П. Ткаченко

Редактор по электронной обработке

А.Н. Моренко

Технический редактор

Т.А. Кустодиева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Редакция в переписку с авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов «Посева» ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 7 (1498) июль 2002 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издается в Москве

Содержание:

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

А. Штамм Плоды эрзапатриотизма **2**

В. Сендеров Вне истории, или Заря «футбольного века» **4**

Владимир Путин: «Зачистки нельзя усовершенствовать, их нужно прекращать» *Подготовила С. Гаврилина* **6**

Т. Артёмова Расчищая завалы прошлого **7**

Народ сам ставит памятники своим героям Явочным порядком **9**

Н. Браун Верховному правителю России ... **10**

Александр Добровольский:
«Мы вновь становимся русскими» **12**

Позиция
Е. Магеровский К сожалению, за наших мертвецов отвечаем мы все... ..... **14**

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

С. Маркедонов Гражданское общество на Кавказе **15**

А. Деркач Формула стабильности **18**

С. Иванов Четвертая власть: мифы и реальность **22**

МОСТЫ В ПРОШЛОЕ
Е. Елин К 20-летию новочеркасского расстрела **23**

К. Александров Туховежи – Сиверская: 60 лет назад **27**

НАШЕ НАСЛЕДИЕ
Г. Гинс Настоящее и будущее солидаризма .. **30**

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ
Л. Оболенская 60-летие «Нового журнала» .. **32**

С. Шешунова Книги книгам рознь... ..... **33**

И. Роднянская Ловцы продвинутых чело- ков **35**

Т. Вольтская Памяти Александра Панченко .. **39**

Ак. Александр Михайлович Панченко:
Мы создали цивилизацию дилетантов ... **41**

КНИГИ И ЛЮДИ
А. Гогун Книга о прологе нашей революции **43**

В. Обухов Против мифологии старой и новой **45**

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ
«Посев» в Тамбове **47**

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ
Носитель русской культуры **48**

Александр Штамм

ПЛОДЫ ЭРЗАЦПАТРИОТИЗМА

ЦЕПЬ СПЛОШНЫХ СЛУЧАЙНОСТЕЙ?

Второй раз меньше чем за полгода нашу страну охватывают странные, на первый взгляд, страсти, связанные со спортом.

9 июня после проигрыша сборной России японцам на чемпионате мира по футболу всплеск спортивных эмоций привел к трагедии в Москве: обезумевшая толпа в центре города крушила все на своем пути.

Погромщики убили 16-летнего юношу, линчевали милиционера, избивали на своем пути всех, кого московские обыватели называют «черномазыми» и «косоглазыми». За неимением таковых били и прочих, разбивали и поджигали бутылками с горючей смесью автомашины, пытались штурмовать здание госдумы и ресторан «Макдональдс», били витрины магазинов, окна МХАТа в Камергерском переулке (не коммунальче-доронинского им. Горького, а настоящего МХАТа им. Чехова).

Среди серьезно пострадавших: врач «Скорой помощи», вызванной для оказания помощи раненым (ему разбили голову бутылкой), 17-летний китайский скрипач, участник конкурса им. Чайковского, прошедший во II тур (ему сильно повредили правую руку). Всего же получили ранения около двух сотен человек, ущерб был нанесен 320 собственникам.

Позднее, тем же вечером, шайки погромщиков напали на христианский центр для выходцев из Юго-Восточной Азии и на общежитие вьетнамских рабочих.

Обращает на себя внимание организованный характер бесчинств: все свидетели отмечают, что инициаторами побоища выступили 200-300 человек, координировавших действия по мобильным телефонам, что вит-

рины били аккуратно, не допуская грабежа, а автомашины переворачивали слаженно и профессионально. Погром, очевидно, готовился заранее: иначе, как объяснить то, что в руках нескольких сот человек из 8-тысячной толпы были стальные прутья арматуры, бейсбольные биты, резиновые дубинки. А уж горючую смесь невозможно изготовить из пива на месте ...

Милиции в это время в центре Москвы было необычно мало, и вела она себя крайне пассивно, что нехарактерно. Особенно если вспомнить жестокий майский разгон *разрешенного* митинга антиглобалистов на Пушкинской площади. Случайность? Ошибка руководства ГУВД Москвы, которое задним числом пыталось уменьшить масштабы случившегося? А может быть, просто спецслужбы, агенты, которые ныне есть во всех общественных организациях, не проинформировали ГУВД о готовящихся бесчинствах? Почему?

Вспомним, что ныне госдума обсуждает внесенный правительством законопроект «О противодействии экстремистской деятельности». Голосами проправительственных фракций он к 9 июня с трудом был принят в I чтении. Читаешь законопроект и приходишь в оторопь. Во-первых, действующие уголовный и административный кодексы уже содержат более десятка статей, позволяющих судить за экстремистские акции; во-вторых, существуют также законы «О политических партиях», «Об общественных объединениях» и «О свободе совести и о религиозных объединениях», позволяющие приостановить деятельность общественных организаций. Новый законопроект их либо дублирует, либо к ним же и отправляет. Тогда зачем же он нужен?

Ответ прост: законопроект, если он будет принят в нынешней редакции, дает дополнительные возможности для административного произвола и засилия спецслужб в преддверии грядущих выборов 2003 – 2004. К тому ведут его советско-каучуковые формулировки. Например, деятельность общественной организации по новому законопроекту может быть приостановлена не по решению суда (как того требует конституция), а «соответствующим регистрирующим органом». В настоящее время общественные объединения регистрируются управлением или министерствами юстиции, а также регистрационными палатами соответствующих уровней. Кто и на каком основании будет в этих органах принимать решения, про то в законопроекте не сказано.

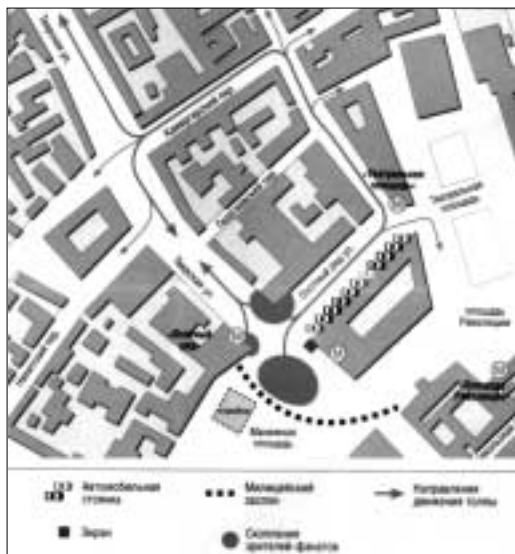
Обращает на себя внимание и то, что в преддверии принятия нового закона в стране происходят удивительные вещи: в разных городах обнаруживаются плакаты и корочки с антисемитскими лозунгами. Эти предметы соединены со слабыми взрывными устройствами или с имитаторами таковых. До сих пор никто не взял на себя ответственность за это.

Цепь сплошных случайностей? Такое возможно...

Но назначение «чекистов» в руководство двух ведущих телеканалов страны (РТР и ОРТ) не случайно.

Власть серьезно готовится к грядущим думским и президентским выборам с использованием на всю катушку административного ресурса.

Что же касается борьбы с экстремизмом, то для пресечения и предотвращения подобной деятельности более чем достаточно действующего законодательства: была бы политическая воля. Но ее-то и нет. Как же бороться с «духовно близкими»? Вместо этого демагоги в генеральских погонах с телеэкранов запугивают обывателей и лгут об отсутствии у властей возможностей пресечь беспорядки. Плохому танцору...

ГРЯДУЩИЙ ХАМ И КРИЗИС САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Но вернемся к бесчинствам в Москве 9 июня. Конечно, застрельщики безобразий были, есть и будут в любой стране. И в любой стране были, есть и будут футбольные хулиганы. Но в нормальных странах правящий слой не поощряет ни действия, ни само существование подобных групп населения.

В любой, да только не в посткоммунистической РФ.

В прошлом году я уезжал в свой родной город из Москвы. Это совпало с одной из игр в столице питерского «Зенита». Почему-то на другой стороне платформы стоял сверхэлитный экспресс «Красная стрела». Напротив моего вагона оказался его изысканнейший спальный, билеты в который стоят почти как среднемесячная зарплата большинства соотечественников. Казалось бы, как и везде в мире, его пассажирами должны были быть элегантные дамы и господа, принадлежащие к высшим слоям общества.

Но в данном случае эти наши «приматы» вырядились в униформу болельщиков, или, как ныне их называют, «фанов» (фанатов) «Зенита». Тогда я не придавал их маскараду особого значения: у богатых – свои причуды. Подумаешь, ну и что такого: очаровательная дама в платье то ли от Кардена, то ли от Риччи, напялила на голову дурацкий «зениновский» колпак. За свои деньги имеет на то полное право.

Цинизм по отношению к голодным, сырым и убогим согражданам? Но подобное происходит и во всем мире. Меню для участников недавней встречи при ООН по борьбе с голодом привело бы в восторг самых завязятых гурманов.

Беда нынешней России не в цинизме богатых, а в том, что ее правящий слой не может осознать национальные интересы. Это – его органический дефект. Эти люди нуждаются в оправдании своей власти, но такое оправдание они могут найти лишь в советском прошлом – родом они из него. А так как в советский миф ныне не верит никто, кроме самых отъявленных коммунистов, то отсюда стремление создать эрзац патриотической идеологии, подменив любовь к родине, например, восхищением спортивными достижениями.

И вот уже такой уважаемый человек, как председатель совета Федерации Мионов, говорит о том, что футбол – «наша национальная игра», а очаровательная Хакамада извещает всю Россию о том, что ее патриотический долг немедленно отправиться в Японию, чтобы поддержать нашу сборную. В эрзацпатриотическом раже госдума заседает под трансляцию игр чемпионата мира на одном из экранов для показа результатов голосования.

Вот уж действительно наши «думачи» переплюнули весь мир. Ни во французском национальном собрании, ни в британском

парламенте, ни в американском конгрессе, ни в германском бундестаге никому ничего подобного и в голову прийти бы не могло. На деньги своих налогоплательщиков так нагло и бездарно тратить свое рабочее время. Но у «советских – собственная гордость», а точнее ее полное отсутствие, равно как и совести.

Сегодня речь идет о возмещении собственникам убытков от погрома 9 июня. Будь моя воля – наложил бы солидарный штраф на всех наших власть имущих. Именно они-то и сеяли так старательно ветер.

Так чему после демонстрации правящим слоем в общенациональном масштабе своей духовной убогости нам удивляться? Только тому, что за группой хулиганов пошли лишь несколько тысяч человек, тому, что не снесли памятник Пушкина (ведь он тоже потомок «черномазых»). Гораздо хуже то, что молодые люди, видя проигрыш нашей сборной, начинают во всеуслышание говорить, что Россия ни на что неспособна, что из нашей страны надо уезжать.

А ведь именно в молодежи – будущее страны. Нынешний правящий слой, скрывая свое советское происхождение, не смеет отождествить себя с Россией и разлагает тем самым нацию. Такие действия власть имущих не случайны. Эрзацпатриотизм им нужен для установления монополии на власть. Наш правящий слой стремится из «элиты» превратиться в политический класс. Отсюда и все нынешние псевдопатриотические спортивные страсти. Они не только отвлекают общество от насущных проблем, но и могут вызвать царство грядущего хама, который сокрушит все и вся.

Безусловно, нашей стране необходимо коренное обновление правящего слоя, но пока мы не научимся отстаивать повсеместно свои права, пока не ощутим себя гражданами России, наследующими великую национальную культуру и продолжающими национальную традицию, мы будем обречены на навязанный эрзацпатриотизм футбольных страстей. Неужто тысячелетняя история отечества, выношенная столетиями русская идея были лишь ради сомнительных успехов на спортивных ристалищах? Осознать себя сегодня русскими, а не подсоветскими – вот в чем наша великая общенациональная задача!

Валерий Сендеров

ВНЕ ИСТОРИИ, ИЛИ ЗАРЯ «ФУТБОЛЬНОГО ВЕКА»

Фото НТВ.

Погромы 9 июня на Манежной площади и в московском метро обращают мысль к другой теме, не связанной с кровавыми столичными беспорядками. Во всяком случае, на первый взгляд.

Сколько слов было сказано о так и не проведенной декоммунизации нашей страны. Сколько – об опыте денацификации Германии, успешность его мало кто отрицал. Но нам назидательно твердили о разности условий, о проигранной Германией войне... Короче: да, у немцев вышло неплохо, но нам трудно пойти по их пути, ну что ж, обойдемся и без этого. Коммунизм выдохнется, забудется, он и сам по себе на глазах уходит в прошлое.

Но за подкупающей убедительностью подобных доводов забывается главное: прошлое нельзя отменить. Рано или поздно наступает – и в России уже наступил – период его морального осмысления. А 70 подкоммунистических лет можно осмыслить лишь двумя способами. Либо так, как это сделали немцы. Либо так, как это делает Владимир Путин: наши родители жили на земле не зря, мы построили ДнепрогЭС, мы выиграли великую войну. И вообще – у наших славных органов в активе не только 37 год...

Что ж, забудем на время о немецком опыте. И обратимся к опыту другой страны, она осмыслила свое прошлое «по-путински».

Речь идет о Франции. И в этой стране, как и у нас, была в свое время великая революция. Кое в чем даже более великая, чем у нас. «Подозрителен всякий, кто

не может доказать свою неподозрительность», – постановил Конвент. Удивительно, что Ленин со Сталиным не подхватили столь юридически ценный почин отлова и обезвреживания врагов народа. Правда, обезвреживали они врагов более совершенными методами, нежели французы: вегетарианскую гильотину нередко заменяли массовые четвертования, а также публичное разрезание контры живьем на куски. Впрочем, и в области обезвреживания у якобинцев был ценный опыт, почему-то не учтенный учениками и последователями: скажем, истории неизвестны случаи публичного утопления большевиками грудных младенцев в дерьме.

Но не будем ворошить славное прошлое. Ограничимся главным: великая революция у французов была, и патриотический народ никому не дает ее в обиду. Под портретами Робеспьера и Дантона празднует он исторический день взятия окоселой чернью бастильских погребов и под портретом убиенного Короля тоже. «Все это – наше прошлое. Все это сформировало нашу нацию, нашу страну.»

Не правда ли, знакомый подход? И еще недавно могло показаться, что подход эффективный: разве Франция не великая, демократическая, процветающая страна? Словом, все перемололось – мука вышла?

Нет. Не получилось. Дурная вышла в конечном счете мука: красного цвета, с коричневым запахом. Нациствующий демагог Ле Пен прошел во второй тур президентских выборов. Напуганные, но не особо пристыженные этим избиратели пока предпочли ему непопулярного Ширака. Ничего не скажешь, этакое «равновесие» – прочная база устойчивой демократии в стране...

И блестящий успех Ле Пена не случайность: страну успешно поджигают и с другой стороны, слева. Незадолго до выборов социалисты попытались взорвать деголлевскую конституцию. Десятки лет она гарантировала Франции устойчивость внутренней жизни. Левым это, естественно, было не по вкусу, и вот они решили: пора пришла. Но они не успели: розовые французские горбачевы и зюгановы сегодня уже слишком пресны для взбесившегося обывателя, и на выборах он предпочел им радикалов-фанатиков – троцкистов.

Словом, лево-правая раскачка идет всюю, такого движения – в обоих направлениях сразу – нет ни в одной другой европейской стране. И бессмысленно искать причины раскачки, как это часто делают, в проблеме иммиграции: в шведских городах арабов не меньше, чем во французских. Да только за пределами Швеции мало кто даже знает об этом.

200 лет французы молчали о зверском убийении парижскими красными крестьян-монархистов: на книги

и статьи о Вандее согласным общественным мнением был наложен запрет. Молчали ради национального единения. И яд «единения и согласия» копился в душе, в совести, в крови. И все чаще прорывался наружу, ХХ в. немало способствовал этому. Он выплеснулся чудовищной коллаборацией с наци, но после войны об этом тотчас забыли, и символом Франции стала группа объединившихся вокруг де Голля героев. Яд пропал снова: побившим все европейские рекорды послевоенным сталинизмом. Никто никогда не покаялся в нем: единение и согласие превыше всего. (Впрочем, одно исключение все-таки было. «Кем были вы все – дураками или негодяями?» – спросили у Пьера Дэкса. Писатель ответил: «И теми, и другими».)

Конечно, крайние есть везде. Но в большинстве стран есть мощный фактор, ограничивающий их рост: консервативная национальная традиция. Если бы, скажем, английские ультра могли назвать себя наследниками Британской империи, – как удобно было бы им поплевать на всяких там «цветных» с этакой высоты! Но естественный наследник Империи – английский аристократ – всегда брезгливо сторонился наци. И это выбивает почву у них из-под ног: ни герцогов, ни Киплинга, ни Родса не могут они записать себе в отцы. А разве лишь недофюрера Мосли да еще – если образование позволит – второстепенного писателя-расиста Чемберлена. Ясно, что под подобные кучье знамена только кучку маргиналов и собрать.

И если бы нациствующий молодой немец мог почувствовать себя наследником германской Церкви, культуры, военной традиции, он, без сомнения, был бы грозной политической силой. Но тысячи священников погибли в гитлеровских лагерях. Но цвет офицерства был истреблен в Рейхе именно за попытку уничтожить Гитлера. И молодые немцы знают об этом, их учат этому в школе. Нацизм, таким образом, оказывается на корню свободным от мифов, могущих внешне облагородить его. Наследники Гитлера лишены возможности записать немецкую историю себе в актив. Они могут, в лучшем для себя случае, от нее отвернуться, «не заметить», что она вовсе не на их стороне.

Положение у нас в стране принципиально иное. Знает ли окологерцовой погромщик о борьбе митрополита Антония Храповицкого с Союзом русского народа? Известно ли «государственникам» со свастики о презрении Столыпина к поджигателям, левым и правым? Слыхали ли поклонники «Протоколов сионских мудрецов», что Государь запретил распространение этой фальшивки в России?

Не знает. Неизвестно. Не слышали. Неоткуда: история частью выброшена, частью лукаво и лицемерно подменена. Сегодняшний школьник мало что знает *по существу* о докатастрофной России, она для него нечто безумно далекое, допотопное. Но, впрочем, «положительное»: мощное, грозное, славное. Этаким достойный мастодонт-прародитель, на его фоне и сталинская псевдоимперия смотрится вполне привлекательно. Никто

сегодня не одобряет напрямую советскую антивандею: расказачивание и коллективизацию. Но никто особенно и не осуждает, и школьник научается понимать с полуслова генеральную линию «исторического примирения»: все это было нужно, полезно. «Наши родители жили на земле не зря».

Так оказываются одобренными Ленин и Сталин. Не вслух, но серьезнее, глубже, чем вслух, – душой: они часть нашего «плавильного исторического котла». Они наше прошлое, и в этом качестве они нам нужны и полезны. А за их спиной, в неразличимом, но убедительном ряду какие-то там цари, святые, полководцы, монахи...

«Р-Р-Россия!» – ревет вырядившееся в трехцветный флаг быдло.

Положение в Москве (пока – в Москве) много серьезнее, чем представляется. Событие на Манежной не единичное, не случайное, оно *первое*. Массовое погромное движение началось, и не видно, что могло бы его остановить: власть бессильна, необходимые жесткие меры не приняты ею. И приняты не будут. И Путин, и Лужков способны на имитацию жесткости, эту имитацию большинство принимает всерьез. Погромщики не примут, слабину они чувствуют шкурой. Шкурой же они способны почувствовать и силу; но силы у власти нет. Российская власть исторически не сильна, она всегда либо тиранична, либо снисходительна и до попустительства благодушна: жесткой, правовой и умеренной одновременно она не бывает почти никогда.

А путинская власть, что о ней ни говори, не тиранична...

Но самое страшное – не полицейская, а духовная, идейная слабость нынешней России. Нам нечего идейно погромщикам противопоставить: в истерическом реве «Р-Р-Россия!» лишь выблевывается тот образ нашей страны, который в этих подростков вложен, который ежечасно создается пропагандой – вот, чтобы далеко не ходить, суперпразднованием «круглого» юбилея «Великой Победы».

«Нет, мы не победили: мы закидали немцев своим мясом», – писал ненавидимый «патриотами» Виктор Астафьев. «Закидали – и гордимся этим!» – подтверждает народившаяся госидеология. Разве не так-то единственно возможный вывод из славословий палачу Жукову – безусловному, общеславимому советскому святому?

«Пойми, мамаша, Россия проиграла», – благодушно пояснил женщине в метро интеллигентный на вид парнишка. В компании семерых других подонков он в котлету «побеждал» в это время обнаруженного в вагоне кавказца.

И правильно пояснил. «Р-Р-Россия! Проиграла! Так бей, грабь, круши!» Образ *его* России ментально тот же, что и на телеэкране: брутальный, не ведающий о добре и гуманизме, плюющийся на любую чужую жизнь. Парень просто сделал из пропаганды логичные, последовательные выводы.

ВЛАДИМИР ПУТИН: «ЗАЧИСТКИ НЕЛЬЗЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ, ИХ НУЖНО ПРЕКРАЩАТЬ»

24 июня в Москве президент Владимир Путин выступил на большой пресс-конференции, приуроченной к завершению активного политического сезона в стране. «Дума скоро пойдет на заслуженный отдых, – под смех зала сказал президент, – А что вы думаете, они тоже потрудились». Длилась встреча больше заявленных полутора часов, что, впрочем, предвидели те, кто год назад побывал в Кремле на такой же пресс-конференции. Президент, когда время истекло, вдруг заявил, что ответит еще на пару-тройку вопросов, а ответил еще на десяток... Особенностью было то, что большую часть аудитории составляли представители региональной прессы, поэтому помимо глобальных политических вопросов задавались и более «частные» – от строительства птицеводческого комплекса в Белгородской области до выборов мэра в Нижнем Новгороде.

«Россия – не Франция. Много, конечно, напоминает ситуацию в Западной Европе, но это другая страна и другая ситуация. Я, кстати, в разговорах с западными коллегами обращал их внимание на некоторые симптомы тревожного характера, когда за общечеловеческими ценностями часто забываются конкретные интересы конкретного человека» – так Владимир Путин ответил на вопрос тележурналиста о том, что многие люди, не определившиеся в политических взглядах, могут стать легкой добычей для разного рода экстремистов. Президент убежден, что укрепление реальной многопартийной системы, распространение деятельности партий в регионах – хорошая защита от политического экстремизма.

Упомянутый птицекомплекс на Белгородчине стал поводом для разговора на важную, даже международную тему. Президент увязал введение Евросоюзом «запретительных» пошлин на ввоз зерна с проблемами отечественного животноводства: «Коллеги молодцы, они действуют последовательно. Наше зерно, если мы его не продадим, пойдет куда? Правильно, будем развивать свое животноводство. Они это понимают и принимают решение: дотировать свое животноводство. Правильно, своя рубашка ближе к телу, мы должны исходить из реалий». Исходя из этих реалий современного мира, предлагает президент рассматривать и вопрос о вступлении в ВТО. По его мнению, большая часть российского бизнеса настроена в пользу вступления, к тому же Россия сейчас единственная крупная страна, не состоящая в ВТО. Тем более что в 2004 году начинается новый раунд переговоров по изменению правил ВТО, и если к этому времени мы туда не успеем, то эти новые правила будут обсуждаться без нас...

Путин приветствует расширение ЕС, потому что он – основной экономический партнер России, «а мы сами часть Европы». Но в разговоре об этих отношениях, ра-

зумеется, речь зашла о Калининграде. «Для всех граждан России визовый режим должен быть одинаковым, должен быть обеспечен транзит. Даже в худшие времена холодной войны СССР обеспечил транзитное сообщение из ФРГ и обратно. Это не дело, – сказал Владимир Путин, – что, для того, чтобы поехать на свадьбу, на похороны или просто в гости на российскую же территорию, человек должен обращаться в консульство другого государства». Путин вспомнил недавнюю встречу в Петербурге с премьер-министром Дании, и тот посчитал, что нынешняя ситуация похожа не на партнерство, а скорее на диктат...

Если калининградский журналист спрашивал, что естественно, об отношении российского руководства к калининградской проблеме, то представитель Чечни тоже задал вопрос о наболевшем: «Когда усовершенствуют зачистки в Чечне, чтобы так не страдало мирное население?» Ответ прозвучал сенсационный: «Зачистки нельзя усовершенствовать, их нужно прекращать». Но это возможно, считает Владимир Путин, лишь тогда, когда в Чечне будут созданы настоящие мощные местные правоохранительные органы, когда сами чеченцы смогут сами себя защищать от бандитов. В том, что произошло с Чечней, есть немалая вина федерального центра. Ведь что могут поделывать жители деревни, когда к ним входит две сотни бандитов, «даже если у каждого жителя этой деревни под подушкой по автомату Калашникова»? Говоря о проблемах правоохранительных органов и о теме коррупции и преступности, президент предложил не забывать, что правоохранительная система – это часть общества, и ее пороки – это пороки всего общества. К теме преступности (в частности экономической) Путин вернулся, когда был задан очередной вопрос, связанный с ВТО. Вступление в эту организацию обозначает для нас, что и у нас будут действовать принятые в цивилизованных странах нормативные акты в сфере экономики и торговли.

Путин начисто отверг предположение одного из зарубежных журналистов, что он человек «самый уединенный» (корреспондент имел в виду – одинокий), что у него нет поддержки в среде силовиков, «и кто тогда поддерживает вас политические акторы» (имелось в виду – деятели). Ответ с ходу был: «Российский народ». Далее президент пояснил: «Ошибочно мнение, что внутренняя и внешняя политика страны основана лично на президенте. Я не запираюсь в какой-то комнате и не выхожу оттуда с готовыми решениями». По словам Путина, большинство важных для страны инициатив – плод коллективных размышлений и обсуждений, в т. ч. с военными, которые «ничуть не глупее гражданских».

Неоднократно звучало на пресс-конференции, что Россия многонациональная и многоконфессиональная

страна. Это порой создает немалые сложности, но в этом и сила России, и не должно быть никакого места для национального чванства и национальной исключительности. Это заявление вызвало искренние аплодисменты в зале. Путин назвал недоработкой законодательства об образовании отсутствие в нем пункта о развитии национальных языков российских народов.

Президент считает, что его сильная сторона в сравнении с соперниками – умение четко чувствовать, о чем думает народ, чего он ждет от власти. Он уверен, что за 2 года этого качества он не потерял. Возможно, потому

(тут он повторил сказанное им недавно в Петербурге), что прожил тридцать лет в ленинградской коммуналке, что старается встречаться с друзьями, которые не стали большими начальниками. Президент отрицательно относится к «путиномании» – он допускает, что президент есть отчасти один из государственных символов, и почему бы не быть в кабинете чиновника президентского портрета, но когда переходят всякую границу и меру, ему это не нравится.

Материал подготовила Светлана Гаврилина

Татьяна Артёмова

РАСЧИЩАЯ ЗАВАЛЫ ПРОШЛОГО

(ВИЗИТ ДВУХ ПРЕЗИДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ЭКОСОБЫТИЙ)

«Может, это покажется странным, но одно из самых приятных моих занятий - играть с собаками. Они не пререкаются, как большинство людей, занятых политикой».
Признание президента Буша журналисту Гусману.

«Сильная и процветающая Россия – благо для Америки», – заявление Джорджа Буша на встрече со студентами Санкт-Петербургского университета.

Воскресенье 25 мая петербургское небо омыло волшебными пузырьками именинного карнавала - это над Невским выпустили тысячи разноцветных шаров. Праздничная толпа, затопившая центральный проспект, его тротуары и прилегающие улицы, схлынув, оставила пену праздника: стаканчики от фестиваля мороженого и прочие атрибуты дня рождения города, отслужившие и брошенные под ноги за ненадобностью. Непривычно расторопные и старательные дворники с тележками едва поспевали стирать следы народного гулянья...

Уже позади был эпохальный визит американского президента, прощание двух «сиятельных» семей на ступенях Русского музея. И теперь деловые впечатления, растворенные в подчеркнуто частном характере визита, начали приобретать вполне отчетливые очертания. Обаятельный Джордж и радушный Владимир успели между очарованием белой ночи, «Щелкунчиком», Эрмитажем, синагогой и Казанским собором, а также менее насыщенным коктейлем столичных удовольствий принять ряд эпохальных документов и сделать несколько заявлений,

вполне небезынтересных для нашего «environmental» сообщества.

Среди баек о черной икре («...Мы вчера, когда были за столом и я угощал друзей икрой русской, я сказал, что часть икры добывается следующим образом. Специалисты вскрывают рыбу, достают икру, зашивают рыбу и выпускают её в Волгу. Все долго смеялись, считали, что я остроу, «отливаю пули», шучу. Я говорю: «Нет, я правду говорю». У нас такая забота об окружающей среде. Государственный секретарь, наш министр иностранных дел, госпожа Кондолиза Райс, Сергей Иванов, супруги - и моя супруга, и супруга Президента - все громко смеялись, но только один человек сказал: «Я верю, наверное, так и есть». Это был Президент США.») и природоохранных экзерсисов первых леди США и России (**По сообщению «Правды ру», во время визита Лоры Буш и Людмилы Путиной в Российскую государственную детскую библиотеку супруга американского президента – по образованию библиотечарь, – предложила детям почитать книгу Роберта МакКлоски «Дорогу утятам». На прощание она подарила ребятам еще и фотографии Барни, любимого пса американского президента. А Людмила Путина показала ей книгу о кошках, и призналась, что очень их любит. Вкусы первых леди вполне совпали. Лора Буш, как оказалось, особенно любит маленьких котят**), мужчины тоже говорили об экологии. Подписывая совместное Заявление о новом российско-американском энергетическом диалоге, президенты прямо так и написали: **«Мы намерены ... способствовать научно-техническому и деловому сотрудничеству в области использования нетрадиционных источников энергии, энергосберегающих и экологически чистых технологий. Сотрудничать в разработке и развитии новых более экологически безопасных технологий ядерной энергетики».** С этой целью будет создана, – о чем тоже сказано в Заявлении, – «Российско-Американская рабочая группа по сотрудничеству в области энергетики». В это же время информационное агентство ИТАР ТАСС даже на уровне заголовков сообщило нам много интересного (**Российско-иранское сотрудничество в области атомной энергии носит исключительно экономический характер, подчеркнул Путин. Москва и Брюссель завершили подготовку документов по энергодIALOGU к саммиту России и Евросоюза, сообщил Виктор Христенко. Строительство Россией АЭС в Иране полностью соответствует всем требованиям МАГАТЭ, заявил заместитель главы Минатома РФ. Россия и США вместе борются с загрязнением Арктики, за сохранение белого медведя, реализуют другие проекты по охране окружающей среды. Россия призвала страны тихоокеанского бассейна вести**

промысел в южных широтах, чтобы восполнить ресурсы Охотского и Берингова морей. Отношения между Россией и США в вопросах ядерных технологий вышли на уровень абсолютного доверия, заявил министр РФ по атомной энергии и т.д.) Тем временем в России, жизнь тоже не стояла на месте. ИТАР ТАСС сообщило, что «МЧС России в этом году будет тушить лесные пожары в Греции. Из-за жары в Прибайкалье растут масштабы лесных пожаров, за сутки возникло 38 новых очагов огня в тайге. Количество лесных пожаров в Сибири стремительно увеличивается, огнем охвачено уже более 11 тысяч гектаров. На большей части территории Тувы из-за лесных пожаров введен режим чрезвычайной ситуации»). Тем временем китайские ученые успешно клонировали зайца и вознамерились клонировать панду, стало известно, что первый ребенок-клон родится в декабре 2002 года и что с 1997 года в мире клонировано уже больше 350 животных...

У активистов Гринписа есть свои счеты к Бушу, поскольку тот вывел США из Киотского процесса. Однако претензии были выражены радикальной зеленой организацией с необыкновенной политической грамотностью. Гринпис собрал в Питере пресс-конференцию, на которой раздали журналистам листовки с изображением Медного всадника по пояс в воде и Эрмитажа с плавающими у подножия колонн рыбками. Так, доведя до абсурда идею потепления климата, они наглядно демонстрировали Бушу, что он должен спасти Петербург, и путь для этого только один, по их мнению, – ратификация Соединенными Штатами Киотского протокола. Кроме листовок, раздавали и фотографии. Там на фоне ростральных колонн и прочих достопримечательностей Питера активисты Гринпис в белых комбинезонах растягивали огромное желтое полотнище с надписью: «Буш! Спаси климат!», призывающей американского президента вернуться в Киотский процесс. Особая же политкорректность «неистовых зеленых» заключалась в том, что на этот раз они фотографировались заранее. Заблаговременно. Чтобы не раздражать бдительную охрану. А в интернете и редакциях снимки появились вовремя. В день визита. Остается только сказать, что Киотскому протоколу в эти дни в Петербурге было посвящено еще одно событие. В гостинице «Пулковская» прошла конференция BASREC по созданию испытательного полигона и осуществлению гибких механизмов Киотского протокола. BASREC - это межправительственная Программа сотрудничества стран Балтийского региона в области энергетики – Baltik Sea Region Energy Cooperaation.

27 мая 2002 г.

Народ сам ставит памятники своим героям

ЯВОЧНЫМ ПОРЯДКОМ

19 мая 2002 г. в Санкт-Петербурге был открыт памятник Николаю II. Скульптура установлена у главной апсиды Крестовоздвиженского собора, расположенного на Лиговском проспекте. Высота бронзового бюста императора 84 см, гранитный постамент имеет высоту 160 см. Автор скульптуры Сергей Юрьевич Алипов, член Союза художников, участник 80 выставок в России и за рубежом. Алипов – также автор памятника Альфреду Нобелю, установленного в Петербурге, и монумента, посвященного погибшему экипажу подводной лодки «Комсомолец», установленного в поселке Западная Лица Мурманской области – именно в этом поселке базировалась лодка до своей гибели.

От журнала «Посев» несколько вопросов Алипову задал В.Э. Долинин.

– **Сергей Юрьевич, расскажите, когда у Вас родилась идея создать скульптурный портрет императора?**

– Я много лет работаю над портретами святых Санкт-Петербурга. Среди них Иоанн Кронштадтский и Ксения Блаженная, но особенно меня привлекают образы новомучеников. Я изучал, в частности, фото и киноматериалы с изображением Николая II.

– **Кто и когда инициировал установку памятника?**

– В начале этого года ко мне обратилась казачья об-

щина Крестовоздвиженского собора с предложением изготовить бюст Николая II. Я с радостью согласился. Открытие памятника наметили на день рождения государя.

– **Возникали ли у общины собора сложности в отношениях с властями из-за решения установить памятник Императору?**

– Казачья община собора не поставила власти в известность о своих планах по установке памятника, и все прошло замечательно.

ЦАРСТВЕННЫМ СЯЩЕННОМУЧЕНИКАМ ЛЮДИ УСТАНОВЛИВАЮТ ПАМЯТНИКИ, НЕ ДОЖИДАЯСЬ СОГЛАСИЯ ВЛАСТЕЙ

На снимках:

Слева – памятник Цесаревичу Алексею Николаевичу, установленный на деньги неизвестного мецената у здания «Котедж» в Петергофе. «Котедж» находится неподалеку от разрушенного во время II мировой войны 12-дюймовыми снарядами линкора октябрьской революции «Александрия», где и прошло раннее детство Алексея Николаевича. Скульптор Зайцев. Обращает внимание, что на постаменте нет надписи.

В середине – бюст Императора Николая II, установленный в Петербурге 19 мая 2002 г. казачьей общиной Крестовоздвиженской иконы Тихвинской Божьей Матери церковью. Скульптор Сергей Алипов.

Справа – памятник Николаю II у Федоровского собора. Открыт 19 мая 1992 г. Скульптор неизвестен. Памятник установлен на деньги предпринимателя Сергея Рогова, убитого в 1996 г.

Все фото В.А. Фонарева.

Николай Браун

ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ РОССИИ

17 апреля 2002 г. в Петербурге произошло событие, которого не потерявшая исторической памяти часть горожан ждала 80 лет. И еще 2 года.

В Морском корпусе Петра Великого, бывшей «Фрунзенке», была открыта, наконец, мемориальная доска его выпускнику, впоследствии адмиралу и Верховному Правителю России.

Автор доски – скульптор Александр Добровольский, создавший ряд впечатляющих скульптурных портретов героев Белой Борьбы. Первая попытка открытия этого произведения, предпринятая 11 месяцев назад, 17 мая прошлого года, была официально одобрена начальником Морского корпуса Н. Скоком. Доску предполагалось установить внутри корпуса, в Минном дворике. Но незадолго до установки тот же начальник объявил о некоем противодействии ему, по причине которого открытие состояться не может. Таким образом, для собравшейся общественности торжество в Минном дворике оказалось «заминированным» и ему был дан «отбой». Чьи красные «склянки» при этом пробили, у начальника Корпуса пытались выяснить журналисты «Информ ТВ», но он терпеливо отвечал в обтекаемых выражениях, что «общество еще не готово...» Можно было предположить, что «за содеянное» по нему был бы дан залп с административного фланга, где серп и молот любят больше, чем Андреевский флаг. Чья именно пролетарская злоба до сих пор мысленно сокрушает «белую кость», установить не удалось. Во всяком случае, отдельные ветераны-краснофлотцы неоднократно высказывались против «доски Колчаку» снаружи, на стенах корпуса... И все-таки неунывающие подвижники инициативной группы в этот майский день прислонили мраморного Колчака к стене, знакомой ему, при главном входе, для обозрения присутствующих и прохожих. А перед тем, как унести в питерский «Посев», перенесли его на набережную Невы, через дорогу напротив, где с понимающим выражением лица стоит бронзовый союзник: адмирал И. Крузенштерн. Там поэт и бард с морской душой Кирилл Ривель исполнил свои «белые» песни. На этом «первая попытка» закончилась. «Информ ТВ» показало в вечерней программе короткий сюжет о «неоткрытой доске». Но инициативная группа расценила неудачу как временное отступление «для последующего разбега».

«Разбег» решили начать, не откладывая, чтобы не застояться. Тем более, что 80-летие со дня бессудного расстрела Адмирала, которое исполнилось в 2000 г., обзывало. Поскольку в нашем морском городе сдвинуть патриотическое начинание с мертвой точки не хватало сил, придумали подложить под него московский каток. И нанесли визит в Москву, к главкому ВМФ Владимиру Куроедову. Он пообещал дать ответ через неделю. За это время, чтобы принять обоснованное решение, он успел посоветоваться как с Патриархом Всея Руси Алексием II, так и с петербургским пи-

сателем Виктором Конечким. При встрече с главкомом в составе группы были также петербургский писатель, историк, капитан I ранга Виталий Доценко и петербуржец, член госдумы Александр Шишлов. Через неделю главком дал «добро» на открытие мемориальной доски внутри, в музее Морского корпуса.

Успех «второй попытки», 17 апреля 2002, был заранее обеспечен. Но тут выяснилось, что по каким-то причинам священник из недалекого Николо-Богоявленского морского Собора прибыть не сможет. Причин называлось несколько, но итог был один: освящение доски и короткая лития в начале торжества не состоялись. Кто-то из присутствовавших в минуту заминки тихо вспомнил, что для оцепления места праздника в Ледовом дворце на дальней окраине несколько сот курсантов корпуса доставили вовремя, а одного православного батюшку для освящения доски не довели. Дальше события развивались в соответствии с замыслом праздника.

С кратким приветственным словом выступил начальник корпуса Н. Скок. Когда покрывало сняли с установленной заранее доски, все прежние и новые участники долгожданного открытия убедились, что присутствуют при историческом моменте: в стены Морского корпуса вернулся его выпускник. И художественное воплощение облика адмирала Колчака было вдохновенным и точным. Рядом с ним на черном мраморе золотыми буквами текст в двенадцать строк: «МОРСКОЙ КОРПУС В 1894 г. ОКОНЧИЛ АДМИРАЛ КОЛЧАК АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ВЫДАЮЩИЙСЯ РОССИЙСКИЙ ПОЛЯРНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ФЛОТОВОДЕЦ 1874 – 1920». В тексте нет тех идеологических скал и мелей, которых могли опасаться некие бдящие руководители. Для них, видимо, было нежелательно воздействие самой личности Колчака. Исходящее от него сияние доблести и чести высвечивало оси координат системы, основанной на лжи и страхе, при отрицании всего святого. В этом случае проявилась суть противостояния «красных» и «белых». **Безправственно примирение с ложью и согласие с бесчестьем.** И то и другое пытаются навязать некоторые идеологи в масштабах страны. Но и стране и обществу необходима лишь историческая правда. Эта тема прозвучала в ряде выступлений после открытия доски.

В своем выступлении историк А. Смирнов сказал: «С установлением этой доски общественность, наконец-то, перестала быть одноглазой». И добавил, что людей пора оценивать «не по партийной принадлежности, а по заслугам перед родиной». Как тут не вспомнить, что долгое время при большевицком правлении само понятие «родина» было однозначно «белогвардейским»... О научной деятельности адмирала А. Колчака говорил президент Русского географического общества Ю. Селивестров. Среди присутствующих находился троюродный племянник А. Колчака – Михаил Влади-

На открытии мемориальной доски А.В. Колчака

Скульптор А. Добровольский

Автор статьи – Н.Н. Браун и троюродный племянник А.В. Колчака М.В. Александров. Все фото А.В. Чернова.

мирович Александров (Колчак), чья судьба заслуживает отдельного повествования: он отважился в советское время, несмотря на все преследования их семьи, продолжить семейные традиции, стал гидрографом, картографом, исследователем Арктики и даже Антарктики, где не успел побывать адмирал А. Колчак. Фамилию его отцу пришлось сменить в 1919 году по настоянию реввоенсовета. Присутствующие с интересом выслушали: писателя В. Доценко, депутата ЗАГСa М. Амосова, активиста инициативной группы В. Раймуева. О том, какие шаги предпринимаются для изучения научной и военно-морской деятельности Колчака, рассказал Ю. Добровольский, историк, собиратель родословной всех Добровольских в России и за рубежом. Затем он передал слово скульптору. Александр Анатольевич выразил надежду, что созданные им скульптурные портреты героев Белой борьбы найдут свое место не только в экспозициях, но и в сознании русских людей. Здесь кстати заметить, что все его произведения осуществлены на собственные скромные средства. Художница Маргарита Добровольская, супруга скульптора, в своем выступлении сообщила, что незаурядная личность А. Колчака в период работы над доской духовно преобразила «их семью»...

Все вроде было хорошо... Но если, стоя перед доской, взглянуть вверх направо – прицельный взгляд ленинского портрета на стене как будто до сих пор диктует шифрованную телеграмму о внесудебной быстрой ликвидации Колчака. Шифрограмма за подписью вождя, до сих пор любимого некоторой частью пролетарского плавсостава, была обнаружена в Америке, в архиве Троцкого, более 20 лет назад. Недавно нашелся и оригинал, хранящийся в Российском центре документов новейшей истории (фонд 2, опись 1, дело 24362, лист 1). Вот текст. «Шифром. Склянскому: Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после за-

нятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром». Смирнов был председателем ревсовета 5-й армии.

В выступлениях было затронуто состояние вопроса «о реабилитации Колчака». Несмотря на его абсурдность, дело обстоит так: суд Забайкальского военного округа, состоявшийся 26 января 1999 года, вынес решение: А.В. Колчак реабилитации «не подлежит». В сентябре 2001 года Верховный суд, ознакомившись с делом, не нашел оснований для отмены вышеприведенного решения.

Здесь есть несколько аспектов. Как такового, суда над Колчаком не было. Было убийство по шифрованному «заказу» «вождя». Будучи законным верховным правителем России, Колчак имел право судить представителей ревкомов за изменнические действия, а не наоборот. Кроме того, не имеется сколько-нибудь серьезных документальных примеров его незаконных или преступных приказов. Участь, постигшая советскую Сибирь, над которой горела не «звезда любви приветная», а кровавая звезда палачей всех сословий, хорошо известна... Колчак, как гражданин императорской России, присягал и служил ей... Быть может, более правомерным было бы вынесение судебного решения по поводу бессудного расстрела, как преступления на берегу ледяной. Ангары с целью спрятать «концы в воду»? Именно это выражение употребляет в своем описании последних минут Колчака комендант Иркутска И.Н. Бурсак (Б. Блатлиндер): «Закапывать не стали, потому что эсеры могли разболтать, и народ бы повалил на могилу. А так – концы в воду». Действительно, народ бы «повалил» на поклонение, таково было его отношение к легендарному Верховному. Во всем этом предательском деле ложь громоздится на лжи.

Менее известно, как сложилась судьба Анны Васильевны Тимиревой, самого верного друга адмирала, которой и был посвящен известный романс. Когда колонну приговоренных вели безлунной ночью на расстрел из Иркутской тюрьмы, где они с Колчаком виделись в последний раз, кто-то из колонны, шедший рядом, грубо столкнул ее в глубокий сугроб. Когда же она выбралась наверх, уже не возмущаясь поступком неизвестного, колонна ушла далеко вперед. Затем, оставшись одна, не имея шансов на спасение, она чудом спаслась, с именем Колчака на устах. После 33 лет тюрем, ссылок и лагерей она «благополучно» умерла в Москве в январе 1975 г.

Пока в России нет памятника адмиралу и Верховному Правителю России. В начале 1990-х на предполагаемом месте расстрела был поставлен памятный знак, а в 2000-м – высокий белый крест.

17 апреля 2002, в день долгожданного открытия ме-

мориальной доски, исполнилось предсказание И.А. Бунина, выраженное им в статье об адмирале Колчаке в парижской газете «Общее дело» 7 февраля 1921: «Настанет время, когда золотыми письменами на вечную славу и память будет начертано Его имя в летописи Русской земли».

От редакции. Как сообщил нам 19 июня с. г. протоиерей Георгий (Митрофанов) мемориальная доска А.В. Колчака не освящена и до сих пор. В начале июня, когда прот. Георгий, несколько семинаристов и певчие по предварительной договоренности прибыли к Морскому корпусу для освящения мемориальной доски, их не допустили внутрь, сославшись на отсутствие начальника корпуса адмирала Скока, отбывшего, как им пояснили, в неизвестном направлении. В результате люди безрезультатно ждали его несколько часов под проливным дождем...

Александр Добровольский:

«МЫ ВНОВЬ СТАНОВИМСЯ РУССКИМИ»

Мой собеседник, скульптор Александр Добровольский происходит из славного старинного крестьянского рода. Он родился в Иркутске, закончил лесотехнический техникум, путевый институт, академию художеств. За критику советского режима его в свое время исключили из КПСС, не разрешали участвовать в выставках ... Но в конце концов его талант пробил себя дорогу. Семья Добровольских в конце 80-х переехала в Ленинград из Белоруссии. Здесь скульптор занялся тем, что, как он сам говорил, стало главным делом его жизни. Он стал ваять скульптурные портреты вождей Белого движения. К несчастью, вынуждена употребить глагол в прошедшем времени: беседу с Добровольским я записывала в апреле, а в мае этот замечательный человек, жизнерадостный, энергичный, полный творческих планов, скоропостижно скончался – не выдержало сердце. Возможно, что это интервью было последним в его жизни.

Беседу начал сам Добровольский:

– Ваш журнал знаю очень давно, еще с 70-х. Очень рад, что он теперь выходит в новой России. Кроме того, у вас в НТС замечательные люди, умные и энергичные.

– Спасибо, конечно, за столь лестные слова, но, если не секрет, с кем же Вам так повезло?

– О, в Петрозаводске я познакомился с замечательным человеком Юрием Владимировичем Линником – философом, эрудитом и, буквально, энциклопедистом, что так редко встречается в наше время...

– Но наша беседа сегодня не об НТС или «Посеве», а о Вашем творчестве, Вашем взгляде на жизнь. Поэтому прошу Вас рассказать, как Вы пришли к теме Белого движения.

– В свое время я задался вопросом, а как бы пошла история отечества, если бы победили не красные, а белые... Это подвигло меня к изучению истории гражданской войны и подвигов белых воинов. Вскоре я понял, что мы обворованы в материалах о Белом деле... И, конечно же, как сибиряка, как иркутянина меня буквально очаровал наш великий адмирал Колчак. Ученый, популярный исследователь, блестящий военно-морской теоретик, самоотверженный патриот, до конца защищавший честь России...

– В последнее время многие ваятели обращаются к темам исторической России и ее героев. Что же, по-вашему, движет художниками?

– Не хотел бы говорить за всех. Но, по-моему, просто большинство из нас постепенно смывают советский налет и все более ощущают себя русскими. Словом, в стране, в душах людей происходит длительный и сложный процесс, который иногда называют очень мудрено: формирование национального самосознания. Проще говоря, мы вновь становимся русскими.

– Но как мне кажется, происходит это слишком медленно...

– Конечно, 70 лет большевицкого владычества, когда они были готовы поотрубить головы всему человечеству, даром пройти не могли. Выход из нынешнего межумочного состояния не может быть кратким. Скорее всего это займет не одно десятилетие.

– В чем же Вы как художник видите свою задачу в таком общенациональном очищении от наследия большевизма? Как нам этого добиться? Может быть, для начала снести памятники красным палачам?

– Вы знаете, я бы их пока не трогал...

– Почему? Как же так? Как может какой-то памятник Ленину соседствовать, скажем, с памятником

Скульптор Александр Добровольский в своей мастерской перед барельефами Белым генералам.

Колчаку? Ведь адмирал был казнен без суда по приказу «вождя».

– Дело в том, что мы вовремя не запретили ни компартию, ни ее людоедскую идеологию, поэтому и растянули себе такое сомнительное «удовольствие», как преодоление последствий большевизма. Сегодня нам надо, если потребуется, то и явочным порядком, ставить памятники героям Белой борьбы, великим людям исторической России. И тогда сам народ именно белых, а не красных строителей отечества, не его разрушителей и палачей начнет отождествлять с новой Россией и, конечно, потребует убрать истуканов с улиц наших городов в какой-нибудь музей тоталитарного искусства.

– Вы верите, что так будет?

– Конечно, я верю в хорошее и нормальное будущее России. Поэтому работаю я над циклом рельефов героев Белой борьбы, командующих Белыми армиями: Колчака, Врангеля, Деникина, Юденича, Миллера, Дроздовского, Маркова, Алексева, Корнилова, Каппеля, Лукомского. Я надеюсь, что они украсят наши военные училища и музеи и послужат воспитанию патриотов России.

– И последний у меня вопрос к Вам, наверное, он достаточно избезженный и традиционный: закончите цикл рельефов белых героев, а что же дальше?

– Дальше работы непочатый край. В мои планы входит: первое – продолжать линию изображения ярких личностей Белого движения и второе – углублять линию Колчака. Я мечтаю как уроженец Иркутска когда-нибудь на месте расстрела Колчака в этом городе поставить золоченый памятник ему. Он достоин этого. Когда напитаться материалом, эмоциональное состояние созревает до стихов. Я пишу стихи. От

клуба Добровольских мы выпустили буклетик из трех стихов. Трое Добровольских написали о Колчаке. И когда я написал это стихотворение, я подумал, что, может быть, когда-нибудь, не сегодня-завтра, откроют доску, и мы начнем работать над памятником Колчаку и в Петербурге в том числе. Я хотел бы поставить памятник Колчаку.

Визуально-информативный ряд изобразительных произведений искусства на тему самых ярких представителей Белого движения и дореволюционного периода нужно продолжать.

– А кроме героев Белой борьбы, кого Вы хотели бы изваять?

В связи с 300-летием Петербурга наши власти решили поставить монумент на Мытнинской набережной за Биржевым мостом. Я высказывал мысль, что строить монумент в честь 300-летия глупость. Будет 400 лет снова монумент? Была другая идея – устроить мемориальные юбилейные доски на стене Петропавловской крепости раз и навсегда и раз в 100 лет открывать эту доску на крепости-музее города, кстати. Отказались. Взамен я предлагал на этой площади поставить памятник Столыпину. Достоин Столыпин того, чтобы ему поставили памятник в России и, в частности, в Петербурге? Да, но никто не заикается об этом. Оказалось, что в Петербурге нет места для памятника и первому губернатору – Меншикову. Нет места. Об этом можно отдельно говорить.

Я считаю, что за мной или рядом пойдут другие художники. Появятся картины противоположного советскому содержания.

Беседовала Татьяна Кустодиева

Позиция

От редакции. В № 2 нашего журнала за 2002 г. под заголовком «Нас разделяют миллионы наших мертвецов...» было напечатано открытое письмо некому высокопоставленному чиновнику РФ живущего в США д-ра Е.Л. Магеровского, полковника армии США в отставке. В № 4 на это письмо ответил статьей «За мертвецов отвечают коммунисты» М.В.Славинский. Ныне мы публикуем ответ г-на Магеровского на эту статью.

Евгений Магеровский

К СОЖАЛЕНИЮ, ЗА НАШИХ МЕРТВЕЦОВ ОТВЕЧАЕМ МЫ ВСЕ...

Православное вероучение ясно говорит, что за наших мертвецов отвечаем мы все. Так было испокон веков, так и будет до скончания века. Было бы очень хорошо всю ответственность возложить на «коммунистов», а самим отойти в сторону: «Мы, де, тут не причём, это они, паршивые, всё наделали». Но мы осознаём в глубине души, что это не совсем так, что каждый из нас повинен в какой-то малой доле во всех ужасах, творившихся и творящихся и сейчас у нас. Поэтому-то я и предложил установить чин поминовения всех жертв коммунистов или пострадавших от них. Их страдания, в другой только форме, продолжают и теперь. Об этом я уже писал, и повторяться не стоит. Но этот вопрос, по-видимому, моего оппонента не интересует, и он его, по крайней мере, не касается.

А ведь можно взглянуть хотя бы на российскую прессу. Например, в «Известиях» 1 сентября 2001 (№ 160), появилась статья «Покаяние. Немцы закрывают страшную страницу истории с чистой совестью. А мы?», посвящённая началу выплат германским правительством компенсаций бывшим узникам немецких концлагерей и вынужденным рабочим-рабам. Автор ее замечает, что не важна сумма выплат, а важен сам их факт. И никто даже не заикается о том, что виной всему, де, нацисты, а обыкновенный немец – невиновен. К сожалению, коллективные злодеяния распространяются на всю нацию во всех поколениях, и немцы это поняли. Поймут ли русские?

Мой оппонент обвиняет меня в том, что я недостаточно ясно определяю, кто «вы», «ваш» и т.п. в моём письме. Но, определить это очень легко: если читающий посчитает, что данный пассаж к нему относится, то, видимо, так и должно быть, а если нет, то и нет. Таким образом, как многое, и это решение также чисто субъективно и принимается келейно, наедине с самим собой. Ему также, видимо, нравится употреблять по отношению ко мне слово «отчуждение». По-моему, «непонимание» было бы более уместно, т.к. я совершенно искренне не понимаю, что в России происходит.

Что касается «новоиспеченных американцев», тут я и моя семья можем послужить хорошим примером. После эмиграции в 1920 г. жили мы 25 лет в Чехословакии и если бы не советские коммунисты, то и продолжали бы жить там. Но 9 мая 1945 г. в 6 часов утра советские войска пришли в Прагу и сразу же стали сводить с нами старые счёты. Для таких людей, как мой отец, в прошлом – белый офицер, обычной была

бы посадка в концлагерь лет на 10-15, что в подавляющем большинстве случаев было смертным приговором. Поэтому мы решили спешно уходить и, пробираясь сквозь советские танки, достигли американской зоны оккупации, а оттуда попали в Америку. Кстати, по словам жителей нашего дома, нас пришли арестовывать 12 мая, через 2 дня после нашего ухода. Вот как я стал «новоиспеченным американцем» и совсем не по своей воле. Прожив здесь более 50 лет, я получил образование и даже полюбил Америку, как любят добрую мачеху, которая мне заменила уничтоженную в 1917 г. страну-мать.

Мне неизвестен ни один случай «реституции» чего-либо действительно ценного старому его владельцу. Да и это, по-моему, немного смешно делать сейчас, спустя 74 года. Единственный припоминающийся мне случай, когда было выражено желание лишь посмотреть, что случилось с помещьем Осоргиных, хорошо описан в очень интересной книге Сергея Шмеманна, так же рождённого за границей, который был даже вынужден купить какую-то лачужку в «своём собственном имении», чтобы было где останавливаться. Так что смысл всего этого абзаца мне непонятен.

Что же касается русских патриотов, добившихся возвращения городам их исторических наименований, то спрашивается, почему они оставили Град Петра в Ленинградской области, а Град Екатерины в Свердловской и не тронули Кировской? И почему мумия Ленина продолжает лежать на Красной площади? Не указывает ли это нам на что-то, о чём нам следовало бы тщательно задуматься? Так же я радуюсь за генерала Маркова, но почему Верховный Правитель адмирал Колчак не выступает как таковой, а вынужден застенчиво скрываться на памятной доске, кажется, у Адмиралтейства, как известный морской офицера или кто-то подобный?

Не понимаю я и панегирик Национально-Трудовому Союзу, организации мне известной и весьма достойной, но абсолютно выходящей из рамок моего письма, т.к. я писал о духовном возрождении нации, а не политическом. Но почему-то моему оппоненту это понадобилось.

Вообще надо понимать насущные проблемы современности, решение которых обязательно, чтобы Россия увидела лучшие времена. А сейчас я сказал всё, что хотел, и до этих лучших времён считаю продолжение этой полемики бесцельным.

Сергей Маркедонов*

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НА КАВКАЗЕ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В последнее десятилетие о проблемах и перспективах построения основ гражданского общества в России написаны, без преувеличения, целые тома. Но при обилии работ, посвященных столь непростой проблеме, ее осмысление велось односторонне. Несмотря на различные теоретические, методологические и политические подходы, авторы, дискутирующие о возможности (или невозможности) российского прорыва от тоталитаризма к гражданскому обществу, занимаются поисками неких общих принципов, универсальной интеллектуальной «отмычки», способных объяснить успехи и неудачи нашей страны на этом пути.

К сожалению, при анализе российского «транзита» политологи и публицисты грешат «экономо- и политикоцентризмом», игнорируя целую группу факторов (в первую очередь психологических и социокультурных). Упускается из виду, что Россия – не только государство с авторитарными традициями, отсутствием развитых рыночных институтов и соответствующей социальной структуры, укорененными патерналистскими и этатистскими настроениями, низкой правовой культурой. Это еще и полиэтничная, поликонфессиональная страна, живущая в условиях полиюридизма, когда нормы обычного казуального права не только мирно сосуществуют с нормами права государственного, но и доминируют, с успехом заменяют собой последние. В подобной ситуации говорить о построении гражданского общества на универсальной для всей России основе принципов «непартикулярной» демократии не представляется возможным. Очевидно, что выработка принципов гражданского общества должна иметь «адресный» для каждого региона характер (речь идет в большей степени не о конституционных субъектах РФ, а об историко-культурных образованиях), учитывать не только все многообразие политических и социально-экономических, но и социокультурных факторов.

Сегодня в России нет более «проблемного» региона, чем Северный Кавказ. Чеченский «вызов», напряженность вокруг Пригородного района, латентные конфликты в двусубъектных республиках (Карачаево-Черкессия и Кабардино-Балкария), столь же латентный ирредентизм («лезгинский вопрос») – вот далеко не полный перечень «вызовов», поиск «ответа» на которые можно было бы с лихвой распределить на несколько государств. Но даже если предположить, что самые мощные административно-бюрократические и полицейские системы мира объединились в своем стремлении разрешить межэтнические и межконфессиональные проблемы Кавказского региона, то их совме-

стная деятельность не могла бы увенчаться успехом на все 100%. Действительно, без «силовой» составляющей невозможно усмирение этнической (тейповой) «гверильи», обеспечение элементарного правопорядка и защиты граждан, замена кровнородственного права государственным. Но дальнейшее продвижение по пути к демократической правовой системе невозможно без эффективного функционирования институтов гражданского общества. Насколько возможно развитие подобных институтов в самой взрывоопасной части РФ и возможно ли оно вообще?

Кавказ – регион с укорененной традиционалистской культурой. Ее «ренессанс», как правило, происходил в условиях ослабления государственных институтов (имперских, общесоюзных, федеральных). Политическая либерализация на Кавказе на рубеже 1980-90-х совпала с этнической (тейповой, клановой) мобилизацией. В результате чего не либеральные ценности и гражданские институты, а кровнородственные (этнические, клановые, тейповые) механизмы заняли вакуум, образовавшийся в результате ослабления государства. Последовательная реализация «laissez-faire» в регионе, начиная с 1991г., не стала торжеством гражданских добродетелей и экономической свободы. Освобожденные из-под опеки российского Левиафана различные политические силы на Кавказе стали вести борьбу не за приоритет права, равные правила игры для всех и свободную конкуренцию, а за верховенство (по крайней мере, преференции) для своего тейпа (клана, этнической группировки). Конкретными проявлениями такого рода борьбы стали традиционные для данного региона политические методы – кровная месть, захват заложников, этнический (тейповый) конфликт. Иной результат трудно себе предположить, так, кавказские социумы никогда не знали и не придерживались в ежедневной социально-политической и социокультурной практике принципов европейского Просвещения, «Декларации независимости» и постулатов Адама Смита. Правовая регуляция у народов Кавказа осуществлялась на основе исторически сложившихся систем – адатов, шариата, кровнородственной «дипломатии».

В данной ситуации главным «вызовом» формированию институтов гражданского общества в регионе (в отличие от других) стали не столько государственная бюрократия, сколько получившие мощный импульс традиционалистские структуры, «приватизировавшие» органы власти и управления. Преодоление традиционалистского «вызова» путем создания противовеса в виде гражданских институтов стало важнейшей задачей и для российского государства (поскольку одними силовыми методами проблемы на Кавказе не разрешимы), и для наиболее социально мобильной части населения региона, заинтересованной в преодолении иску-

* Заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа, кандидат исторических наук.

ственного ограничения экономической и политической свобод. В условиях полного отсутствия гражданских институтов их формирование будет происходить в «парниковых условиях» при поддержке государства. Без институциональных изменений, инициированных органами власти и нацеленных на создание общественной опоры для преодоления «горской модели» демократии и подлинной либерализации, проблематично как «замирение» региона, так и перспективы перехода к гражданскому обществу.

Интеллектуалами (как столичными, так и северокавказскими) предлагаются различные варианты таких институциональных изменений, должных, по мнению их разработчиков, привести к торжеству гражданских ценностей, установлению долгожданного мира и стабильности на Кавказе. Некоторые идеи уже реализованы полностью или частично, другие так и не перешли в разряд «realpolitik».

КОНСОЦИАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

К концу XX в. идеи «защиты меньшинств» и «политкорректности» по степени «культовости» оставили далеко позади идеи свободы, класса, нации, веры, государства. Территориальная целостность, суверенитет, единое правовое пространство – все брэнно, если нарушаются права хотя бы небольшой этнической (конфессиональной группы), – полагают поборники «minorities». Если же эти «меньшинства» снимают скальпы, занимаются, к примеру, канныализмом, а из всех видов экономической деятельности предпочитают нарко- или работорговлю, решают спорные вопросы посредством вендетты, то на такие «болезни роста» не стоит обращать внимания. Выдвигается своего рода постулат: «Чем больше людей (этнических, расовых, сексуальных и пр. групп) вовлечено в управление государством, тем лучше, тем больше предпосылок для развития политического плюрализма, демократии и гражданского общества».

Применительно к кавказским же условиям делается предложение: во избежание этнического противостояния и для скорейшего перехода от состояния конфликтов к строительству гражданского общества необходимо реализовать модель консоциативной демократии, т.е. юридически закрепить участие представителей различных этнических групп (больших и малых) в управлении республикой. Механизм несложен. Тот или иной государственный (управленческий) пост фиксируется за представителем той или иной этнической общности либо устанавливается процентная норма, если речь идет о представительном органе. Подобное делегирование возможно осуществить на основе этнических общественных объединений. Таким образом каждая группа получает участок управления, свое представительство и несет свою долю ответственности.

Схема с политической точки зрения может показаться безупречной. Но анализ социокультурных особенностей региона и этнопсихологии его народонаселения вносит свои значительные коррективы.

Говорить о сложившихся этносах на Кавказе весьма проблематично. В идентификации населения региона принадлежность к тейпу (роду, клану) выходит на пер-

вое место. По этому же принципу построена и значительная часть т.н. «национально-культурных обществ». Поэтому «делеги́рование» представителей от этнических групп во власть будет консервацией установившихся тейповых отношений, догосударственных по своей сути, никакого отношения к гражданскому обществу не имеющих.

А установление процентной нормы в представительных органах власти напрямую противоречит российскому конституционному принципу равенства всех перед законом. Неужели авторы подобных идей не осознают, что принцип этнического представительства является перевернутым upside down принципом «процентной нормы» для «инородцев», активно защищаемой в начале XX в. черносотенцами во главе с Пуришкевичем, Марковым-вторым? Только на Кавказе конца века в роли «инородцев» будут выступать русские.

Реализация подобного проекта существенно затруднит формирование такой фундаментальной основы для гражданского общества, как гражданская нация.

Данный проект искусственно снижает социальную мобильность, т.к. отбор и рекрутирование в элиту происходит не по таланту, а по крови. Будь ты хоть семи пядей во лбу, а не быть тебе министром, потому что этот пост закреплен за обладателем иной заветной «пятой графы». Искусственное выстраивание этнических (а фактически кровнородственных) барьеров, перевод этнической конкуренции в разряд политической способны лишь спровоцировать новые конфликты, но не стабилизировать ситуацию, а тем паче создать основу для полноценного функционирования гражданских институтов.

И последнее. Говоря о консоциативной демократии нельзя не учитывать и печальный исторический опыт Ливана и Югославии, также пытавшихся с помощью всестороннего учета прав всех этнических общностей и этнического квотирования совершить транзит к гражданскому обществу. Ссылки же на опыт Бельгии и Швейцарии не слишком состоятельны, т.к. население данных государств, помимо этнической идентичности имеет неизмеримо более развитую правовую культуру и достаточно укорененную надэтническую идентичность – европейскую. Небесполезно также осмыслить мнения зарубежных политологов, высказывающих критические возражения по поводу «культы этничности», не понаслышке знакомых с последствиями неистового служения ценностям «культурного многообразия». А. Блум, рассуждая о «смене вех» в американской мысли, пришел к интересному заключению: «Вся концепция культурного многообразия способствует усилению и утверждению групповщины, а также распаду прав личности, провозглашенных «Декларацией независимости». Видимо, есть над чем подумать и творцам проектов по созданию гражданских институтов посредством этнизации политики...

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ

В современной российской политологии стал обсуждаться тезис о понуждении этносов к совместному проживанию как о нарушении прав человека. Следовательно, их «развод» (в теории всегда цивилизованный) –

способ реализации фундаментальных прав. Идея может быть прекрасна для ученых штудий и интеллектуальных салонов, но последствия ее реализации в кавказских условиях легко предсказуемы. Тем более, что принцип этнической правосубъектности, т.е. права каждого этноса на свою государственность (либо как суверенного государства, либо как составная часть федерации или конфедерации), отчасти уже реализован. Республики с «титульной» (или двумя «титульными») нацией и, как следствие, формированием этнократических властных элит – воплощение этого принципа, в реальности далекого от прав человека.

Нынешние границы и «титульные нации» не являются абсолютно удовлетворительными для всех этнических групп Кавказа. Полагать в этой связи, что общественные движения, построенные по этническому принципу, возьмутся за строительство институтов гражданского общества было бы, по меньшей мере, наивно. Их цель – создать *de jure* этнократические элиты и стать «отцами-основателями» новых образований с новыми «титульными нациями». Кумыкское движение «Тенглик» много лет выдвигало требование создания собственной государственности, ногайская организация «Бирлик» – более умеренные требования собственной автономии, а лезгинское движение «Садвал» провозглашало ирредентистские лозунги создания собственной государственности на основе территорий, входящих в состав РФ и Азербайджана. Было бы также наивным видеть в самостийнических попытках казачьих объединений (провозглашение казаков отдельным этносом) видеть некий противовес антигосударственным поползновениям. В данном случае – это лишь один из вариантов «вызова» государственной целостности России.

КАНТОНИЗАЦИЯ КАВКАЗА

Идея «Кавказской Швейцарии», создания на территориях ныне существующих территориальных образований без пересмотра их границ кантонов, выглядит также весьма утопичной. Во-первых, по развитию правовой культуры и социальной регуляции Кавказ конца XX в. в большей степени напоминает Швейцарию...средневековой эпохи. Во-вторых, создание кантонов на той же этнической основе (в Карачаево-Черкессии, например, предлагается создать карачаевские, черкесские, русские, абазинские, ногайские кантоны) лишь умножило бы и без того непростые проблемы, т.к. обострило бы вопрос о межкантональных границах, привело бы к появлению новых элит (кантональных).

При отсутствии культуры политического компромисса новые этнические элиты устремились бы в борьбу за доминирование «своего кантона» за контроль над лучшими землями, ресурсами и большим куском собственности. Появление новых элит в весьма специфических условиях стало бы толчком не к становлению гражданских институтов, а привело бы к совершенно противоположным тенденциям – бюрократизации, появлению нового слоя «кантональных начальников». И наконец, «кантонизация» на этнической основе, как и консociальная демократия, тормозит создание гражданской нации (по конституции РФ «многонациональ-

ного народа России»). Общегражданская российская идентичность остается всецело подавленной идентичностью этнической.

«РУССКИЙ ПРОЕКТ»

При всех разночтениях рассмотренные выше проекты построения гражданского общества на Кавказе объединяет одно. Они либо не видят, либо не хотят видеть «русского вопроса», роли русского («русскоязычного») населения в формировании гражданских институтов. Создается впечатление, что блага гражданского общества должны получить, прежде всего, любые этносы, этнографические группы (некоторые из них по численности равны одному небольшому аулу), но только не «осколки Империи». Разговоры о защите прав русских рассматриваются как проявление имперской идеологии. И в этом, надо признаться откровенно, виноваты сами российские государственные деятели, политики, политологи, обращавшиеся к анализу ситуации на Кавказе. Одни игнорировали в силу различных причин данную проблему. Другие же занимались разработкой этнонационалистических, шовинистических, а то и откровенно пронацистских проектов в духе макашовско-баркашовских выступлений (наиболее яркий пример – политика Николая Кондратенко). Подобные идеи, кроме ответной этнической мобилизации и разжигания межэтнической розни, оборачивавшейся, кстати говоря, против русских же, никакого положительного результата не имели.

К сожалению, ни государство, ни общественные организации оказались не в состоянии выработать современную либерально-националистическую доктрину (гражданский национализм), рассматривающую русских не в качестве «арийцев», «венца бытия» («Russland, Russland uber alles»), а как государствообразующий этнос, цементирующий федерацию, призванный реализовать принцип «*a pluribus unum*», содействовать прекращению межэтнической и межтейповой борьбы и переходу к гражданскому обществу равных возможностей.

Реализация «русского проекта» на Кавказе, т.е. строительство гражданских институтов с опорой на «русскоязычный элемент», была бы полезна и государству, и обществу. Это один из тех случаев, когда патриотические и либеральные ценности сходятся в общей точке. Именно русские в большей степени заинтересованы в скорейшем окончании «особого кавказского пути», этно- и тейпократии, создании равных возможностей для карьерного роста и свободной от кровнородственного протекционизма предпринимательской деятельности. Социальные отношения в русскоязычной среде также не носят родового характера. Так уж сложилось исторически (и в этом нет никакой попытки доказать этническое превосходство), но русские на Кавказе – общность. Она впитала в себя ценности индустриального общества и либеральной демократии. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что, несмотря на последствия миграционных процессов, русские общины по-прежнему нельзя отнести к меньшинствам (в Адыгее, например, это – значительное большинство). В сильных русских общинах заинтересованы и другие этносы,

проживающие на Кавказе (особенно в республиках с двумя «титულными нациями»).

Так было и в начале XX, и в начале нынешнего века. «Родственные связи и боязнь кровной мести по обычаям, строго соблюдаемым туземцами, делают дагестанца плохим администратором, связывая его по рукам и ногам. Вследствие этого масса уголовных преступлений остается нераскрытой. Среди самих туземцев раздаются голоса, что пока административная власть будет принадлежать им, трудно ожидать порядка и правильной жизни в крае. По их мнению, необходимо, чтобы административные должности замещались русскими», – констатирует сводка политканцелярии штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России в годы гражданской войны А.И. Деникина.

Весьма схожую оценку «особого горского пути» дал в январе 2001 г. экс-глава Наурского района Чечни Сергей Пономаренко: «Сегодня в администрации республики, министерствах на ключевых постах – родственники Кадырова. Понять его несложно: опасаясь проникновения во власть ставленников сепаратистов, он решил опереться на людей, которых хорошо знает. Но при этом возникает тейповая зависимость главы республики, которая ничего хорошего Чечне не сулит. Многие руководители чувствуют себя временщиками и заботятся об одном: набить карманы, пока есть возможность. Все это усиливает разочарование населения». В межэтнических спорах и конфликтах русские по-прежнему играют роль арбитра, «третьей силы». И эту роль необходимо повысить. Без массовой поддержки русского населения невозможна и мало-мальски эффективная политика государства по стабилизации ситуации на Кавказе.

Деятельность государственных органов по приведению местных законодательных актов в соответствие с конституцией и российским законодательством – мера своевременная и бесспорно продемонстрировавшая

свои первые позитивные результаты. Но институциональные экзерсисы, лишённые этнопсихологической и социокультурной составляющей, не способны кардинальным образом исправить ситуацию. Нет никакой уверенности, что без развитых гражданских институтов, при малейшем ослаблении давления «сверху» попытки выстраивания партикулярных «горских схем» не будут повторены вновь. Для предотвращения подобной «реставрации» антигосударственных (в некоторых случаях догосударственных, обычных) норм президентские инициативы должны получать поддержку снизу, с помощью общественных организаций. Иначе лишённые «народной поддержки» меры Кремля не станут четкой и строгой системой, а будут носить знакомые с советских времен черты «кампанейщины».

Создание общекавказского общественно-политического объединения русских могло бы стать такой гражданской поддержкой укреплению государственности и правопорядка. Оно могло бы участвовать в выборах в представительные органы власти республик, бороться за кресла президентов, а попадая в парламент или исполнительные органы, способствовать предотвращению этно-тейпократических экспериментов, созданию единого российского правового пространства. Подобное объединение было бы важным инструментом в налаживании горизонтальных общественных связей, формировании надэтнической (гражданской) идентичности и надэтнической психологии. Но необходимо четко осознавать, что формирование русского объединения (в том случае, если оно нацелено на формирование основ гражданского общества) должно иметь либерально-националистическую направленность, отстаивать ценности гражданской нации, должно быть лишено этнократического наполнения, а также открыто для «кавказских европейцев», тех представителей местной интеллигенции, которые видят свое будущее вместе с Россией на путях демократии и сильного ответственного государства.

Андрей Деркач*

ФОРМУЛА СТАБИЛЬНОСТИ

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГЕРМАНИИ, УКРАИНЫ И РОССИИ ОБЕСПЕЧИТ БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА

Взрыв насилия на Балканах, проводимые под эгидой НАТО неправомерные действия против суверенных государств, экспансия международного терроризма и рост влияния экстремистских организаций показали хрупкость континентальной стабильности, неготовность Европы к эффективному противостоянию внесистемным угрозам.

Если по отношению к миру в целом фиаско теории «конца истории» было ясно уже давно, то локальное применение амбициозной фукуямовской доктрины по отношению к Европейскому континенту представлялось многим политикам вполне допустимым. Европа виделась некоей «землей обетованной», которую не могут затронуть катаклизмы, сотрясающие остальной мир. Землей, о границы которой разбиваются волны нестабильности, насилия и экономических кризисов. События, происходящие не в далеких нецивилизованных странах, а в самой Европе, показали, что она не обладает иммунитетом против общемировых болезней, и понимаемая в качестве декларации «европейская интеграция» не может являться панацеей.

Будущее Европы отнюдь не обязательно должно быть безоблачным, строго регламентированным циркулярами руководящих брюссельских органов. Все более четким становится понимание, что всем европейским государствам необходима реализация новой прочной геополитической конструкции, которая сможет обеспечить Евросоюзу достаточную стабильность и устойчивость.

* Председатель объединения «В Европу – вместе с Россией», народный депутат Украины.

ГЕОПОЛИТИКА БЕЗ МИСТИКИ

Беда геополитики в том, что ее тезисы абсолютизацией довелись до гротеска и, благодаря подобной интерпретации, вывелись из серьезного научного оборота и практического использования. Но никакая неумеренная активность адептов не способна дискредитировать сами основы классической геополитики Карла Хаусхофера, построенные на обоснованном положении, что интересы государства во многом определяются его географическим положением и всем комплексом связанных с этим факторов – климатических, экономических, этнических и многих других.

Если не вносить в геополитические построения ненужной мистики, к чему склонны некоторые исследователи, предпочитающие делать выводы лишь на макроуровне, то на их основе может быть выстроена действующая «реал политик». При любом общественном строе и изменяющихся внешних обстоятельствах Германия, Россия и Франция оставались континентальными государствами, Великобритания – островным, а Турция имела территории как в Европе, так и в Азии, что определяло направление развития их экономики, военно-стратегическое положение и отношения с внешним миром. Таким образом, выбор государством союзников и партнеров не случаен, как правило, он уже определен самим его географическим местоположением и историческим развитием.

Правда, зачастую на первый план выступает субъективный фактор, связанный с позицией определенной части властной элиты, пытающейся в основу национальной политики заложить свои интересы, не обязательно совпадающие с общегосударственными, либо далекие от жизни идеологемы. Иногда оба эти влияния объединяются, что чревато общегосударственной катастрофой.

Яркий пример подобного насилия над реальностью представляла собой Украина первых лет независимости: несмотря на объективную заинтересованность в сохранении экономической кооперации с Россией, государственным руководством проводилась открыто конфронтационная антироссийская политика, нанесшая огромный ущерб экономике и значительно затруднившая процесс интеграции в ЕС.

В целом не вызывает сомнения правильность основного положения геополитики о «морских» и «континентальных» государствах, интересы которых ориентированы по разным векторам. В рамках этой концепции становятся понятными и постоянная «особая позиция» Великобритании в ЕС, и противоречия между США и Евросоюзом, и постоянное тяготение России и Германии к взаимному сближению.

Украина – континентальное срединноевропейское государство. Ее экономические и политические интересы теснейшим образом связаны с Европой. Более конкретно – прежде всего с Россией и Германией, отношения

между которыми все более приобретают характер стратегического партнерства. Задача государственно мыслящих политиков – переводе этой аксиомы в русло практических действий, без чего невозможно становление Украины в качестве европейской державы.

«ЖЕЛЕЗНЫЙ КАНЦЛЕР» И ВЛАДИМИР ПУТИН

Взаимопритяжение России и Украины, с одной стороны, и Германии – с другой, берет начало еще в эпоху наполеоновских войн. Именно Россия и Пруссия были наиболее заинтересованы в ликвидации навязывания воли одной страны континенту, а дополнительную активность их сотрудничеству прида-

вала выгодность проводимых торговых операций.

Продолжил развитие этой традиции отец германского единства – канцлер Отто фон Бисмарк, при котором окончательно определились главные связующие нити российско-германского партнерства: взаимная заинтересованность в режиме стабильности на континенте, недопущение навязывания ему воли третьих держав, взаимовыгодные рынки сбыта и общая экономическая взаимодополняемость. «Железный канцлер» понимал, что односторонняя ориентация Германии только на Запад Европы не может быть достаточной, без сотрудничества с Востоком континентальная стабильность будет невозможна.

Хотя I мировая война прервала бисмарковскую традицию, но вскоре она была восстановлена, причем с включением дополнительного элемента геополитической конфигурации в виде независимой Украины, призванной играть роль своеобразного моста в германо-российском стратегическом альянсе. В 1918 г. прагматически настроенные военные и дипломаты кайзеровской Германии решительно выступили против введения оккупационной администрации, и во многом благодаря помощи, оказываемой украинской державе гетмана Павла Скоропадского, Украина стала оазисом благополучия среди заливаемых кровью просторов бывшей Российской империи.

Особо следует отметить, что гетман, добившийся чрезвычайно значимых успехов в государственном строительстве, был непримиримым противником антироссийской внутренней и внешней политики. Он планировал стратегию исходя из необходимости будущего партнерства Украины с возродившейся великой Россией и опорой в европейской политике на германо-российский союз. Гетманская держава пала под напором подпитываемых из-за рубежа экстремистских сил, но ее внешнеполитические подходы не ушли в историческое небытие. На наших глазах оправдываются внешнеполитические прозрения непонятого великого гетмана – все более реальные черты приобретает стратегическое партнерство, особенно в экономике, между Германией, Россией и Украиной.

Показательно, что ориентацию немецких элит на равноправное сотрудничество с Востоком не смогла сломить даже гитлеровская диктатура, и борьба с нацизмом проходила при понимании того, что будущая демократическая Германия должна выстраивать свою европейскую политику в тесном сотрудничестве с Россией. Руководитель попытки антигитлеровского переворота 20 июля 1944 г., ставшей исходной точкой процесса внутреннего духовного возрождения Германии, полковник Клаус фон Штауффенберг выступал категорически против переговоров только с западными союзниками, понимая, что будущая Европа не должна быть разделена разграничительной линией на восточной границе.

Ситуация, сложившаяся после распада СССР и возникновения независимых России и Украины, сделала заветы континентального сотрудничества еще более актуальными, связав факты истории с событиями сегодняшнего дня. Обеспечивающая континенту стабильное развитие и безопасность геополитическая ось Берлин-Киев-Москва из области абстрактных построений переходит в реально проводимую политику.

ИНТЕГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ СОХРАНЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА

В определенных кругах существует непоколебимое убеждение, что в объединенной Европе перестают действовать закономерности традиционной геополитики. Или другими словами, что при действующей схеме евроинтеграции роль отдельных государств полностью нивелируется. Подобная концепция видит в евроинтеграционизме процесс отрицания национальных суверенитетов и дальнейшего существования национальной государственности. Именно такие подходы порождают набирающий силу «евроскептицизм», крайнее течение которого отрицает интеграцию.

На самом деле, евроинтеграция ни в коей мере не противоречит сохранению национального суверенитета и не отменяет исторически сложившегося понимания национальных суверенитетов. Это процессы не взаимоисключающие, а взаимодополняющие. Глобализация мировой экономики, вызовы современности, будь то техногенные угрозы или международный терроризм, объективно требуют объединения усилий и проведения скоординированной политики.

Эффективным инструментом координации служит Евросоюз, и участие во всех его институтах отвечает интересам европейских стран. ЕС не аналог «плавильного котла»: каждое из входящих в него государств делегирует полномочия, обязательные для проведения скоординированной политики, адаптируя в соответствии с выработанными евростандартами внутреннее законодательство. Евросоюз – международная организация с высокой степенью внутренней координации, но не новая европейская империя, поглотившая столетиями складывавшиеся государства. Общие интересы ЕС не подменяют собственных государственных интересов, а способствуют их защите в совпадающих плоскостях. При этом направление деятельности Евросоюза не ограничивает собственных внешнеполитических мероприятий суверенных государств, проводимых в рамках согласованного общего курса.

Нельзя не видеть и того, что ЕС сам по себе не может

решить все стоящие перед континентом проблемы. Как и любая международная организация во все времена, начиная с благополучно скончавшейся Лиги наций, он склонен к чрезмерной бюрократизации, частому превалярованию второстепенных вопросов, недостаточно быстрому реагированию и непоследовательности в решении важных проблем. При любых внутренних расстановках сил у аппарата и руководства международных организаций нет непосредственной ответственности перед гражданами своей страны за принятие и реализацию решений. Оставаясь реалистами, следует отдавать себе отчет, что изменить здесь ничего нельзя. Международные организации, как живые организмы, существуют и развиваются по собственным законам, и есть предел их перестройке.

В решении тех проблем, где общеевропейские институты не могут действовать результативно, основная роль переходит к континентальным межгосударственным объединениям стран, обладающих наибольшим потенциалом. Единственно возможный вариант подобного геостратегического альянса, способного гарантировать общеевропейскую безопасность, – ось Берлин-Киев-Москва. К ней вплотную будут примыкать ряд европейских государств, в первую очередь Польша и Франция, а также «православный пояс» на Балканах, в котором ведущие позиции принадлежат Греции.

Бесплодны надежды, что НАТО, выстроенное исходя из принципов блокового противостояния и стержнем которого является США сумеет обеспечить безопасность континента в новых условиях. Характерно недавнее высказывание министра обороны США Рамсфилда, вынужденного констатировать невозможность предотвращения актов международного терроризма даже на собственной территории Соединенных Штатов.

ЕВРОПА БЕЗ ВНЕШНЕГО ВЛИЯНИЯ

Континентальная ось позволит реализовать целый ряд задач, жизненно необходимых для стабильного развития ЕС. Это касается как вопросов сугубо экономических, так и политики безопасности. Взаимодействие через Россию и Украину, с одной стороны, и Германию – с другой, экономических потенциалов ЕврАзЭС и ЕС фактически означает создание единого континентального самодостаточного рынка, что отвечает интересам всех государств, входящих в эти организации. В области политики безопасности должны будут кардинально видоизмениться существующие военно-политические союзы, действующие, несмотря на проведенные реформы косметического характера, исходя из логики времен блокового противостояния. Стратегическое партнерство двух наиболее мощных европейских государств – абсолютная гарантия безопасности континента, результатом чего станет смена двусмысленной евроатлантической интеграции подлинно европейской. Таким образом, станет невозможным настойчивое вмешательство в европейские дела глобалистского лобби США, стремящегося рассматривать континентальное пространство в качестве своей «зоны ответственности». Подобная политика части американского правящего истеблишмента де-факто подрывает общеевропейскую систему безопасности, направляя ее на выполнение функций, связан-

ных с защитой чуждых ей интересов, и вмешательство во внутренние дела европейских государств. Это наносит вред не только Европе, но и самим США, не давая возможности сконцентрировать усилия на направлениях, реально значимых для их национальной безопасности, подтверждением чему является общая нерезультативность даже латиноамериканской политики.

Джордж Буш и Коллин Пауэлл, которые прагматически подошли к внешнеполитическим вопросам, явно пытаются избавиться от тяжелого наследия предшествующей администрации. Подтверждением тому служит конструктивная позиция госсекретаря США в отношениях с Украиной, базирующаяся на налаживании сотрудничества и поддержании диалога, а не на методах диктата. К сожалению, эта задача чрезвычайно осложнена для Белого дома факторами внутреннего влияния и деструктивной позицией части законодателей.

И пока привычными становятся акты неприкрытого давления во внутриполитических вопросах или в проблемах взаимоотношений европейских государств друг с другом. Показательным был тот беспрецедентный прессинг, которому подверглась Украина за последовательную поддержку Македонии в борьбе с албанскими террористами, нашедшими надежное убежище в контролируемом силами НАТО Косово.

Продолжают подвергаться смертельной опасности в чужих странах за бессодержательный лозунг «миротворчества», прикрывающий многоходовые геополитические игры, и военнослужащие европейских армий, в т. ч. украинской.

Все это станет невозможным в Европе, в которой главным фактором, определяющим проведение международной политики, будет ее соответствие европейским интересам, а не абстрактным идеологическим построениям. Обеспечить это могут только соединенные усилия Берлина и Москвы, имеющих достаточные экономические и политические ресурсы для защиты своих национальных интересов, а с ними и интересов всей Европы. Украина при этом будет одной из наиболее выигравших сторон, если учесть, что стиль общения с ней определенных сил из Вашингтона более приличествует директивам метрополии протекторату.

ПОЛИТИКА ЧЕТКИХ ПРИОРИТЕТОВ

Для верной оценки ситуации следует ответить на ключевой вопрос: является ли создание «оси стабильности» далекой перспективой или фактом современной политики? Не оставляющий сомнений ответ на этот вопрос дает последний визит Путина в Германию, содержание которого свидетельствует о создании конструкции стратегического партнерства между Россией и ЕС, с особой ролью Германии в этом процессе. Президентом России, таким образом, избрано наиболее многообещающее направление евроинтеграции – не через общие декларации о намерениях, а путем налаживания геостратегического союза с Берлином.

Наиболее убедительным показателем правильности путинского сценария вхождения России в общеевропейские структуры стало заключение соглашения о стратегическом партнерстве с ЕС в топливно-энергетической сфере, что имеет непосредственное отношение к

интересам Украины как транзитной страны. На наших глазах создается новая Европа, в которой Германия и Россия получают соответствующую их возможностям роль. Если Берлин олицетворяет в этой связке Запад Европы, то Москва – Восток, и их рассчитанное на перспективу экономическое и политическое взаимодействие означает подлинное континентальное единство. Украина имеет реальные шансы подключиться к этому процессу, что выведет ее экономику из состояния стагнации и откроет перед ней огромные перспективы. Первые шаги в этом направлении уже сделаны – несомненный динамизм евроинтеграции Украины придаст получение статуса наблюдателя в ЕврАзЭС. Это позволит успешно синхронизировать с Россией вхождение в структуры объединенной Европы и проводить европейскую политику с опорой на поддержку российского экономического и политического потенциала, используя одновременно Германию в качестве провайдера своих интересов в ЕС. Главное же условие успеха избранной схемы вхождения в Европу – в ее последовательной реализации, не совместимой с проведением каких-либо непродуманных внешнеполитических шагов, подобно полностью дискредитировавшей себя «евроатлантической интеграции» или заведомо непродуктивного вхождения в ЕС через НАТО. Такие политические метания могут только надолго, если не навсегда, утранить Украину из процесса интеграции в Евросоюз, приведя ее к фактической изоляции на международной арене, причем изоляции отнюдь не «блестящей». Лишенная реальных опор на континенте в виде России и Германии, Украина станет, если использовать терминологию Збигнева Бжезинского, пешкой на большой шахматной доске мировой политики.

Весьма слабой мотивацией выглядят и ссылки на активизацию диалога России с НАТО. Украине следует исходить в отношениях с альянсом из собственных национальных интересов, а не чужого опыта, к тому же, превратно понимаемого.

Немаловажным аспектом является то обстоятельство, что ось Берлин-Москва без участия Украины будет хотя и функционально неполной, но, в принципе, реализуемой. Россия и Германия могут компенсировать неучастие Украины, и поэтому бесперспективен путь спекуляции своим географическим положением и бесцельного лавирования. Дипломатия далеко не всегда заключается в уходе от определенных ответов, иногда показателем ее профессионализма бывает четкое определение приоритетов.

Украине следует проявить политическую волю в достижении поставленных целей, так как от результата сегодняшних действий зависит вся ее будущность – станет ли она частью единого европейского экономического и правового пространства или останется «серой зоной» континента. Необходимо руководствоваться национальными интересами страны, а не истериками национал-радикалов, делающих бизнес на антироссийской, а по сути, антиевропейской риторике. Только тогда Украина перестанет быть «перекрестным мегаполем», т. е. территорией реализации национальных интересов других государств, а на практике войдет в семью европейских народов.

От редакции. На 44-й конференции нашего журнала главный редактор воронежской газеты «Берег» Святослав Павлович Иванов выступил с докладом о проблемах журналистики. По независимым ни от докладчика, ни от редакции «Посева» причинам этот доклад не был своевременно опубликован. Мы приносим уважаемому Святославу Павловичу наши самые искренние извинения.

Святослав Иванов

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Насколько мне удалось выяснить историю вопроса, само словосочетание «четвертая власть» появилось в 1791 г. в Америке, когда была принята первая поправка к конституции этой страны, гарантирующая свободу слова.

Главная цель содержащейся в конституции США гарантии свободной прессы, по замыслу законодателей, была такова: «Создать четвертую ветвь власти в качестве дополнительного средства проверки трех типов высшей государственной власти: исполнительной, законодательной и судебной».

Но стала ли пресса США, существовавшая и до обретения независимости, сразу после принятия первой поправки к конституции на самом деле четвертой ветвью власти? Другими словами, изменилась ли по существу американская журналистика? Ведь одно дело – со стороны помыслить о предмете, явлении, определить его место в системе общественных координат, и совсем другое дело – как себя мыслит сам предмет, чем руководствуется в своей деятельности конкретный журналист, редактор того или иного средства массовой информации. Ну а главное – что думают о СМИ читатели, слушатели и зрители. Жаждают ли они, чтобы все без исключения журналисты стали служащими департамента под названием «четвертая власть»?

Скажу прямо. На мой взгляд, чем быстрее сами журналисты откажутся от претензий на право быть четвертой властью, тем лучше будет и для страны в целом, и для них самих. А еще лучше вообще убрать из политического лексикона словосочетание «четвертая власть». Потому что, если вдуматься, то определение «четвертая власть» находится в одном ряду со знаменитым ленинским тезисом о том, что «печатать не только коллективный пропагандист, но и коллективный организатор». Для настоящей, серьезной западной журналистики это даже не вчерашний, а позавчерашний день. Это эпоха журналистского монолога, когда любой пройдоха мог беззастенчиво выдавать свое мнение за общественное. Именно об этом периоде Алексис де Токвиль писал: «Несчастливы те поколения, которые первыми допустят свободу печати».

Я не думаю, что мы уже миновали в этом смысле все свои несчастья. Но говорить об иной роли СМИ, говорить уже не о средствах массовой информации, а о средствах массовой коммуникации (от латинского *communicare* – совещаться) мы вправе и обязаны. Мне очень нравится высказывание на этот счет американского драматурга Артура Миллера: «Нация, – сказал он, – которая ведет беседу сама с собой, – вот что такое хорошая газета».

То есть, я вовсе не отрицаю и не исключаю важнейшую функцию свободной журналистики – контроль за деятельностью власти. Но я против упрощенного, примитивного подхода к этой задаче. Вот, де, мы создадим действительно свободные СМИ, гарантируем подлинную независимость «четвертой власти», гарантируем журналистам реальную, а не показную свободу, а они уж потом не дадут пропасть российской демократии и создадут гражданское общество. В данном случае я немного утрированно изложил основные «мысли по поводу» нашего президента Владимира Путина, высказанные им в послании Федеральному собранию. Как видим, в них присутствует тот же взгляд на СМИ как некий независимый департамент контроля и наивная вера, что, как только Сергея Доренко мы освободим от влияния и вливания со стороны Березовского, он обретет подлинную свободу и начнет спасать российскую демократию.

Но я думаю, что задача государства в том, чтобы сделать СМИ прежде всего пространством диалога. И тому же Пу-

тину и Касьянову давно пора хотя бы раз в месяц говорить с нацией, объяснять свои действия, отчитываться перед избирателем. В конце концов, сила государства прямо пропорциональна степени взаимопонимания его граждан, а стабильность – это результат согласия. Кстати, американский социолог Уильям Шрамм пришел к выводу, что именно прогресс в системе коммуникации является основным движущим фактором развития человеческой цивилизации.

Возвращаясь к высказыванию Миллера, можно сказать, что сегодня российские СМИ кое-как информируют, потому что источники информации не совсем открыты, кое-как развлекают, потому что потрафляют низменным вкусам, хорошо обслуживают партии, корпорации, но не являются местом, где нация говорит сама с собой. Именно поэтому доверие населения к СМИ падает. Как показывают опросы, электронным СМИ доверяет 30%, а печатным – 26% респондентов.

Но лично у меня есть ощущение, что мы находимся в точке перелома. Ситуация будет меняться к лучшему. Во-первых, я наблюдаю кризис сытой московской, центральной или, если хотите, столичной журналистики. Я вижу, как центральные телеканалы простирают свой интерес за пределы Садового кольца. Появилось больше материалов из глубинки. То, что Березовский и Гусинский практически отстранены от руководства телеканалов – тоже плюс. Предищу потерю тиражей многих центральных газет, которые сделали ставку на развлекательку. Удержатся только те, кто будет отвечать и по статусу, и по существу званию общенациональной газеты.

Резко усиливается роль местной прессы. Вот данные по Воронежской области. Общий тираж подписных изданий по Воронежской области на второе полугодие 2000 г. составлял 534313 экземпляров газет. Из них 106373 – это центральные издания (19,9%), 291924 – областные (54,6%), районные газеты составляют 25,4%, или 136016, т.е. общий тираж районных газет больше, чем центральных.

Собственно говоря, сегодня в провинции рождается новая модель российских СМИ – журналистика диалога. Потому что местная пресса находится в более жестко ориентированной, с точки зрения социального контроля и последствий, системе отношений. Описываемая нами реальность дана нашему читателю в непосредственном опыте. И поэтому даже в угоду хозяину мы не можем врать долго и безнаказанно. Вольей-неволей мы выполняем роль промежуточного звена, являемся организаторами диалога между властью и населением, между различными политическими силами. Складывается система, когда власть, даже будучи формально хозяином СМИ, вынуждена подчиняться условиям существования этих СМИ. Более точно по этому поводу написал Александр Зиновьев: «Медиа есть социальный феномен, концентрирующий и фокусирующий в себе силу безликих единичек общественного целого – зрителей, читателей, ученых, артистов, идеологов, политиков, спортсменов и прочих граждан. Это их коллективная власть, выступающая по отношению к каждому из них по отдельности как власть абсолютная. Сила церкви в эпоху феодализма ведь тоже была не в сравнительно небольшом числе церковников, а во всей массе населения, принимавшего церковь и привносившего в нее кусочки своего отчужденного «я»».

К этим словам трудно что-либо добавить. Газета, любое средство массовой информации, может быть и храмом со своим приходом, и политической партией. Принципиально важно понять, что именно в этом качестве они будут по-настоящему, реально влиять и сильны. Все остальное мифы.

Евгений Елин

К 20-ЛЕТИЮ НОВОЧЕРКАССКОГО РАССТРЕЛА*

Многие в стране знают, что 20 лет назад, в июне 1962 г., после повышения цен и одновременного снижения расценок, на некоторых шахтах Донбасса были забастовки, что в Новочеркасске были волнения рабочих, демонстрации и что чекисты стреляли в демонстрантов. Однако точных данных об этих событиях нет: власть правду скрывала, а где не могла скрыть, искажала дезинформацией, людей же, рассказывавших, как было дело, преследовала. Поэтому, отмечая 20-летие этих событий, мы решили перепечатать из журнала «Наши дни» (№ 35 за 1966 г.) рассказ очевидца Новочеркасского расстрела. (Этот журнал издавался НТС с 1955 г. до середины 1960-х годов с подзаголовком «Журнал общественно-политической мысли», редактировал его Е. И. Гаранин.) Автор рассказа – военнослужащий, перешедший в Западную Германию из Группы советских войск в ГДР. На Западе он пробыл несколько лет, а затем (после того как ГБ нацелило на него «совпатриотов»-эмигрантов, присылало с угрозами родственников из Советского Союза) начал подумывать о возвращении в СССР. Само возвращение произошло при не выясненных до конца обстоятельствах: хотя Е. Елин сел в поезд, идущий в ГДР, сам, но его сопровождали «молодчики» из посольства, а в квартире, где он жил, был взломан замок и обнаружены капли крови. Несколько лет назад некоторые представители III эмиграции, отбывшие лагерные сроки, рассказывали, что встречали Е. Елина – морально совсем сломленного – в лагере. По возвращении, говорят они, он был судим и приговорен к 10 годам лагерей.

Летом 1962 г. я проходил производственную практику на новочеркасском заводе электровозов имени Буденного. Там работало около 20 000 рабочих и большое число студентов проходило практику. Среди них были и ребята из технического училища, где я тогда учился.

Волнения в Новочеркасске возникли по двум причинам. Во-первых, было объявлено о повышении цен на мясные и молочные продукты. Во-вторых, в это же время на ряде предприятий понизили расценки на изготавливаемую продукцию. Если учесть, что жизнь многих рабочих и без того была очень тяжелой, – люди еле-еле сводили концы с концами, жили в перенаселенных квартирах, – то одновременное повышение цен и снижение расценок не могло не вызвать всеобщего негодования и протеста. К тому же, все знали об отправке продовольствия на Кубу, в Индию, Египет.

Началось все в обеденный перерыв 1 июня, часов в 11 утра. По заводскому радио передали, что в сталелитейном цехе снизили расценки на некоторые детали. Рабочие цеха заводовались. А тут как раз включили трансляцию последних известий из Москвы. Среди новостей сообщили и о повышении цен на многие продукты. Весть об этом пронеслась по заводу и вызвала возмущение. Люди недоумевали, как же так: здесь снижают расценки, а там повышают цены на продукты. Как же теперь жить низкооплачиваемым рабочим?

Так как был обеденный перерыв, то рабочие стали собираться группами и все смелее и громче обсуждали эти новости. Начали раздаваться возгласы: «Зарботки малые, а цены выросли. Чем будем кормить детей?», «Это неправильно! О чем думает начальство?»

Многие наши заводские рабочие и на самом деле жили скудно, а порой и очень тяжело. Хороший заработок квалифицированного рабочего был 100-110 рублей. Но были и получающие 60-70, а матери-одиночки, работавшие подсобницами или уборщицами, и того меньше. Если же семья большая, а всего один кормилец, то жили впроголодь. Основная еда у большинства – хлеб, картошка, квашеная капуста, соленые помидоры и огурцы.

Детям покупали молоко, творог, реже масло. Мясо – очень редкий продукт на столе простого рабочего. После увеличения цен он становился совсем недоступным.

Но вернемся к событиям того дня. Когда в сталелитейном цехе собралось довольно много людей, то решили послать делегацию к дирекции за разъяснением. Делегации дали наказ: пусть выяснит все точно. Если сообщения правильное, то пусть отменят распоряжение о снижении расценок. Делегация пошла в заводоуправление, но там начальства не оказалось. По-видимому, директор, главный инженер и секретарь партийного комитета поспешили удрать.

Бегство администрации вызвало новый взрыв негодования. Я в то время работал в кузнечном цехе: это очень тяжелая работа. Рабочие нашего цеха стали группами выходить на заводской двор и на улицу, соединяясь с рабочими других цехов. Толпа быстро увеличивалась, шум и крики нарастали. И в это время вдруг раздался тревожные паровозные гудки. К ним присоединился мощный рев нашего заводского гудка. Он как бы извещал, что началась общезаводская забастовка. Рабочий перерыв кончился, но почти никто не думал возвращаться к своим станкам.

Рядом с нашим заводом, который находится от Новочеркасска в 6-7 километрах, проходит железная дорога. Когда на заводе начались волнения, там проходил пассажирский поезд из Саратова в Ростов. Рабочие вышли на полотно железной дороги и остановили его. Пассажиры вначале сидели спокойно, а когда увидели толпы рабочих около завода и на насыпи, стали выходить из вагонов и спрашивать, в чем дело. Им объяснили. Некоторые качали головами и уходили назад в вагоны, а другие поддерживали рабочих и возмущались вместе с ними. Группа рабочих пошла к паровозу и потребовала от машиниста давать гудки. Машинист отказался. Тогда рабочие сами влезли в паровозную будку и паровоз загудел.

Другая группа рабочих бросилась в подвальное помещение завода, где рычаг гудка. Около рычага постоянно сидит сторож, чтобы никто не мог поднять на заводе тревогу. На просьбу рабочих дать сигнал тревоги сторож стал ссылаться на свое служебное положение. Тогда его для видимости связали, пустили гудок, и око-

* Печатается по тексту «Посев» № 8, 1982.

ло рычага оставили дежурных с наказом, чтобы гудки не прекращались.

К часу дня на заводском дворе стояло несколько тысяч человек: почти вся первая смена. В то же время к заводу подъехали две легковые машины с военными из местного воинского гарнизона. На одной из машин была установлена рация. Среди офицеров был подполковник, который обратился к рабочим с речью и предлагал всем разойтись по своим рабочим местам. Он призывал также, чтобы рабочие ничего не ломали и не портили оборудование и машин. Этого и без его увещаний никто не делал. Речь же военного вызвала совсем не ту реакцию, на которую рассчитывал подполковник. Люди возмутились самым фактом появления военных на заводе и их пустыми речами. В знак протеста рабочие перевернули машины и потребовали, чтобы военные убирались подсобупоздорову.

Видя, какой оборот принимают дела, подполковник заявил, что он уедет, но просит поставить машины на колеса, что и было сделано. После чего военные тут же уехали.

Вскоре мимо проезжал главный инженер завода. Машину задержали и попросили его выступить перед рабочими и разъяснить причину снижения расценок в сталелитейном цехе. Так как инженер не хотел выходить из машины, его вытащили, а поскольку трибуны рядом не было, его подняли на большой грузовик, откуда он был всем хорошо виден. Главный инженер ничего путного сказать не мог. Он лишь повторял, что это не его дело и не его решение: подобные вопросы решает партия, а партия знает, что делает. Слушали его с неудовольствием. Раздавались злобные выкрики. Одна женщина влезла на машину, оттолкнула главного инженера и взволнованно, со слезами, стала рассказывать о своей жизни. «До полочки еще неделя, а у меня на семью осталось всего три рубля. Как же теперь жить, если еще продукты вздорожали?»

Импровизированный митинг еще продолжался, когда приехало несколько бронетранспортеров с солдатами местного гарнизона. Солдаты не сходили с машин. Суежились только офицеры. Толпа молча и мрачно за этим наблюдала. Все понимали, зачем прибыли военные на завод. Обращаясь к солдатам, рабочие говорили: «Зачем вы приехали? Чтобы разогнать своих отцов и матерей, которые хотят улучшения своей тяжелой жизни?» Солдаты отводили глаза или, насупившись, что-то бормотали о дисциплине. Старший офицер опять призвал толпу разойтись и требовал пропустить машины на завод для охраны оборудования. Но толпа перед воротами стояла так плотно, что машины пройти не могли. Офицеру рабочие советовали уехать с завода. Он сперва колебался, а потом попросил дать место для разворота машин. Рабочие отступили лишь на столько, чтобы машины могли повернуть. Однако военные не покинули завод. Машины объехали территорию завода, и поскольку никого у запасных ворот не было, они беспрепятственно въехали во двор и вошли внутрь завода.

К этому времени заводской гудок непрерывно гудел уже около двух часов, и рабочие из других смен и просто граждане из города и пригородных местечек стали сходиться к заводу. К половине четвертого пришли рабочие второй смены. Среди них было много студентов-практикантов, которые поддерживали настроение рабочих и призывали не расходиться, а стоять на своих требованиях. Когда у заводских ворот собралось около десяти тысяч, а может и больше, к заводу подошли грузовики с милицией. Милиционеры вылезли из машин и двинулись к

плотно стоящей толпе. Я не знаю, какие у них были планы. То ли они надеялись, что люди испугаются их и разбегутся, то ли думали повести агитацию, но когда толпа увидела, сколько милиции прибыло и идет на них, то люди пришли в крайнее негодование. С криками и руганью вся толпа бросилась на милицию. Поняв, что им несдобровать, милиционеры повернули назад и бегом кинулись к своим машинам, а те, не дожидаясь, когда все сядут, уже тронулись, так что многие вскакивали на ходу. И вовремя: толпа их уже настигала, и для милиции дело бы кончилось очень плачевно.

После бегства милиции прибыли новые колонны солдат на бронетранспортерах. Они подъехали к самым воротам завода, спешили, построились, часть вошла в завод через ворота, а другие окружили всю территорию завода. Но солдаты вели себя очень корректно и не пытались вступить в столкновение с рабочими. Стояли, и все. На разговоры и обращения, как правило, не реагировали. Видимо, была такая инструкция.

Уже к середине дня появились плакаты. Вдоль железной дороги были поставлены столбы для электросети (дорогу переводили на электротягу). И вот на этих проводах рабочие и студенты повесили лозунги с требованием отменить закон о повышении цен, дать людям жилье, улучшить снабжение и т. д. На тендере паровоза кто-то написал огромными буквами: «Хрущева на мясо!». Этот призыв никто не стирал, пока все не закончилось и паровоз не утащили в депо. На заводууправлении висели портреты членов президиума ЦК КПСС. Когда начались волнения, эти портреты сорвали и растоптали. Портрет Хрущева изорвали в клочки. При этом кричали, что повышение цен – это его работа. Он обещал свободу и искоренение сталинщины, а сам опять «зажимает, как тот усатый». Молодые же спорили и утверждали, что дело не в одном Хрущеве, что все они «наверху» друг друга стоят. Но что делать дальше, никто не знал, и люди только возбуждали друг друга.

Когда начало темнеть, послышался приближающийся рев. Это двигались танки. Они на быстром ходу подошли к заводу и начали входить во двор. Тогда молодежь и даже школьники стали вскакивать на броню танков, забивать смотровые щели травой и закрывать их тряпками, чтобы водители не могли ехать. Один из танков, у которого смотровая щель была закрыта одеялом, свалился в канаву, вырытую для высоковольтных столбов, дуло орудия уткнулось в землю. Но, несмотря на все усилия молодежи, не пропустить танки на завод не удалось. Они заняли позиции по всему заводскому двору.

В тот же вечер к заводу подошел эшелон воинской части, возвращающейся с учения. Это были солдаты старших возрастов, проходившие летнюю переподготовку. Эшелон шел через Новочеркасск, его здесь задержали и вместе с пушками и танками подтянули к заводу.

Среди военных был большой процент офицеров. Видимо, весь командный состав подвергли серьезной политической обработке, так как с их стороны не было заметного сочувствия к забастовщикам. Иное дело солдаты. Но и они должны были постоянно оглядываться на офицеров, помня о дисциплине. Солдаты были вооружены автоматами, никого не пропускали в заводууправление, но никакой другой активности не проявляли.

К ночи часть рабочих разошлась по домам. Но пришла ночная смена, и около завода всю ночь с факелами стояло ок. пяти тысяч рабочих и студентов. Факелы горели и на поезде, который задержали еще днем и все еще не пропускали.

Ночью я решил сходить на завод, посмотреть, что там происходит и начала ли работать третья смена. Во двор и в свой кузнечный цех я прошел беспрепятственно. Никто к работе не приступал. Ко мне подошли трое рабочих, один пожилой и двое молодых, и спросили, что я здесь делаю. Я ответил, что пришел узнать, работает ли мой цех. Тогда пожилой что-то тихо сказал молодым и отошел. А те двое вывели меня из цеха и поколотили. Это, оказывается, был рабочий патруль, который не допускал штрейкбрехеров к работе. Меня приняли за предателя и выгнали с завода.

Утром 2 июня большие массы народа двинулись в город, к горкому партии. Когда люди шли, военные их не задерживали и отходили в сторону. Толпа их обтекала. Я быстро оделся, сел на велосипед и отправился туда же. Но перед городом на мостах стояли патрули, танки, танкетки и никого в город не пропускали. Мне удалось отвлечь внимание офицера и проскочить. В центре города все улицы, сквер и площадь были запружены народом. Кое-кто держал в руках лозунги и плакаты. На лозунгах были призывы экономического порядка. Чисто политических требований я не видел. Когда пробрался через толпу к зданию горисполкома, там с балкона выступал первый секретарь новочеркасского горкома партии. Он утверждал, что партия заботится о нуждах народа, что повышение цен было необходимо и проведено опять же в интересах трудящихся. Его все время прерывали криками и требовали прекратить болтовню и убираться. Кричали: «Хватит обещаний!», «Довольно нас обманывать!». Напряжение в толпе все больше нарастало. В скверике рано утром были политы цветы и земля была сырая. Так вот, этой грязью с клумб стали его забрасывать, пока он не ушел с балкона. Перед самым зданием стояли солдаты нерусской национальности и офицеры с автоматами, но никакой активности не проявляли. Судя по погоням, это были войска КГБ.

В это время у меня и у моего друга, с которым мы стояли рядом, кончились папиросы. Я пошел в магазин. Купив папиросы и возвращаясь назад к своему месту, я услышал впереди сухие хлопки и увидел дым. Толпа замерла. Все вытягивали шеи и смотрели вперед, что там происходит. Раздались новые выстрелы. Команды я не слышал. Люди продолжали стоять и лишь удивленно переглядывались друг с другом. Никто не верил, что свои войска будут стрелять в толпу рабочих, где было много женщин, детей, стариков. Но в этот момент раздалась автоматная очередь. Толпа качнулась и стала как бы раскалываться и расползаться. В задних рядах все еще не понимали, что происходит, и стояли, а те, кто был ближе к горкому и горисполкому, стали продираться назад с испуганными лицами, крича: «Стреляют!», «Убивают!». А тут началась беспорядочная стрельба из автоматов. Люди бросились в разные стороны и стали искать укрытий и спасения. Я тоже побежал и заскочил в тот магазин, где покупал папиросы.

Стрельба длилась сравнительно недолго. Когда все утихло, я выглянул в окно магазина и увидел, что площадь перед горкомом покрыта ранеными и убитыми. Их уже подбирали в санитарные, милицейские и пожарные машины. К трупам и раненым подбегали санитары и милиционеры, хватили их за ноги и за руки и, как кули мучки или дрова, бросали в грузовики и другие машины. Пожарники спешно смывали с мостовых кровь и посыпали эти места песком. Все делалось очень быстро и организованно. Видимо, к расстрелу трудящихся заранее подготовились, и все было наготове, вплоть до песка и

пожарных машин, которые должны были скрыть кровавое преступление.

Сколько было убитых, сказать трудно. На площади лежало 200-250 человек. Но расстрелы были и в других местах города. Очевидцы говорили, что солдаты новочеркасского гарнизона отказались выполнять этот преступный приказ и впоследствии были за это осуждены к длительным срокам и даже к расстрелу. Стреляли в толпу подразделения войск КГБ, местные и специально привезенные в Новочеркасск на самолетах.

В этот день на площади был убит и мой друг, с которым мы стояли перед горкомом. Потом в город приезжали его родители, жившие в Новошахтинске, и хотели получить труп сына. Но им его не дали, а еще угрожали, что посадят их самих за то, что воспитали такого бунтовщика.

Когда выстрелы на площади стихли, люди стали выходить из укрытий. В это время началась стрельба около здания городской милиции. Причина мне неизвестна. Может быть, люди хотели ворваться в милицию и захватить оружие. По официальной версии, милиция якобы стреляла в тех, кто, воспользовавшись суматохой, хотел ограбить соседний банк. Но в эту версию люди не верят. Говорилось также, что часть толпы еще утром пошла к тюрьме, чтобы освободить заключенных. В толпе было много женщин, девушек, юношей, детей, которые шли в надежде, что выручат своих близких, находящихся в заключении. У тюрьмы их встретили огнем, и тоже были убитые и раненые.

После расстрелов на большой скорости носились по городу бронетранспортеры и танки. Они взрыли на улицах весь асфальт и несколько раз стреляли из пушек холостыми, когда видели, что опять накапливается толпа. Танкам был приказ: не допускать скопления людей. Но только к вечеру улицы начали пустеть – народ стал расходиться по домам.

На третий день заводы все еще не работали, кроме двух военных. Вечером по квартирам рабочих стали ходить партийные и комсомольские активисты и уговаривали идти на другой день на работу. Угрожали, что если рабочие не пойдут работать, то все население Новочеркаска будет выселено и город заселят новыми людьми. Может быть, эти угрозы подействовали, а скорее всего, люди увидели, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, и постепенно стали выходить на работу.

На третий день в Новочеркасск прилетели Микоян и Полянский*. Они ходили по заводам и разговаривали с рабочими, но не с группами, а в одиночку. И когда такие высокие сановники со свитой подходили к рабочему и спрашивали, как он живет и на что жалуется, рабочий терялся и обычно отвечал, что ни на что не жалуется. После этого начальство жало ему руку и подходило к другому рабочему. Повторялось то же самое.

Вечером Микоян выступил по местному радио. Он цинично заявил, что у партии и правительства самая большая забота – это благосостояние народа. Они делают все от них зависящее, чтобы народу жилось лучше. А в отношении цен Микоян сказал, что эта мера необходима, так как спрос превышает предложение, а закупочные цены в колхозах и совхозах необходимо повысить. Деньги для этого должно дать городское население. О волнениях в го-

* Возможно, в Новочеркасск тогда прибыли и другие члены ЦК. Так, в «Архипелаге ГУЛаг» А. Солженицын, опросивший несколько свидетелей, указывает имена Микояна и Ф. Козлова, «остальных называют неточно». – Ред.

роде Микоян не распространялся и ни словом не обмолвился о расстрелах рабочих. Но он резко критиковал местные власти за плохое снабжение и обслуживание населения и обещал, что теперь ошибки будут исправлены. И верно: после выступления Микояна магазины были завалены продуктами и товарами, но по новым повышенным ценам, и население все равно не так уж могло их покупать. Только семьи начальства, получающего 300 рублей в месяц и больше, могли закупить вдоволь.

После кровавых событий в городе был объявлен комендантский час. В течение двух недель люди с 9 часов вечера до 6 часов утра должны были сидеть по домам. А вечера были такие чудесные, что молодежь, не зная, чем заняться в такое время, выходила на улицы. Тогда юношей и девушек хватало и увозили за город километров за 20-30. Там их сажали в сараи или пустые бараки, держали двое-трое суток без еды и питья. Потом отпускали, и они должны были пешком добираться домой. Тех, кто при задержании оказывал сопротивление, избивали или арестовывали, и тогда люди исчезали – очевидно, их отправляли в лагерь.

Ночами, после наступления комендантского часа, шли аресты. Аресты были массовые, но трудно назвать какую-либо точную цифру. Хватало прежде всего тех, кто наиболее активно проявил себя во время волнений, кто оказал сопротивление или выступал с речами. Дело в том, что во время собраний и демонстраций в городе и на заводах в толпе шныряли агенты. Они запоминали лица наиболее смелых участников волнений и фотографировали митинги из укрытий, из портфелей, в которых были проделаны специальные отверстия для объективов. Все эти фотографии оказались в местном управлении КГБ, и там устанавливали фамилии и адреса «защитников» и «организаторов». На нашем заводе были арестованы молодые парни, которые задержали поезд, порвали портреты партийных главарей, отвинтили рычаг гудка. Были арестованы рабочие, организовавшие борьбу с штрейкбрехерами, женщина, выступавшая на митинге в начале событий, и даже мальчишки, забивавшие травой смотровые щели танков. Жена одного из арестованных, больная женщина, у которой на руках четверо детей, приходила на завод, плакала, жаловалась рабочим и мастеру. А что они могли сделать?

Часто арестовывали и тех, кто не принимал в событиях активного участия. Как-то я с моим приятелем и знакомой девушкой стояли у ее дома. Все мы учились в одном училище и хорошо знали друг друга. В это время подъехала легковая машина, из нее вышли двое мужчин – мы не обратили на них внимания, так как они были в штатском – и направились в глубь двора. Минут через 10 они вернулись, ведя с собой какую-то женщину. Я ее не знал, а оказалось, что это мать той девушки, что стояла рядом с нами. Она увидела, что мать уводят, и с криком «мама!» бросилась к ней. Один из мужчин грубо оттолкнул девушку, а мать посадили в машину и увезли.

В течение целого месяца в городе шли открытые и закрытые судебные процессы над участниками новочеркасских волнений. Но суды происходили в маленьких помещениях, куда могли проникнуть десяток-два человек. Люди стояли на улицах, а в здание суда попасть не могли. Хозяйственников же судили открыто, обвиняли в плохом снабжении города, что якобы и вызвало волнение. Ходили упорные слухи, что в местном гарнизоне и в Ростове заседал военный трибунал, судивший солдат и офицеров, отказавшихся стрелять в народ. Говорили,

что воинские части, которые не выполнили приказа на подавление восстания, были расформированы, а военнослужащие отправлены в самые дальние и гиблые места.

То, что солдаты местного гарнизона не стреляли в толпу, видели все. Расстрел производили, как я уже писал, внутренние войска КГБ и местная милиция, за что ее народ особенно ненавидит. Рассказывали, что когда командир танкового батальона получил приказ открыть огонь по рабочим, он вылез из танка, порвал свой партийный билет на глазах тысячной толпы, вынул пистолет и застрелился. Когда под гусеницы бросались женщины и молодежь с криком: «Давите! Все равно, это не жизнь!» – многие танкисты останавливали машины, выключали моторы и выходили из танков.

После событий у меня были неприятности. Кто-то заметил, что я был на паровозе, когда остановили поезд. Донесли в КГБ, и меня туда несколько раз вызывали на допрос. Сотрудники КГБ предъявляли мне фотографии многих людей для опознания. Но этих людей я не знал и ничем КГБ не помог. Последний раз меня вызывали через полтора года, когда я был в армии, и вызов в КГБ мне переслали родные. Это было одной из причин, побудившей меня перейти на Запад.

Мне трудно оценить значение событий в Новочеркасске. Я рассказал лишь то, чему был сам свидетелем. Но для меня несомненно одно: хотя эти события, как и волнения в других городах Донбасса, были вызваны экономическими причинами, они носили политический характер. Впервые массы людей и прежде всего рабочие организовано протестовали против решений верховной власти. И хотя силы были явно неравными, рабочие получили ценный опыт самостоятельного выступления в защиту своих прав. Впервые, насколько я знаю, солдаты и офицеры в своей стране отказались выполнить приказ на подавление народных волнений. Они были на улицах Новочеркасска не в качестве карателей, а обычными советскими гражданами, такими же, как рабочие и крестьяне, но лишь одетыми в военную форму. Для них интересы демонстрантов были их собственными интересами. Поэтому они пошли на большой личный риск и подчинились высокому нравственному долгу, став на сторону народа против власти, хотя и пассивно.

Мне кажется, что события в Новочеркасске не прошли даром. Они показали, что партия и правительство готовы пойти на крайние меры, чтобы защитить свою власть. Они показали также, что наш народ не организован, не сплочен и не имеет опыта открытых выступлений против власти. Только на своем опыте, только имея организацию, можно добиться успехов.

Не берусь быть пророком, но могут так сложиться противоречия, что они вызовут новый протест, еще более широкий, чем в Новочеркасске. Тогда уроки Новочеркасска не должны быть забыты. Главные из них – это организованность, быстрота действий, наступление и расширение борьбы на другие города. Если волнения охватят ряд крупнейших городов и областей, то партии с ними уже не справиться, и власть может оказаться в руках народа.

Бояться кровавых расправ над коммунистами нечего. Такого не происходило ни в Новочеркасске, ни в Донецке или в Артемовске. Много, конечно, будет зависеть от того, как будут вести себя сторонники режима. Насколько я могу судить, этих сторонников будет не так уж и много, когда за свою свободу и права выступит сам народ.

Кирилл Александров

ТУХОВЕЖИ – СИВЕРСКАЯ: 60 ЛЕТ НАЗАД

КАК БЫЛ ВЗЯТ В ПЛЕН ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А.А. ВЛАСОВ*

Печальным явлением для исследований новейшей российской истории остается марш дилетантов. Применительно к проблеме изучения антисталинского протеста 1939-45 гг. ситуация выглядит особенно угрожающей.

Книжный рынок в Москве и Петербурге заполнен низкопробной публицистикой, авторы которой состязаются друг с другом за сомнительное право стать главным преемником А.Н. Васильева – творца бессмертного по степени безумия романа «В час дня, Ваше Превосходительство...» (М., 1973). Произведения Ю.А. Квицинского «Генерал Власов: путь предательства» М., 1999, Н.М. Коняева «Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды» (М., 2001) и Ю.Е. Финкельштейна «Свидетели обвинения: Тухачевский, Власов и другие... (Проклятые генералы)» (СПб – Нью-Йорк, 2001) отличаются ярко выраженным дилетантизмом, малоинтересными домыслами и особым пристрастием к подробностям интимной жизни А.А. Власова. Аннотации уверяют читателя в том, что книги «содержат множество неведомых фактов». Подобные сенсации оказываются чистой правдой, так как фантазиям и интерпретациям авторов зачастую мог бы позавидовать такой мастер литературных подделок, как В.С. Пикуль, тоже, кстати, претендовавший на звание историка.

В очень большой степени по-прежнему фальсифицируется вопрос о том, каким образом попал в немецкий плен А.А. Власов и какие показания он дал на допросах в штабе 18-й армии Вермахта. В связи с тем, что публицисты, подобные Ю.Е. Финкельштейну, усматривают в событиях, происшедших ровно 60 лет назад, истоки «власовского предательства», мы считаем необходимым опровергнуть распространенные в этом отношении домыслы и предложить читателям альтернативную версию, основанную не только на опубликованных источниках, но и на протоколах допросов генерала Власова в немецком плену, а также на протоколах допроса в советском плену бывших офицеров абвера.

К 22 июня 1942 г. подразделения 2-й Ударной армии оказались окончательно рассеяны на отдельные очаги сопротивления. Штаб армии 22-23 июня находился близ р. Глушица в районе Дровяного Поля (по карте южнее ж/д ст. Чудово), подвергаясь периодическим атакам пехоты противника. В связи с создавшейся обстановкой командующий, штаб и военный совет армии приняли решение выходить мелкими группами в расположение войск 59-й армии. А.А. Власов приказал отделам штаба пробиваться к своим в составе заранее

предписанных частей прорыва, сформированных из бойцов 46-й и 382-й стрелковых дивизий. В штабной колонне вместе с командармом оказались 100-120 бойцов и командиров, в том числе начальники штаба армии – полковник П.С. Виноградов, особого отдела НКВД – майор госбезопасности А.Г. Шашков, связи армии – генерал-майор А.В. Афанасьев, разведотдела – полковник А.С. Рогов и др.

Около 23.00. 24 июня колонна под прикрытием автоматчиков особого отдела НКВД и бойцов роты охраны двинулась к месторасположению штаба 46-й стрелковой дивизии, но близ р. Полисть попала под артиллерийско-миномётный обстрел противника и рассыпалась. Рогов к своим вышел чудом, а рота особистов была накрыта минометным огнем в болотах между р. Глушица и р. Полисть. Смертельно раненый разрывом мины Шашков застрелился около 2 часов ночи 25 июня. Группа, в которой остался А.А. Власов (40-45 человек), пересидела обстрел в большой воронке, где командарм получил легкое ранение в ногу. 25 июня в 9.30. немцы окончательно перерезали «коридор» в районе Мясного Бора и плотно блокировали истерзанные подразделения 2-й Ударной армии, окруженные в районе Дровяного Поля. Группа Власова близ бывшего КП 382-й дивизии соединилась с бойцами 46-й дивизии во главе с ее командиром полковником Ф.Е. Чёрным, но затем они расстались. Вопреки распространенным представлениям, полковник Чёрный не погиб в бою при прорыве, а попал в плен и осенью 1944 г. вступил на службу в ВС КОНР. В ночь на 28 июня из района Мясного Бора вышли последние 6 бойцов 2-й Ударной армии и 29 июня 1942 г. генерал-полковник Ф. Гальдер сделал в своем дневнике запись о ликвидации окруженной группировки советских войск на Волхове.

25-26 июня вместе с Власовым искали спасения около 50 человек. Есть сведения, что днем 25 июня командарм, потрясенный бессмысленной гибелью армии, впал в шок и находился в таком состоянии несколько суток. Однако «сенсационные» утверждения Н.М. Коняева, что Власов вместе с поваром М.И. Вороновой в период с 27 июня по 12 июля якобы прятался на безвестном КП с запасом продуктов – не более чем фантазия.

26 июня отряд Власова, которым командовал полковник Виноградов, переправился через р. Кересть близ Ольховских хуторов и взял направление на село Вдицко. Примерно с 27-28 июня отряд Власова и Виноградова бродил в районе деревни Шелковка. Днем отсиживались в старых блиндажах и примитивных укрытиях, ночью высылали разведчиков на поиски продовольствия. В скоротечных стычках силы отряда непрерывно таяли.

* Фрагмент исследования автора «Власовское движение и антисталинский протест, 1942–1950 гг.»

О скитаниях Власова на протяжении первой декады июля и обстоятельствах его пленения 12 июля 1942 г. нам также дают подробные представления показания М.И. Вороновой, допрошенной 21 сентября 1945 г. в Барановичском УНКГБ, а также отчёт переводчика XXXVIII армейского корпуса 18-й армии Вермахта зондерфюрера К. Пельхау. Оба источника совпадают между собой в основных деталях. К концу первой декады июля общим решением командиров отряда было решено пересечь железнодорожную линию Батецкая – Ленинград и выдвинуться по направлению к деревне Поддубье. Вероятно, именно при пересечении железнодорожного полотна полковник Виноградов получил ранение. Начальника штаба от потери крови постоянно знобило, и Власов отдал ему собственную шинель с генеральскими знаками различия.

В ночь на 9 или 10 июля сильно поредевший отряд, насчитывавший не более 25-30 человек, остановился в 2 км, не доходя до Поддубья. Виноградов предложил дальше пробираться мелкими группами, и отряд распался. Судьба Власова могла сложиться иначе. Например, генерал Афанасьев уже 13 июля у деревни Остров встретил партизан И.И. Дмитриева и вскоре эвакуировался самолетом в тыл.

В группе Власова остались еле живой Виноградов, шофер Погибко, солдат Котов и повариха Воронова. Котов и Погибко, вероятно, повели Виноградова в деревню Ям-Тесово, надеясь оказать ему помощь, но от потери крови начальник штаба скончался. Судьба Котова и Погибко осталась неизвестной, а труп Виноградова в шинели Власова был обнаружен 11 июля патрулем противника из состава XXXVIII армейского корпуса во главе с капитаном фон Швердтнером. Немцы первоначально приняли умершего за командующего армией.

В тот же день вечером Власов и Воронова пришли в соседнюю деревню Туховежи в поисках продуктов. Дом, в который они обратились, оказался домом местного старосты. Пока Власов и Воронова ели, староста вызвал местную вспомогательную полицию («самоохрану»). Полиция окружила дом и арестовала скитальцев, при этом Власов настойчиво выдавал себя за учителя-беженца. Арестованных посадили под замок в сарай, а на следующий день патруль фон Швердтнера прибыл в Туховежи и опознал Власова по портрету в газете, кстати, подметив его некоторое сходство с умершим Виноградовым. Староста за выдачу Власова получил от командования 18-й армии корову, 10 пачек махорки, 2 бутылки тминной водки и почётную грамоту.

14 июля 1942 г. из штаба XXXVIII армейского корпуса А.А. Власова под сильной охраной доставили в штаб 18-й армии Вермахта, находившийся на станции Сиверская. Практически все отечественные историки и публицисты убеждены в том, что поведение бывшего командующего 2-й Ударной армией на допросах 14 июля 1942 г. бесспорно квалифицируется как «предательство», непосредственным результатом которого стал прорыв противника к Сталинграду.

По версии Б.И. Гаврилова, Им. Левина, Л.Е. Решина, В.С. Степанова, Ю.Е. Фельштинского, Власов раскрыл

боевые планы Ленинградского и Волховского фронтов, выдал дислокацию советских войск, перечислил фамилии командующих частями и соединениями, доложил об известных замыслах ставки на других направлениях, в том числе на юге страны, сообщил известные ему параметры военной промышленности, а также сведения о поставках оружия и продовольствия союзниками. Он также доложил, что командование Ленинградского и Волховского фронтов, по его мнению, не в состоянии провести новую наступательную операцию под Ленинградом. Прямым следствием «власовского предательства» явилась, якобы, переброска резервных дивизий не под Ленинград, а под Сталинград и выход соединений Вермахта к Волге.

Все последующие поступки Власова рассматриваются через призму нанесённого им 14 июля 1942 г. «ущерба» Красной армии. Подразумевается, что даже если бы Власов и не возглавил КОНР в 1944 г., а погиб, предположим, при бомбёжке в августе 1942 г. – он всё равно бы остался «предателем и изменником Родины», по вине которого под Сталинградом «погибли тысячи русских солдат». Тем самым дискуссия о политических причинах и характере Власовского движения представляется заранее бессмысленной. Однако анализ известных автору документов позволяет усомниться в обоснованности подобных обвинений. С нашей точки зрения, показания, предоставленные А.А. Власовым 14 июля 1942 г. в штабе 18-й армии Вермахта, не только принципиально не могли повлиять на ход летней кампании 1942 г. на советско-германском фронте, но и не представляли никакой ценности для Главного командования сухопутными силами Германии (Oberkommando des Heeres, далее ОКХ).

Во-первых, трудно всерьёз предположить, чтобы ОКХ планирование и реализацию летней кампании 1942 г. ставило в зависимость от показаний пленного советского генерала, только на перепроверку которых могло уйти немало времени. План летней кампании и необходимые для этого материальные и людские ресурсы были определены еще директивой ОКВ № 55616 от 5 апреля 1942 г., интенсивная подготовка к исполнению которой велась с апреля по июнь 1942 г.

Во-вторых, уже при подготовке кампании ОКХ столкнулось с катастрофической нехваткой резервов, вынужденно сократив штатную организацию пехотной дивизии на 1/3. В результате подобного «реформирования» боеспособность 69 пехотных дивизий Вермахта снизилась почти на 50 % по сравнению с летом 1941 г. В июле-августе 1942 г. на южном крыле Восточного фронта ОКХ распоряжалось только теми материально-техническими ресурсами, которые предусматривались для реализации вышеупомянутой директивы № 55616.

В-третьих, существуют копии протоколов допросов Власова от 14 июля 1942 г. Согласно этим протоколам, Власов дал личные небеспристрастные характеристики К.А. Мерецкову и Г.К. Жукову, назвал известные немцам номера *армий* Волховского фронта и фамилии их командующих по состоянию на 1 июня 1942 г., охарактеризовал С.К. Тимошенко как «самого способного» (!) командира Красной армии, сообщил, что II фронт в Ев-

ропе будет открыт в 1942 г. (!), а за Уралом создаётся новый промышленный район. С командующим 18-й армией генерал-полковником Г. фон Линдемманом Власов действительно разобрал ход боёв на Волхове в апреле-июне 1942 г. На вопрос о планах ставки Власов ответил, что ему *о них ничего не известно, так как они являются военной тайной*.

В-четвёртых, существуют протоколы допросов офицеров абвера, попавших в советский плен и принимавших участие в качестве сотрудников отдела «I-Ц» штаба 18-й армии в допросах генерала Власова. В частности, переводчик отдела «I-Ц» зондерфюрер Ф. Тондорф сообщил, что Власов рассказал Линдемману с демонстрацией на карте *о собственных планах прорыва 2-й Ударной армии из «котла»*, а затем допрашивался начальником отдела «I-Ц» майором Рихтером. Отвечая на вопросы Рихтера, Власов подробно изложил автобиографию и предоставил лишь сведения о численности и вооружении 2-й Ударной армии в апреле-июне 1942 г. Других «показаний» Власова Тондорф на допросе в Ленинградском управлении МГБ в 1949 г. вспомнить не смог. Нам представляется, что если бы Власов сообщил что-то более важное, чем автобиография и сведения о составе разгромленной армии, профессиональный разведчик Ф. Тондорф их бы непременно запомнил.

Если следовать «логике» Левина, Решина и др., после «достоверных» показаний Власова о планах открытия союзного II фронта в Западной Европе в 1942 г., ОКХ должно было немедленно прекратить наступление на Сталинград и Северный Кавказ, занявшись переброской сил на запад для отражения «нависшего» союзного вторжения. Ничего подобного не произошло, так как оперативная ценность подобных признаний равнялась нулю. Для наибольшей уверенности мы провели анализ сведений о перемещении войск противника перед войсками Ленинградского и Волховского фронтов за период с июля по сентябрь 1942 г. За указанный период ОКХ за счёт наступавших на южном крыле Восточного фронта групп армий «А» и «Б» *дополнительно перебросило* в группу армий «Север» 5 пехотных и 2 танковые дивизии, а также по 1 горнострелковой, лёгкопехотной и моторизованной дивизии. Таким образом, в действительности после разгрома 2-й Ударной армии летом 1942 г. произошло *не усиление, а ослабление* наиболее активных групп армий противника «А» и «Б».

Служивший в ОКХ генерал-майор Б. Мюллер-Гиллебранд даёт весьма простое объяснение столь парадоксальному явлению. В разгар наступления на Сталинград и Кавказ 17 июля 1942 г. Гитлер снял из 68 наступавших дивизий 11 и приказал перебрасывать их на другие, менее важные участки Восточного фронта. Он был уверен, что ему удастся добиться успеха и на Волге, и на Кавказе, и под Ленинградом, и под Ржевом *одновременно*.

Объяснение Гиллебранда вполне отвечает оперативному дилетантизму фюрера и не имеет никакого отношения к «показаниям» А.А. Власова. Даже если бы Власов и сообщил, что Ленинградский и Волховский

фронты не в состоянии после поражения 2-й Ударной армии предпринимать какие-либо наступательные действия (автор в документах не нашёл подтверждения таким показаниям Власова), вряд ли это могло заинтересовать Абвер.

После цепи тяжёлых поражений, понесенных Красной армией в марте-июне 1942 г. под Ржевом, Харьковом, в Крыму, на Волхове, а также в условиях сложившейся катастрофической ситуации на Юго-Западном фронте, советская ставка летом 1942 г. была не в состоянии осуществлять крупномасштабные наступательные операции под Ленинградом. ОКХ это хорошо себе представляло, и «показания» Власова, отрезанного в течение месяца от мало-мальски ценной оперативной информации, не имели никакого практического значения для принятия противником сколь-нибудь серьёзных стратегических решений.

Вернее, вместо того, чтобы «учесть» сообщённые пленным советским генералом «бесценные сведения» и сосредоточить все усилия на прорыве к Сталинграду, Гитлер сделал все наоборот и решил за счёт южного крыла Восточного фронта искать счастья сразу же на четырёх разных направлениях. Следовательно, любые утверждения о выдаче Власовым «военной тайны» на допросах в штабе 18-й армии – не более чем поверхностные суждения, не имеющие ничего общего с реальным положением вещей.

Нам пришлось уделить столько внимания вопросу о поведении А.А. Власова на допросах 14 июля 1942 г., чтобы уяснить, что в лагерь военнопленных он прибыл, ещё будучи формально лояльным по отношению к советскому государству. И главные изменения для него произошли именно в лагере военнопленных в период между 20 и 31 июля 1942 г.

Лично в судьбе Власова драматическую роль сыграла цепь субъективных случайностей.

Он *случайно* попал в плен и *случайно* оказался единственным известным и значимым советским генералом, пленённым после поражения Вермахта под Москвой зимой 1941-42 гг.

Вторая случайность объясняет повышенный интерес к Власову со стороны участников антинацистского сопротивления в Вермахте, равно как и со стороны тех ведомств, в которых оппозиционеры служили. 15 июля 1942 г. Власов покинул Сиверскую и под № 16901 поступил в особый лагерь военнопленных под Винницей, находившийся под фактическим контролем представителей антигитлеровской оппозиции. Создателем и куратором лагеря, в котором содержались несколько десятков военнопленных, представлявших по каким-либо причинам потенциальный интерес для ОКХ, был начальник II отделения орготдела генерального штаба сухопутных сил майор Клаус Филипп Мария фон Штауффенберг.

Последней *случайностью*, предопределившей дальнейшую судьбу А.А. Власова, стала его личная встреча с капитаном В.К. Штрик-Штрикфельдом. Вероятно, эта случайность оказалась наиболее значимой для всех последующих событий, повлиявших на возникновение и развитие Власовского движения.

Георгий Гинс

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ СОЛИДАРИЗМА*

Сборник «О солидаризме», увидевший свет в 1955 г., куда вошли избранные статьи по идеологии солидаризма из журнала «Посев» с 1947 г. до 1954 г. Публикуемая статья Г. Гинса вошла в этот сборник и печатается по его редакции.

Мне приходилось слышать не раз, что идея солидаризма заимствована целиком у французов: Буржуа, Бургле, Шарля Жиде. Их идеям я посвятил несколько страниц в моей книге «От либерализма к солидаризму». Но пришел я к этой идее самостоятельно, разрабатывая вопрос, составляющий предмет моей диссертации. Диссертацию эту, под названием «Водное право», я защищал в Париже в 1929 г. Написана она была, в свою очередь, как результат моей поездки в Туркестан, где я впервые обратил внимание на особенности организации водного хозяйства. Оно отличается и от индивидуального господства над хозяйственными благами, и от коллективизма в его социалистическом плане. Вторым толчком послужило изучение так называемого трудового права, принимающего в основу факт существования рабочих союзов и коллективных договоров. В связи с этим, естественно, я не мог не задумываться над проблемой неизбежной эволюции государства и его будущей организации, в связи с новой социальнo-хозяйственной системой.

Не надо большого знакомства с трудами перечисленных мною французских ученых, чтобы убедиться в том, что им не удалось создать сколько-нибудь разработан-

ной социально-экономической доктрины. У них заимствован только термин «солидаризм».

Экономическое, психологическое и юридическое обоснование солидаризма составило предмет моих работ, изложить которые тут не представляется возможным.¹ Но одного вопроса я хотел бы здесь коснуться. Это вопрос о юридической стороне проблемы. Не приведет ли солидаризм к поглощению личности государством, как это было в фашистском государстве? Сомнения этого рода вполне понятны, особенно потому, что Муссолини постоянно ссылаясь на солидарность (Solidariete) как основание его системы корпоративного государства. В бытность мою в Италии, я часто слышал это слово и часто встречал его в фашистской литературе. Однако с фашизмом солидаризм имеет столь же мало связи, как и с солидаризмом французских социологов и экономистов, с тем лишь различием, что от французов заимствован термин, а от фашистов иллюстрации новых тенденций в современном мире.

В стремлении найти гарантии от вырождения солидаризма в тоталитарную систему я стал искать новые формы права, подобно тому, как я находил новые формы хозяйства. В своей брошюре «Новое право», написанной в Харбине после ряда лекций, я старался показать, что все тоталитарные системы пользуются правом публичным или правом *субординации*, как орудием господства и подавления права частного, права свободы. В противовес этой системе, я считаю необходимым и возможным развить систему права *координации*, которое в зачаточном виде уже давно существует в виде новой отрасли: административного права. Развитие так называемого хозяйственно-административного права с самого начала нашего века мало обращало на себя внимания, а между тем оно знаменательно. В этом праве заложены основы новой правовой системы солидаризма². Оно обычно не навязывает людям каких-либо норм, а только приходит на помощь в случае нарушения общих интересов. Если оно предъявляет какие-либо требования, оно должно обосновать их выгодой тех лиц, к которым оно с этими требованиями адресуется, как это имеет место в случае принудительной прививки оспы или при установлении сигналов движения.

¹Вопросам солидаризма, кроме как в уже упомянутой работе «От либерализма к солидаризму», автор уделил внимание в следующих трудах: «Новые идеи в праве» (1930 г.), «Вопросы современности» (Приложение к книге «Социальная психология», 1936г.) и «Новое право» (1941 г.).

²Персонализм – теистическое направление в современной философии, признающее личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной личности – Бога. Подробнее см., напр., статью в «Философской энциклопедии» т. IV. – М.: «Советская энциклопедия», 1967.

* «Посев» № 38 (173) от 18 сентября 1949 года.

Одними правовыми мерами, впрочем, опасности вырождения никогда не устранить. Для этого необходимо перевоспитание людей. Оно достигается не только при посредстве права, но и воспитанием нравственным. Значение религии и философии в этом отношении неизмеримо велико. И я очень рад тому, что в среде солидаристов находится такой мыслитель, как С.А. Левицкий, книгу которого «Основы органического мировоззрения» я очень ценю. Попав в Америку, я не встретил там интереса и понимания идеи солидаризма. Для того, чтобы в чужой стране развивать новые для нее идеи, надо сначала завоевать себе некоторый авторитет. Но я уверен, что и здесь солидаризм найдет своих последователей. Однако пропаганда его здесь встречает некоторое противодействие. Одни усматривают в солидаризме идейного соперника, другие не отличают его от фашизма. Социалисты будут, конечно, противниками солидаризма на почве отношений к частной собственности. Но критика со стороны социалистического лагеря солидаризму не повредит. Гораздо важнее убедить в жизненности солидаризма умеренные группы и отбросить реакционные. Солидаризм – явление прогрессивное, идущее в ногу с веком, но охраняющее свободу частной инициативы и достоинство человеческой личности. Солидаризм предполагает широкое развитие общественной самостоятельности и организованности и потому он не может существовать иначе как при демократических основах государственности.

Молодые солидаристы часто говорят о «целостном» мировоззрении. Это дает повод подозревать их в психологической близости к тем, по существу враждебным солидаризму системам, которые стали так отвратительны навязыванием своей идеологии. Если постоянное подчеркивание «целостности» мировоззрения действи-

тельно перегибает палку, то, однако, и излишняя подозрительность в этом отношении со стороны критиков тоже не обоснована. Она является реакцией на тоталитарные системы. У страха глаза велики! Само собою разумеется, что в борьбе с коммунизмом приходится искать всеохватывающие идеи, способные противопоставить одному целостному, но насильственно навязанному мировоззрению, другое тоже целостное, но свободно принимаемое и отнюдь не исключающее возможности и отступлений, и несогласий.

Солидаризм, повторяю, – прежде всего социально-экономическая система, которая не закрывает никому возможности свободного искания истины и дальнейшей эволюции. Солидаризм далек от эсхатологии или хилиазма; он не претендует также на решение мировых и философских проблем, но питается идеями и принципами философии персонализма, христианской нравственности и антимарксистской социологии, которым никакие сроки не прописаны.

Солидаристами могут быть не только православные, но и мусульмане, и буддисты; не только русские, но и французы, и китайцы. Каждая страна может приспособить основные идеи солидаризма к своим особым условиям и нуждам.

До сих пор никто не приблизился больше, чем солидаристы, к особенностям и нуждам нашего времени, разочарованного и в индивидуализме, и в социализме. С солидаристами соперничают те, чей формуляр заканчивается проигрышами и поражениями. Актив солидаристов – их вера в будущее и способность бороться за это будущее с новым оружием в руках. Из устаревшего арсенала нужно заимствовать и крепко держать в руках лишь одно оружие – демократизм, но демократизм в его принципах и юридических гарантиях, а не в избитых формах парламентаризма.

Георгий Константинович Гинс (1887-1971) родился в Модлине (б. Новогоргиевск, нынешняя Польша), в семье офицера. Окончил гимназию в Кишинёве в 1904 г., а юридический факультет С.-Петербургского университета - в 1909 г. Работал при министерстве юстиции, затем в переселенческом управлении, занимаясь вопросами распределения оросительных вод в Туркестане. Это послужило основой для его магистерской диссертации «Водное право и предметы общего пользования», которую он защитил в Париже в 1929 г. В ней он обосновал солидаристическую теорию координационного права.

В 1916 г. Г. К. Гинс стал приват-доцентом Петроградского университета, в 1918 г. получил кафедру профессора гражданского права в политехническом институте в Омске. Его работа в правительстве адмирала Колчака нашла отражение в мемуарном двухтомнике «Сибирь, союзники, и Колчак» (Пекин, 1920) (см. также альманах «Белая Гвардия» № 5. М.: Посев. 2002 г.).

В 1920-38 гг. Г. К. преподавал на русском юридическом факультете в Харбине, служил при управлении

КВЖД, вел адвокатскую практику, написал ряд работ по проблемам Китая и Японии. В 1941 г. выехал в США, где сначала редактировал газету «Русская Жизнь» в Сан Франциско, затем с 1945 по 1954 г. преподавал в Калифорнийском университете в Беркли, а с 1955 до выхода в отставку по болезни в 1964 году работал на «Голосе Америки». На английском вышли его книги «Советское право и советское общество» (1954) и «Упадок коммунизма» (1956). В 1950-60-е гг. он публиковался в наших журналах «Посев», «Мысль» и «Наши дни».

Среди десятка его книг, напечатанных по-русски, особо следует выделить: «На путях к государству будущего: от либерализма к солидаризму» (1930), «Новые идеи в праве» (1931-33), «Социальная психология» (1936), «Право и культура» (1938). В них можно найти правоведческие основы современного российского солидаризма, дополняющие его более известные философские основы. Труд Г.К. Гинса «Предприниматель» стал первой книгой, вышедшей в издательстве «Посев» после его возвращения на Родину (М.: Посев. 1992).

Людмила Оболенская

60-ЛЕТИЕ «НОВОГО ЖУРНАЛА»

Из всех толстых журналов эмиграции этот, выходящий в Нью-Йорке юбилей, самый долголетьный. Он старше «Граней» и «Континента», он пережил вышедшие после войны в Западной Германии «Мосты» и «Опыты», парижское «Возрождение», прекрасный, но недолговечный альманах «Воздушные пути» (Нью-Йорк) и многие другие периодические издания. Если же учесть, что «Новый журнал» – прямой продолжатель «Современных записок», издававшихся в Париже с двадцатого по сороковой год, то к его шести десяткам лет следует добавить еще двадцать. Но дело не только в долголетье.

Журнал был порожден войной. Его основатели, писатели Марк Алданов и Михаил Цетлин, в прошлом сотрудники «Современных записок», спасаясь от немецкой оккупации, переселились из Парижа в Нью-Йорк и сразу задумали, продолжая традицию «Современных записок», основать журнал, который бы давал как можно более широкое, в условиях военного времени, отражение творческих сил эмиграции. Об этом редакция объявила в первом же номере: «...мы считаем своим долгом открыть страницы «Нового журнала» писателям разных направлений». За исключением двух: журнал отказывался печатать авторов, сочувствующих национал-социалистам и большевикам.

Итак, начиная с 1942 г. и по сегодняшний день, преодолевая тяжелые финансовые трудности, утрату первооснователей и пришедших им на смену других маститых редакторов, этот насыщенный богатым материалом журнал продолжает регулярно выходить каждые три месяца.

По «Новому Журналу» можно проследить все основные культурные вехи российской диаспоры, ее литературные течения и направления мысли. Читатели его получили возможность ознакомиться с лучшими писателями и поэтами эмиграции разных поколений. Так, молодой Владимир Набоков, начавший под псевдонимом «Сирии» печататься еще в «Современных записках», в первый же год выступил в «Новом журнале», уже под своим именем, с повестью «Ultima Thule».

В первые годы в журнале печатались в основном представители так называемой старой эмиграции: сам М. Алданов, И. Бунин, М. Осоригин, В. Яновский, Б. Зайцев, бывший глава временного правительства А. Керенский; философы С. Франк и Г. Федотов, а когда кончилась война и возобновилась связь с Европой, стало поступать много новых материалов от авторов, переживших военные годы во Франции и Германии: Р. Гуля (впоследствии главный редактор «Нового журнала»), З. Гиппиус, Н. Берберовой, Г. Иванова, Ф. Степуна, К. Мочульского, И. Одоевцевой, И. Чиннова... Параллельно появились имена и представителей II эмиграции: поэтов И. Елагина, О. Анстей, Д. Кленовского; прозаиков Н. Нарокова, Н. Ульянова, Л. Ржевского, Б. Филиппова... Всех не перечислить. В шестидесятых начали просачиваться произведения Л. Чуковской, Б.

Пастернака, В. Шаламова, А. Солженицына, И. Бродского. Позже появились и авторы «третьей» волны: Ю. Кашкаров, Н. Горбаневская, Ю. Дружников...

В юбилейном, 226 номере, «Нового журнала» помещена хронология с указанием многих выдающихся авторов, чьи произведения впервые увидели свет на его страницах: какое богатство, какое разнообразие, какой простор для молодых и старых сил, сколько интересных и редких исторических материалов: очерков, переписки, воспоминаний, а также критики и философских статей. Недаром проф. А. Н. Сахаров, директор Института Российской истории РАН, в своем поздравлении юбиляру отметил: «Почти все лучшее, созданное в эмиграции, появилось на страницах журнала – значительные произведения русских писателей и поэтов, богатый эпистолярный материал и мемуарные свидетельства выдающихся представителей русской науки и культуры... журнал выполняет миссию по сохранению духовных основ русской культуры, демонстрируя широту и терпимость к инакомыслию».

В Нью-Йорке 60-летие журнала было отмечено симпозиумом, в котором приняли участие, в частности, нынешний главный редактор В.П. Крейд и другие члены редколлегии. Почетным гостем был Томас Уитни, в прошлом журналист, который в течение нескольких лет был одним из немногих американских корреспондентов, аккредитованных при Сталине в Москве. Хотя он и лично испытал на себе тяжелую руку сталинского строя, но глубоко полюбил Россию и русскую культуру; в свое время спас «Новый журнал» от финансовой гибели и продолжает поддерживать до сих пор.

Первым на симпозиуме выступил проф. Марк Раев. Сам, будучи автором нескольких книг, посвященных истории российского рассеяния, он говорил о том, какую широкую панораму политических, философских и литературных устремлений эмиграции журнал раскрывает для исследователей.

Сменив за свои 60 лет ряд редакторов, журнал остался верен основной линии его основателей, Алданова и Цетлина, и продолженной Михаилом Карповичем. Историк, общественный деятель и публицист, Карпович стал главным редактором журнала в 1946 г. и оставался им до самой смерти в 1959 г. Ему на смену пришел Роман Гуль, который назвал своего предшественника незаменимым. «Эта незаменимость, – писал Гуль, – не только в его большой интеллектуальной и духовной культуре, но и в душевных свойствах. Полная терпимость ко всякому мнению, если только оно серьезно и на подлинно культурном уровне. Благожелательность ко всем пишущим, а поэтому всегда – широкий диапазон сотрудников журнала».

Эту мысль развил, характеризуя журнал, нынешний редактор Вадим Крейд. Он подчеркнул широту подхода, сложившуюся при Карповиче... «В журнале, – сказал он, – отражается не только Россия, но и Европа, Канада, США, Южная Африка... В нем печатались столь выдаю-

щиеся личности, как историки Вернадский и тот же Карпович (один профессор Йельского университета, другой Гарвардского), политические деятели Керенский и Николаевский, Марк Раев, Джордж Кеннан и Ричард Пайпс. Люди, добавим от себя, зачастую прямо противоположных взглядов. Крейд убежден, что «Новый журнал» по сей день самый независимый русский журнал в мире, и хотя он был создан первой эмиграцией для I эмиграции, журнал подхватил «самиздат» и, проникая за железный занавес, помог раскрепощению мысли в России.

Оставаясь верным старым принципам, журнал не стоит на месте. С падением советского строя открылась возможность открыто печататься в нем авторам, живущим в России. Сегодня их произведения составляют примерно треть материала. Кроме того, очень расширился раздел библиографии и рецензий на присылае-

мые в редакцию книги. За 7 лет в журнале появилось около пятисот рецензий, «настоящая книжная летопись», сказал Крейд.

При таком обилии материала, чем руководствуется редактор при отборе, был задан вопрос. «Все, что талантливо, идет в печать, – ответил Крейд, – что не талантливо, идет в архив».

Мало у кого сегодня сохранился полный комплект «Нового журнала» за 60 лет. Зато Крейд продемонстрировал пробный экземпляр полного указателя всего, что появилось на его страницах, начиная с 1942 г. Без сомнения, этот весомый указатель, который в ближайшее время должен выйти из печати, станет незаменимым источником информации для того, кто захочет получить объемную картину культуры российской диаспоры.

Светлана Шешунова

КНИГИ КНИГАМ РОЗНЬ...

Уже довольно сказано о том, как необходимо пересмотреть образовательные программы по истории, создать новые учебники, свободные от привычной советской (и послесоветской) лжи. Любая школьная программа, независимо от своей конкретной задачи, имеет одну конечную цель – воспитание личности, способной достойно и ответственно жить в своей стране. Как обстоят дела с воспитанием такой личности, ясно без слов. То представление о ходе русской истории, которое господствует в нынешней программе, не может воспитать у школьников никаких качеств, кроме цинизма. Об этом прекрасно сказал А.Б.Зубов: «Нравственная история Отечества не написана. Дела предков не выверены по шкале правды. Семьдесят лет мы лгали и учили лжи. И мы так свыклись с ложью, что перестали верить в правду, правда релятивизировалась. Своя правда у белых, своя у красных... Неужели на так преподанном примере надеемся мы научить наших детей нравственному отношению к закону и чужому имуществу?»¹.

Неразрывная связь дисциплин гуманитарного цикла заставляет задуматься и о школьном курсе литературы. Его раздел, посвященный XX в., естественно, отражает (и должен отражать) ключевые для русской истории этого периода события – революцию и гражданскую войну. При этом программа включает произведения либо откровенно большевицкие по духу (поэзия Маяковского), либо двойственные, проникнутые моральным релятивизмом («Тихий Дон»). У школьника создается впечатление, что никак иначе названные события не изображались – по крайней мере, у писателей первого ряда. Между тем в русской литературе XX в. есть во всех отношениях замечательные страницы, позволяющие наглядно показать «нравственную историю Отечества».

Образцом может служить роман Ивана Шмелева «Няня из Москвы». Созданный в том же 1933 г., в котором его автор выдвигался на Нобелевскую премию, он без преувеличений может быть назван шедевром за редкостное богатство языка и мастерство повествования. При этом Шмелев меряет дела своих современников именно «по шкале правды», то есть по заповедям Божиим, и этим как нельзя более нужен нашим детям. С твердых и ясных религиозно-нравственных позиций изображаются искания интеллигенции «серебряного века», а также события революции и гражданской войны. Эти события показаны как нравственное падение подавляющего большинства народа, его отступление от Бога; именно оно, а не какие-либо внешние силы названо причиной национальной катастрофы. «Нешто можно с таким народом большевиков одолеть! – говорит в романе белый офицер. – Нас горсточка, а таких большие миллионы». Писатель горячо утверждает нравственную правоту Белой армии, которая среди всеобщей деградации сохранила верность России; рисует путь русских эмигрантов от нищеты и потерянности к обретению своего места в мире, к уважению и признанию со стороны других народов. При этом «Няня из Москвы» представляет собой уникальное в русской литературе сочетание глубокой проблематики с авантюрным действием. Повествование ведется от лица старой няни, но в основе сюжета – приключения юной киноактрисы Катички, которая помогает белым во время гражданской войны, а потом странствует из Турции во Францию, из Индии в Америку, где становится звездой Голливуда. Думается, что подобные перипетии вполне способны привлечь внимание школьника, даже не особенно склонного к классической литературе. Сравнительно небольшой объем романа (он примерно в шесть раз меньше «Тихого Дона») также облегчает его прочтение. Между тем по своему идейному содержанию «Няня из Москвы» родственна «Преступлению и наказанию» или «Красному колесу».

¹Зубов А.Б. Сорок дней или сорок лет? // Новый мир. 1999. № 5.

О «Красном колесе» разговор особый. Конечно, о том, чтобы обязать учеников прочитать этот гигантский труд (и даже какой-то один из «узлов»), речь не идет. Но иметь о нем достойное представление старшекласснику необходимо. Причина тому – не только в уникальной исторической ценности «повествования в отмеренных сроках», основанного на сотнях тысяч документов. Вряд ли найдется в русской литературе другое произведение, столь наглядно показавшее значимость каждого частного – на первый взгляд незначительного – выбора между добром и злом, долгом и своеволием. Историю на своем месте творит каждый: царь и крестьянин, генерал и гимназист. И чаша общей судьбы качнется в ту сторону, куда склонится, независимо друг от друга, большинство сердец. Трудно переоценить значение такой историософии для воспитания подлинного гражданина, ответственного за каждый свой поступок. Между тем идейное наследие Солженицына проходит мимо новых поколений. Правда, на уроках разбирают и «Один день Ивана Денисовича», и «Матренин двор», но происходящие в них события слишком далеки от житейского опыта современного школьника, как далеки по возрасту его герои. Поэтому в сознании детей остаются, как это ни печально, лишь официальные фразы учебных пособий, где Солженицын предстает как «обличитель тоталитарного государства» – и не более.

Гораздо менее формальным могло бы стать знакомство с теми главами «Красного колеса», где речь идет о молодых людях, на свой страх и риск выбирающих свой путь среди устроенного взрослыми хаоса. Сходство нынешней России с Россией февральской отмечалось многократно. Как современная хроника читаются фразы: «Совершались такие наглые грабежи магазинов, каких и отчаянный воровской Ростов не знал прежде. Не надеясь на милицию, ни к чему не годную, стали хозяева богатых магазинов добывать себе солдат на ночную охрану...»; «Тут же пошел слух, что экзамены или все отменят, или наполовину, и учебный год сократят...». Поэтому душевный опыт героев «Красного колеса» может оказаться созвучным их теперешним сверстникам. Пример тому – 17-я и 174-я главы «Апреля Семнадцатого» (откуда взяты цитаты), образующие единое смысловое целое. Пятнадцатилетний Юрик Харитонов радуется небывалому наводнению, мечтает о том, чтобы рухнул и огромный городской мост (только без жертв): «Здорово! Есть в этом захват. В катастрофе – что-то сладкое есть». Сладко, хотя и мучительно, мечтать о девочках; за одной из них мальчик подглядывает в щелку школьной душевой и даже готов тут же войти к ней, но спохватывается: «А неблагоприятно! Она же беззащитна...». Повествование одновременно и предельно откровенно, и предельно целомудренно. Внутренний мир подростка, тщательно скрываемый им и от взрослых, и от товарищей, показан у Солженицына со зрячей любовью. Юрик потрясен развалом армии: «Как же может солдат не хотеть воевать? воин – и не воевать?? Что ж тогда будет с Россией...? И – что же тогда делать, вот, реалисту 6-го класса?». Неожиданно он обретает долгожданного друга-единомышленника, которому то-

же не все равно, что будет с Россией: «Если уж мужчины не хотят воевать – так кому ж, значит нам идти?» На высоком берегу Дона мальчишки клянутся друг другу, что будут «против всякой мерзости биться». «И они соединили руки, неловко сцепясь: правую с правой, левую с левой, крест-накрест». «Известно теперь: то себя показала именно готовность на Крест», – замечает М.М. Дунаев, комментируя этот эпизод в своем капитальном труде «Православие и русская литература»².

Подвиг подобных мальчиков привлекал не только Солженицына. Московский исследователь А.Н. Стрижев давно призывает обратить внимание на творчество Леонида Зурова, чьи произведения, практически неизвестные в России, высоко ценил Бунин. По словам А.Н. Стрижева, они ценны прежде всего благодаря особому сочетанию героики и благочестия. Так, шестнадцатилетний Митя, главный герой повести «Кадет» (1927), участвует в Ярославском восстании 1918 г., на собственном боевом опыте узнавая благотворную силу молитвы. Чтобы продемонстрировать историческую точность писателя, А.Н. Стрижев сопоставил его повесть с книгой о Ярославском восстании, выпущенной издательством «Посев» в серии «Библиотечка россиеведения». Зуров воссоздает эту героическую страницу русской истории через историю чистой молодой души. Юного кадета благословляет на бой сначала мать, а потом его первая любовь, девушка-гимназистка.

Конечно, Зуров, в отличие от Шмелева и Солженицына, не классик, не писатель первой величины. Но и его повесть в художественном отношении намного выше тех советских произведений, которые до сих пор предлагаются как пример подростковой героики. Широко переиздаются, например, «Кортик» Рыбакова или «Всадники со станции Роса» Крапивина, где юные персонажи стремятся продолжить дело «краснозвездных конников». Обращение к ним мотивировано тем, что подросткам необходимы героические примеры, которых не дает современная литература, и этот вакуум необходимо заполнить. В юных душах действительно живет тяга к подвигам и приключениям, и это прекрасно. Но было бы преступно вновь предлагать для ее удовлетворения образы «красных дьяволят». Книги книгам рознь...

Мы привели три примера, в которых русские писатели рисуют картину всесословного сопротивления большевизму. И во всех трех примерах в центре этой картины – молодые герои, ровесники нынешних школьников, изучающих литературу XX в. Думается, что это и есть те образцы истинного подвига, истинного патриотизма, которые так необходимы юным гражданам современной России. Безусловно, проблемы воспитания нельзя решить с помощью одних лишь изменений в списке изучаемой литературы. И все же включение в этот список произведений, повествующих об участии молодежи в антибольшевизском сопротивлении, помогло бы решению названных проблем.

²Дунаев М.М. Православие и русская литература. Часть VI. М., 2000. С. 341.

Ирина Роднянская

ЛОВЦЫ ПРОДВИНУТЫХ ЧЕЛОВЕКОВ

Утопия - разновидность дидактического искусства, искусства перевоспитания. Поначалу автор утопии предлагает вниманию читателей как будто заведомый вымысел в привычной для них форме романа, приключенческой истории, «фантастического рассказа». И <...> мы беспечно вверяемся дидакту – проповеднику, думая, что нас развлекают, а нас вовлекают. Тактика заключается в том, чтобы читатель привыкал к непривычному образу мыслей постепенно, видя в нем «просто литературу». Но <...> с запозданием читатель открывает для себя, что занимательная история помещена в поучительную раму... Эта неожиданная отсылка от эстетического удовольствия к этической практике («учебник жизни») призвана обескуражить адресата и привести его в состояние, близкое к покаянному приятию новой веры.

(Г. С. Морсон, американский
исследователь литературных утопий)

Владимир Ильич говаривал, что интеллигенция никакой не мозг нации, а г..., и, кажется, ни с одним высказыванием вождя мы, сами принадлежащие к этому слою, не соглашаемся так охотно, как с этим. Однако в экспрессивном ленинском сравнении допущена неточность. Интеллигенция, мыслящая страга, - все же не конечный продукт социального распада, а начальное звено в его цепочке. То, что сегодня «по кайфу» интеллектуальному сообществу (как бы к нему ни относиться), завтра потечет по жилам всего социального организма вместе с безболезненным началом, если таковое входит в состав осторожно дозированных развлечений умников. Поэтому гуманитарные интеллигентские прихоти аналитику следует распознавать загодя, чтобы потом не быть застигнутым - «как снег на голову!» - их широко реализуемыми последствиями.

Сейчас интеллигент любит, чтобы его, как дитя, поучали и научали в процессе игры. Чтобы игра была юморная, с «фенечками», «приколами» - с забавными аллюзиями, дающими пищу, так сказать, «кроссвордирующему» уму. И чтобы из этого приятного соуса как бы сам собой выступал идейный message - вроде внеклассного задания для мысли. Если юношу столетней давности легко представить себе с энтузиастическим усилием осваивающим, предположим, какой-нибудь «Пол и характер», то нынешнего его ровесника - безо всяких усилий проглатывающим поучительную эпопею Михаила Успенского о сказочном богатыре Жихаре.

Я и сама не прочь почитать такое. Но сокрушительный успех одного из долгоиграющих *проектов* заставил задуматься. Он – нагляднейшее доказательство того, что в нашей сегодняшней России напрочь отсутствует фактор, зовущийся на старомодном языке «Вех» *христианской общественностью*.

О ее отсутствии и так нетрудно догадаться. За декаду с лишком свободного политического строительства у нас не возникло ничего, даже отдаленно похожего на христианско-демократические партии Европы, как-никак идейно спасшие (при всей их эпизодической нечистоплотности) свои страны от оголтелого полевения и ответной фашизации. (И это не получается у нас даже теперь, когда курс и риторика президента так явно напоминают постулаты европейской христианской демократии.) После «11 сентября» даже умнейший Максим

Соколов и изобретательнейший Михаил Эпштейн с несвойственным каждому из них прекраснодушием возмечтали: теперь-то христианская цивилизация перед лицом очевидного врага почувствует свое единство и вспомнит о своих корнях! Ничуть не бывало. И дело не только в том, что схизма между Церквами еще углубилась, но и в том, что интеллигенция номинально христианской ойкумены по-прежнему готова идентифицировать себя с кем угодно – от угнетенного Юга до заманчиво воздымающегося Китая, только не с собственным духовным источником.

Да, все это очевидно и без того казуса, о котором я собираюсь поведать. Но порой один яркий симптом показательней общих констатаций. Так вот, наконец, о чем пойдет речь: о цикле романов, выпускаемых авантажным петербургским издательством «Азбука» под общим названием «Плохих людей нет» и под единым субтитлом «Евразийская симфония». С 2000 года их, этих романов, вышло уже пять штук, и ожидается, конечно, продолжение, поскольку на ярмарке интеллектуальной книги в Москве они, говорят, расходились как горячие пирожки. К сведению непосвященных перечислю их все: «Дело жадного варвара», «Дело незадачных дервишей», «Дело о полку Игореве», «Дело лис-оборотней», «Дело победившей обезьяны» («дела» в заглавиях потому, что это истории детективные – вспомним об интеллигенте-ludens). Авторство сочинители-мистификаторы приписывают «великому еврокитайскому гуманисту Хольму ван Зайчику», в прошлом советскому резиденту в Китае и борцу против Чан-кайши в рядах Мао, а на покое в китайской глубинке – мудрейшему и ученейшему мыслителю-творцу, создавшему альтернативный мир великой империи Ордуси. Кто придумал самого ван Зайчика, пока официально не объявлено, но есть основания предполагать, что это петербургский фантаст Вяч. Рыбаков (взявший на себя и публицистическую защиту-продвижение общего детища) и петербургский же синолог И. Алимов.

Когда перед нынешней Пасхой ближневосточный корреспондент НТВ Денис Кудрявцев сказал об охваченном противостоянием Вифлееме: «Город, давший миру человека, который говорил, что злых людей не бывает», – я подумала: вот для кого пишут «зайчики», вот их адресат, ведь слова тележурналиста – ориентированные, конечно, на «Мастера и Маргариту» – не

вольно повторили и заглавие Зайчиковой эпопеи. Но, по чести говоря, адресатов надо искать и поверх головы простодушного неведла-репортера: так, образованнейший историк и литературный критик петербуржец Никита Елисеев сам был изумлен своим неподдельным восхищением от чтения «Евразийской симфонии»: враждебное ему, либералу, евразийство, и вдруг – до того прекрасно, остроумно, изящно, глубоко! (См. «Новый мир». 2001, № 11.)

Вяч. Рыбаков, посрамляя «клеветников Ордуси» («Литературная газета», 2002, 30 января – 5 февраля), пишет: «Симфония» послужила и продолжает служить чем-то вроде лакмусовой бумажки, выявляющей позиции по вопросам, куда более серьезным, нежели просто отношение к очередному литературному произведению». И он прав. Тем любопытнее, что мишенями в споре он делает крайних прозападников, «маниакальных демократов», молящихся на «евростандарт» и потрясающих жупелом тоталитаризма. Легкая победа, потому как наш либерал сам подустал от своих клише и не прочь их слегка обновить. Что ж, если Рыбаков для удобства предпочел сражаться с бумажными тиграми, тогда еще полбеды. А если другого рода противников у Великой Ордуси действительно не находится? Тогда уже беда полная – тот самый вакуум на месте святе, о котором говорилось вначале.

Но к делу.

«Евразийская симфония» – утопия. Такой масштабной и вообще значимой утопии я не припомню со времени «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова, которой зачитывались в годы моей юности и которая, на мой взгляд, задержала крушение коммунистической идеологии, по крайней мере, в умах интеллигентной молодежи, упоенно повторявшей девиз звездолетчиков грядущего «Бойся энтропии черной!» – вместо того, чтобы бояться красной энтропии здесь и теперь. Но если Ефремов перенес идеальное коммунистическое общество в даль веков, то авторы «Симфонии» приручили свой *сообразный* (коренное понятие ордусян!) социум к нашим дням – на базе популярной нынче «альтернативной истории». Задача версии в том, чтобы, по возможности захлопнув окно в Европу, прорубить его в Азию.

Для этой цели подошла фигура святого благоверного князя Александра Невского, и впрямь одержавшего победу над католическим воинством, и именно в тех краях, где можно было бы основать стольный град на Неве лет за пятьсот до вычитаемого из российской истории Петра I. Итак: Александрия Невская – вместо Петербурга, побратимство князя с Сартаком и всею Ордой вместо западноевропейского ученичества Петра Алексеевича, не гибельная вестернизация, а благотворный культурный шок от столкновения с великим дальневосточным соседом, Поднебесной, взявшей земли к западу под свою имперскую эгиду (сколь далеко простираются эти владения, не берусь сказать, вполне ручаясь за Украину и воды Финского залива, но примечая где-то мелькнувшее упоминание и об Иерусалимском улусе). Вместо варваризации нашей земли на европейский лад – ее цивилизованная китаизация, вмес-

то петровских ассамблей – китайские церемонии, вместо Декларации прав человека, Кодекса Наполеона или Александровой эпохи великих реформ – мудрейшие уложения конфуцианства (надо помнить, что пишется это людьми, искренно влюбленными в Китай, в его этические традиции, его фольклор, и даже в Китай коммунистический, который, «как известно», справился с перестройкой гораздо лучше СССР – РФ). Вот так все обернулось к вящему благу мультиконфессиональных и мультикультурных масс, населяющих немереные евразийские просторы.

И в самом деле, что тут плохого? Если же добавить, что перед нами весьма приятное чтение, где нет никакого типично утопического занудства, где непрехотливая, но на совесть заведенная детективная пружинка раскручивается двумя исключительно симпатичными сыскарями – православным законником Богданом и буддистом-оперативником Багатуром, где мировоззренческие и просветительские пассажи деликатно оттеснены в предисловия-послесловия-примечания-приложения, образуя неназойливую полшутливую раму, то придраться и вовсе не к чему. (Впрочем, чтобы обеспечить наличие хоть какого детективного сюжета в «сообразном» обществе, где «плохих людей нет», авторам приходится локализовать мотивы преступления либо в евроамериканском «варварском» мире, либо в сфере ложных, то есть антиордусских идей, которые овладевают людьми с персональными невротическими травмами. Другими словами, «человеконарушения» коренятся во враждебном забугорье или в психических девиациях. Вам это ничего не напоминает?)

Посмотрим же, что нам все-таки впаривают в этой приятной упаковке.

Авторы, конечно, адресуются не к тем евразийцам, которые представлены у нас именами Дугина и присных с их тяжеловесной серьезностью и идеологической ригидностью. «Зайчикам» важно переориентировать так называемую передовую интеллигенцию, привыкшую ценить личную независимость, свободную мысль и человечность. И тут они действуют очень тонко, используя новейшие фобии и пристрастия.

Постараюсь обойтись схематическим перечислением этих приемов.

Подключение фобий. *Антиамериканизм* – который не лишен оснований и от которого трудно отделаться до конца, даже после 11 сентября. И вот в первом же романе позарившийся на драгоценную ордусскую реликвию «жадный варвар» Хаммер Цорес отсылает к общеизвестным именам американских миллиардеров, чье присутствие на российской сцене было и остается раздражителем. *Украинофобия*, непроходящая обида на самостоятельность и натужную антирусскость еще вчера своих и родных земель, а заодно и *страх перед радикальным исламом*: то и другое помогает канализировать следующую роман – «Дело незалежных дервишей», где хохлы-«отделенцы», представленные в комически-зловещем свете, превратились в подобие ваххабитов. *Нарастающее отвращение к социальному неравенству*: в Ордуси не взимают штрафов, которые тяжелы только бедным, а богатым – что слону дробина; наказывают же

не слишком болезненной поркой гибкими *прутьями*, перед коими все задницы равны (чтобы понять, что телесные наказания унижают личное достоинство и что освобождение от них было привилегией, постепенно распространявшейся на всех граждан, надо обладать староевропейской ментальностью, которая утрачена не только окитаенными авторами, но и современной их аудиторией, поэтому такой эгалитарный пражеж многим понравился – знаю по отзывам). *Антикатоличество*. На площади Александрии Невской стоит Медный Всадник – памятник св. кн. Александру, чей конь попирает копытом гадоку с физиономией и в тиаре римского первосвященника! Тоже найдется сектор убогатворенных. *Усталость от фанатично навязываемой идеологии прав и свобод* в ее нынешнем выхолощенном виде. Когда я внимала пародийным речам и следила за жалкими блужданиями «выдающегося французского философа и правозащитника Глюксмана Кова-Леви», сердце мое прыгало от удовольствия: проглотила-таки наживку... *Пугало русского национализма* (для тех, у кого нет аллергии на предыдущее). Программные претензии на преимущества русских как государствообразующего этноса («Дело о полку Игореве») вложены в уста некоего мерзкого Козюлькина, и это должно завербовать еще одну фокус-группу. (А попробуй согласиться хоть с чем-нибудь из козюлькинских доводов – сразу попадешь в черносотенцы.)

Учет интеллектуальных мод и интеллигентских норм. Тут-то и видно, что адресаты «Симфонии» – не какие-нибудь там зюгановцы, прохановцы, дугинцы либо лимоновцы! Перечислю кое-что, не забывая о логическом порядке. Подчеркнутое отсутствие антисемитизма (при элиминации, конечно, иудео-христианского представления о священной истории Израиля как оси истории мировой). Отказ от смертной казни. Приятие сексуальной свободы, включая перверсии (при *очень* мягкой гомофобии – адресуемой менее раскрепощенным читателям). Отношение к моногамии как к архаическому семейному институту (приверженность которому приписывается почему-то исключительно католикам). Юмористическое поправление Москвы – патриархального «княжьего городка» («Питерские идут!»). Эстетизированное возвращение моды на советское: тесть Богдана – «воин-интернационалист». Неприкосновенность мумии Ленина в мавзолее (мнение, которое снобская интеллигенция стала противопоставлять лицемерным воплям «демшизы»: «похоронить по-христиански!»). Признание неподлинности «Слова о полку Игореве» – каковое заключение считается у яйцеголовых хорошим тоном (вопреки основательному мнению Пушкина, не говоря о других). Эротика и сквернословие в гомеопатических дозах, ровно в таких, чтобы передовой интеллигент ощутил вкус знакомых приправ. Культ пива, наконец.

Лингвистическая составляющая чрезвычайно важна в любой утопии; как только вас научат говорить и думать на языке предлагаемого сообщества, вы уже стали его сочленом, даже если вам что-то в нем не по вкусу. Недаром борцы с утопическими проектами уделяют этой теме принципиальное внимание, в чем,

как помним, особо преуспел Оруэлл с его новоязом и уткоречью.

В «Евразийской симфонии» эта сторона дела разработана отменно и, так сказать, многофункционально. Под радужной пленкой юмора прячется серьезная задача. Повествовательный антураж насыщен *китаизмами*, иногда шутливыми, иногда познавательными. Так шаг за шагом внедряется в сознание экзотическая для нас система государственных должностей, ритуалов, блюд, напитков, поверий. В сущности, авторы как стилисты воспроизводят навыворот дело Петра, чья эпоха насытила русскую речь варваризмами с другой стороны света (впоследствии ассимилированными), а вместе с ними – и новым *складом ума*. Нельзя не предположить, что здесь надежды на тот же конечный результат. При этом нас забавляют – в духе наоборотного Лескова – ложными этимологиями и невсамделишной «ханьской» фонетикой («Лигоусский проспект», «великий поэт Пу-си-цин» – Пушкин и пр.), чтобы ложка рот не драла.

Затем – *искоренение слов иностранного происхождения*, занесенных западными ветрами («повозка» вместо «автомобиля», «разбор» вместо «анализа»). Иногда – операция удачная (я бы сама рада заменить «СМИ» – «средствами всеобщего оповещения»), иногда – не достигающая цели (вместо «фоторобота» – «членосборный портрет», но от чужеродного «портрета» так и не избавились). Однако вот что примечательно: устраняются не только латинизмы, галлицизмы и англицизмы, но и все, что связывает русскую лексику с Элладой – общеевропейской культурной колыбелью, имеющей через Византию особое к нам отношение (не «археологи», а «древнекопатели», не «зоологи», а «зверознатцы», не «оркестр», а «сладкозвучный отряд»...). Эти исторические следы должны быть так же немилосердно стертые, как и следы вестернизации.

Искореняются не только слова, но и *опорные понятия отвергаемой цивилизации*. В соответствующих ведомствах Ордуси действуют не правоохранители, а *человекоохранители*, ибо «право» понятие, не вписанное в традиционный китайский менталитет, и вообще: пора охранять людей, а не абстрактный правопорядок (это, ручаюсь, многим понравилось). «Господин» (слово из мира «частнорабской свободы») заменено на почти-тельное «преждерожденный», а большевицкое «товарищ» и фашистское «соратник» – на «единочателя», равно – хотя и недалеко – удаленного от первого и второго. Слова эти непременно будут усвоены, как и вышеупомянутое «сообразно», которое так и тянет вставить в собственную речь.

Но важней всего, вероятно, *подчистки на карте базовых именовании*. Здесь старое деяние большевиков повторено так прилежно, что я уверена: не сознательный это умысел, рукой авторов водила сама метафизическая логика Утопии («до основания...»). Петербург – Петроград – Ленинград – Александрия Невская – этот город положительно не дает покоя переназывателям. Первица, вторница, средница и т.д. – точно так же большевики, вводя пятидневку, боролись с христианской седмицей-неделей, венчаемой воскресеньем. Впрочем,

даже они не решились переименовать Москву (здесь: Моське) и мать русских городов Киев (здесь: Аслан 1 – основанный, видимо, не Кием, а неким правоверным Асланом). Но главное – название самой империи, в котором от России, Руси остался хвостик, или, если это приятней, нижняя конечность. Еще восемьдесят, еще десять лет назад многие и многие готовы были отдать жизнь за возвращение родине ее подлинного имени вместо четырехбуквенной аббревиатуры. Теперь, возможно, и не вздрогнем, если проснемся в государстве Белороссия; во всяком случае, насколько мне известно *Ордусь* с главной имперской столицей в *Ханбалыке* никого не заколыхала. Как и Храм Света Будды на месте Исаакиевского собора...

Беспроегрешная компаративистика. Как уже ясно, еврокитайская утопия не изолирована во времени (далекое будущее) или в пространстве (неведомый остров, другая планета). Нет, имперский мир Ордуси, представленный во всем его *вымышленном* обаянии, соседствует с *реальным* миром сегодняшней, достаточно уродливой, «эгопрагматической» постхристианской цивилизации. А с другой стороны, рядом с «альтернативным» историческим *вымыслом*, ликвидирующим действительную историю нашей российской вселенной с ее европейскими корнями, предьявляется *реально* описанная укорененность в китайскую культуру, государственность, историческую традицию и т. п. По линии того и другого сравнения выбор читателя в пользу Великой Ордуси, можно сказать, обеспечен. «Хочу в Ордусь!» – о таких читательских письмах сообщают душеприказчики Хольма ван Зайчика, и им нельзя не верить.

Итак, удовлетворяется полусознанный общественный спрос на «третий путь», но так, чтобы, пройдя через ряд подмен, чающие его превратились в ордусских «единочаятелей». Вы ностальгируете по империи? Вот вам превосходнейшая, что с того, что не Российская. Начитались Солоневича о «народной монархии»? Она тут как тут, умеренно народоправная, с введенными в здравые рамки выборами на «просительных участках», с допускаемой – в границах этики – частной собственностью, с высоко вознесенным государем и пышным двором; правда, государь, как в сказке Андерсена, – китаец, а дочь его – не цесаревна, а китайская принцесса (несказанной красоты). Традиционализм, почвенничество? (Вяч. Рыбаков побивает «клеветников Ордуси» именно этими понятиями.) Пожалуйста, но при условии отказа от прежних имен и топонимов при согласии, что почва-то отыщется, но не ваша. Мультикультурализм, от коего обитателям евразийского материка не отмахнуться? Исключительно под опекой этического учения Конфуция, способного сделать средостения между культурами, миролюбиво проницаемыми.

И тут выплывает самое главное, средоточное...

Многоконфессиональность Ордуси – невещественная основа ее процветания. У каждого своя вера, и все веры хороши. Ставить вопрос об истинной и ложной вере не только непристойно, но и социально опасно, ибо разуверившийся человек озлобляется. Так в «Деле победившей обезьяны» разъярились – назовем их не

романными, а подразумеваемыми именами – коммунисты и рыночники, лишившись невинных иллюзий по вине московского градоначальника, очень похожего на Ельцина. (В скобках замечу, что обилие актуальных политических намеков и масок делает романы ван Зайчика местами очень похожими на «Зияющие высоты» А. Зиновьева.)

Сами-то авторы, как и положено «желтолицым позитивистам», вернее, их бледнолицым побратимам, не верят ни в чох, ни в сон, ни в вороний грай. Культы и ритуалы для них – удобные социальные инструменты, обеспечивающие законопослушание и нравственную вменяемость подданных в частно-семейной жизни (общественная же, повторю, регулируется конфуцианством, которое, как подчеркнуто в самом тексте, – не религия, а этическое учение). Среди этого полезного инструментария предпочтение, естественно, отдается китайскому простонародному пантеону буддийских божеств и духов, всяческим воскурениям, гаданиям и кармическим перерождениям. Мусульманству отведена почетная роль ракетной ступени, которая, вознеся аппарат многоверия к вершинам дальневосточной мудрости, в двух последних романах практически отбрасывается за ненадобностью. Оно, мусульманство, сгодились еще, чтобы опрокинуть завет единобрачия, данный (чего авторы, при всей их окитаенности, не могут не знать) не проклятыми католиками, а самим Христом.

Слово произнесено: *христианство*. Его – нет, мир Утопии его не вместил, и быть иначе не могло. Зато есть «православие». С многоженством, позволяющим авторам власть порезвиться в сюжете: имеющая родить мусульманская жена православного Богдана¹ подыскала ему временную, по контракту, младшую женушку – юную варварку-француженку, но та в конце концов уходит не в силах, в своей ограниченности, принять ордусские семейные ценности («Вы будете стонать за стеной, а я должна радоваться, что вам хорошо»). После чего духовный отец Богдана Кукша (есть, есть такое имя в святцах², но надобно же хотеть отыскать) накладывает на свое чадо суровую епитимию (!) за то, что тот не сумел сохранить мир да любовь в семье.

Но многоженство – эпатуриющая мелочь. А вот как понимается религиозный синкретизм. Богдан «затешил лампаду перед образом Спаса Ярое Око, преклонил колени – и трижды нараспев прочитав благожелательные надписи, свисавшие по обе стороны иконы, в течение получаса истово молился». Характерно, что в других случаях авторы разумеют под «синкретизмом» простую веротерпимость; в других, но только не в этом... Мало того, что на Соловках («Дело лис-оборотней») фольклорная нечисть (лешие, водяные...) находится в строгом бюрократическом подчинении у китайского гения местности *тудушяня*, но к последнему вдо-

¹ Полностью его зовут Богдан Рухович Оуянцев. Посмотрите, какая латинская буква соответствует на клавиатуре компьютера кириллическому «О» и вспомните, как в оригинале пишется и читается имя севильского обольстителя (или наставника Кастанеды). То-то же.

² Даже знаменитого одесского старца так звали, но вряд ли авторы на это ориентировались.

бавок прибывает «с приказом от Небесного Владыки Святой Савватий». Превращая чтимого соловецкого святого в персонажа сказки, витающего над буддийским монастырем Вечно-истинного учения, а Северную Фиваиду – в твердыню все того же «синкретизма», авторы, конечно, не рассчитывали на умиление православных читателей, но правильно предположили, что таковых – ничтожное меньшинство и потеря невелика, зато многие прочие после этих забавных эзерсисов с особенной охотой устремятся в широкие врата Ордуси. Цена пропуска – почти нечаянный, почти безболезненный отказ от Христа.

Мне наверняка скажут, что из-за твердолобого догматизма меня покинуло чувство юмора. Споря с «клеветниками», Вяч. Рыбаков на юмор-то и кивает: дескать, перед вами «ироничная добрая сказка», а вы... Авторы ведь способны пошутить даже над трактатом «Лунь юй» или спародировать конфуцианские максимы: «Стоит фениксу хотя бы кончиком лапы увязнуть в болоте – и весь он полностью пропадет в болотной тине...». Вот именно: коготок увяз – всей птичке пропасть.

К юмору «Евразийской симфонии» (иногда высокой, иногда низкой пробы) я вполне восприимчива и сознаю его неотъемлемость в составе хорошо сработанной утопии. (Авторитетные исследователи и у самого Томаса Мора находят юмористическую амбивалентность.) Утопия неотделима от идеологии, ради идеологического внушения и создается (см. эпиграф). Но кто же станет заглатывать идеологический крючок без навязленного юмористического червячка?

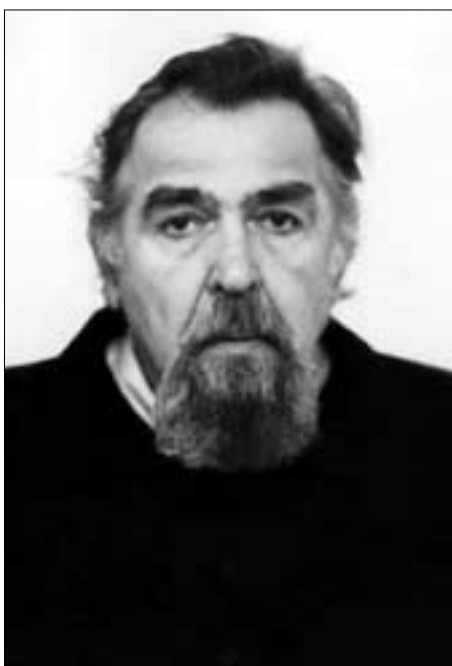
Утопию С. С. Аверинцев определяет как «наиболее радикальную противоположность теистической идее спасения» (когда-то, в застойно-безбожные годы, эта сухая фраза из знаменитого пятого тома «Философской энциклопедии» ищущих *спасения* воодушевляла не на шутку). Но можно вспомнить еще одного современного апологета, признанного по совместительству превосходным юмористом. Я говорю о Честертоне, о его неуязвимой антиезде обтекаемого *шара* и острокопечного *креста*. Утопия, Ордусь – это шар, всем приятный и потому всеми принятый. Здесь нет предельных дилемм, из-за которых лилась бы кровь (как это случается из-за всерьез понимаемой веры); здесь, в круглящихся стенах, места хватает для всех – и для либерала-плюралиста, и для монархиста-государственника, и для космонавта, и для йога, и для многоженца, и для однолюба, и для Иеговы, Христа, Аллаха, Будды, поминаемых фактически как племенные божества, что не устраивало когда-то христианских первомучеников в веротерпимой Римской империи. Здесь, в мире благого компромисса и положительной посюсторонности, нет метафизического зла и «плохих людей нет». Бывают только «заблужденцы», слишком рьяно настаивающие на своем. Но их, без особой жестокости, наказывают или лечат. Отсекается все маргинальное, неместимое, заостренное, остается «Цветущая Средина». «Хочу, хочу в Ордусь!» Ни имя моей страны, ни история ее, ни исключительность моей веры не стоят этого обещанного благоденствия в безопасности и бестревожности. Ну, кто не потянется в Ордусь?! Разве что спросит у безумных почитателей Креста? Но их не слышно.

Татьяна Вольтская

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПАНЧЕНКО

28 мая на шестьдесят шестом году жизни скончался академик Александр Панченко, автор классических трудов по смеховой культуре Древней Руси, по русской культуре накануне петровских реформ, множества статей по древнерусской литературе. С его смертью Пушкинский Дом, петербургская и мировая культура потеряли крупнейшего ученого, одну из самых ярких личностей, оригинальных фигур.

Я училась у Александра Михайловича в Ленинградском институте культуры им. Крупской, где он преподавал курс древнерусской литературы, курс, во всех отношениях незабываемый. Наш институт был вполне советским учреждением. В нем изучалась история КПСС, на экзаменах по советской литературе

студентов с особым наслаждением заваливали за недостаточно тонкое знание статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература», а на Пасху обязательно устраивались не субботники, а именно воскресники. Не явившихся смельчаков ждали страшные кары вроде недопущения к сессии. На этом фоне надо было видеть фигуру степенного бородатого Панченко, входящего в аудиторию к молодым варварам. Те, кого интересовал предмет, сидели впереди и ловили каждое слово, с задних рядов доносился ровный гул, возня и смешки. Панченко никогда не выходил из себя. Только время от времени он взглядывал из-под очков на девочек, шумевших, красивших глаза, смеявшихся где-то вдаль, и кротко просил: «Ну, пожалуйста, если кому-то неинте-

ресно, выйдите, я никому не поставлю прогул, только не мешайте!». И продолжал дальше - о переписке Грозного с Курбским, о подвигах Улянии Осоргиной или виршах Симеона Полоцкого.

Познакомились мы на экзамене. Наградой была не пятерка, а разрешение иногда приходиться к нему домой. Вскоре выяснилось, что и живем мы в одном доме. Приходя к нему в гости, я узнавала то, что не помещалось в лекции. Огромная дистанция никогда не сократилась ни на дюйм. Это были все те же беседы учителя и ученика. Особенно запомнилась одна, во время которой Александр Михайлович увлеченно рассказывал, что он, кажется, открыл, когда именно произошла в русском обществе «потеря чести» (это выражение он с особым наслаждением повторял много раз) – при Николае I, когда умножились доносы и расцвело III отделение.

О своем институте я не помню практически ничего. Тетрадку с лекциями Александра Михайловича храню по сей день.

Панченко не был кабинетным ученым, целиком ушедшим в свою древность. Древность была для него удивительно реальной, удивительно живой, она на глазах прорастала в наши дни.

Прикосновение к ней, к таким глубоким, таким далеким, казалось бы, вещам, как сознание русского крестьянина XII века или психология дворянина переломного XVIII столетия, никогда не мешало Александру Панченко бросать острый взгляд в день сегодняшний. Он очень много выступал по телевидению, подготовил специальный цикл передач для радио «Свобода».

Помню, как-то я зашла к нему, и он пожаловался мне, что плохо себя чувствует, потому что Бог дал ему богатырское сложение, ему бы землю пахать, на коне скакать, а он тут за книжками сидит.

В другой раз он вышел ко мне в халате, который ему подарил его большой друг – Лев Николаевич Гумилев: этим обстоятельством Александр Михайлович очень гордился и халат за целый вечер так и не снял.

Многие замечали, что Панченко был человеком необыкновенно колоритным. Поэтесса Татьяна Галушко когда-то рассказывала мне, что даже в молодые студенческие годы было в нем что-то от степенного старца, от мэтра.

Многие замечали другое – что с Панченко совсем не просто общаться и что взгляды его подчас довольно трудно разделять, особенно принимая во внимание темперамент, с которым он их отстаивал.

Мне, признаюсь, тоже было довольно трудно с ним общаться, слушать его трагическую полемику на славянофильские темы с воображаемым собеседником. Я-то, конечно, собеседником быть не могла - разве что затаившим дыхание зрителем этого странного театра, когда он кому-то грозил, и стучал кулаком по столу, и безнадежно махал рукой. В последние годы я чаще приходила к нему уже не как бывшая студентка, а как журналист, и наши интервью иногда проваливались, превращаясь в эти странные спектакли-монологи.

Теперь я думаю, не столь важно, был ли Александр Панченко славянофилом, почвенником. Он бесконечно любил Россию, бесконечно жалел ее, бесконечно много о ней знал. Может быть, именно от этого казался мне в последние годы таким пессимистом. Многие знания - многие печали. Вот хотя бы та же мать-сыра земля. Какое, казалось бы, нам дело до этих мифов, теряющихся в тысячелетней тьме? А вот послушаешь Александра Михайловича – надо же, оказывается, мы и сейчас стоим с этими мифами лицом к лицу, земельную реформу не можем завершить из-за своего дремучего, древнего, неискоренимого отношения к земле, как к матери или жене, которую нельзя не разделять, ни продавать.

Ум состоит не в огромном наборе фактов, сложенных в голове, а в способности эти факты связать, собрать разбегающиеся точки в цельное изображение. Александр Михайлович Панченко обладал этой способностью в высшей степени.

В одной из своих передач на «Свободе» он читал стихи Державина на смерть Потемкина, который, умирая, велел вынести себя в открытое поле. Голос до сих пор звучит у меня в ушах, а строфы, обращенные к колоссальной фигуре екатерининских времен, кажутся обращенными и к тому, кто их произносит: как будто на смерть самому себе. И еще мне кажется, что душа Александра Михайловича просто вырвалась оттуда, где ей стало тесно, туда, куда она стремилась давно – в открытое поле.

Эти записи основаны на материалах передачи, сделанной мною для радио «Свобода».

Академик Александр Михайлович Панченко:

МЫ СОЗДАЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЮ ДИЛЕТАНТОВ

28 мая с.г. скончался один из виднейших ученых современности академик Александр Михайлович Панченко, родившийся 25 февраля 1937 г. Известный филолог, историк, автор многочисленных трудов о древнерусской литературе, археолог, собиратель старинных рукописей, автор десятков книг (в частности, написанных в соавторстве с Д.С. Лихачевым и Л.Н. Гумилевым), автор историко-литературных фильмов и телепередач. Лауреат Государственной премии России. Это интервью сохранила беспристрастная магнитофонная пленка. Записано оно было в декабре 1992 года, но, на мой взгляд, не потеряло актуальности и сегодня. Журналист Сергей Кастельский (Петербург).

— Александр Михайлович, о какой бы стороне нашей действительности мы не говорили сегодня, всюду применим термин «кризис» — кризис власти, кризис экономики, кризис сельского хозяйства, кризис культуры... В чем вы видите основные причины всеобщего кризиса?

— То, о чем Вы говорите, не просто кризис в отдельных сферах нашей жизни или суммарный кризис всех сфер. Это кризис более серьезный — кризис этнический. Лев Николаевич Гумилев писал, что у нас кончается фаза надлома, и мы должны перейти в иную фазу — некую этническую «золотую осень». Но он же писал о том, что в нормальное течение этногенеза могут вмешаться политические причины, резко видоизменить его или вовсе прекратить. И тогда мы, русские, можем исчезнуть, как нация. Такими причинами прежде всего являются войны. Но не только.

В XX в. мы себе позволили то, что никогда никто себе не позволял, — самоистребление нации. И это коснулось не только русских, но и людей всех национальностей, проживающих на территории, которая еще недавно именовалась СССР. Тут все друг друга истребляли.

Одно из наших любимых занятий — искать виноватых. Просто смешно слышать, когда говорят, что виноват Сталин, большевики виноваты или ОГПУ-НКВД виновато. Все это так. Да не совсем. Вдумайтесь, ведь на каждого сидевшего в тюрьме или лагере нужно было минимум пять человек, чтобы написать донос, арестовать, охранять, допрашивать, транспортировать, расстреливать. Вот все эти пятеро и виноваты, а не только те, кто им приказывал. Иначе, что вы за люди, если вам можно такое приказать? Поэтому я и говорю не об уничтожении нации, а о ее САМОуничтожении. И ведь, как правило, истреблялись лучшие умы. Это не могло не ослабить наши этнические силы.

Так что сейчас в этническом плане мы являем собой весьма печальную картину. Я бы назвал это национальной усталостью. Но лучше устать, чем разгуляться, как Васья Буслаев. В этой усталости есть и свой плюс. Много ли нужно было после февраля 17-го года, чтобы началась война всех против всех, чтобы началась всеобщая резня. А сейчас столько времени у нас такая неразбериха. Но в великорусских областях, если так можно назвать, в классической России нет гражданской войны. Это хороший признак.

И все же мы ослабели. Подтверждение в том, что мы себе позволили какую-то беспредельную свободу, какое-то ребячество — что хотим, то и делаем. А ведь сильный человек, сильная нация все-таки умеют себя ограничить.

— Из достаточно благополучного вчера за два-три года мы шагнули в нищенское сегодня, а что будет с нами завтра, одному Богу известно. В чем причина таких резких перемен?

— Одна из главных причин в том, что мы сумели сделать, может быть, самое страшное за всю русскую историю — уничтожить национальное богатство. И продолжаем его уничтожать. Никому еще в мире не удавалось уничтожить море. А мы уничтожили — Аральское. Под угрозой Байкал, Ладога, Волга, Днепр. Вот и Чернобыль взорвался. Подобных станций множество в мире, а взорвался только у нас. Вспомните, сколько еще недавно писали о «стройке века» БАМе, песни слагали, фильмы снимали, а сейчас молчим. Целое поколение угробили, не говоря уже о природе, деньгах.

Мы, как лесковский Левша, все мир хотим удивить. Помните, Левша блоху подковал, она даже танце делала, а потом не стала — испортили ее. Вот и мы, мир-то удивили этим БАМом, но все испортили. И Чернобылем удивили и испортили. А еще раньше Беломоро-Балтийский канал построили. Удивили мир, но плавать-то по нему нельзя.

Вы спрашиваете, в чем причина? В том, что мы создали цивилизацию дилетантов. Одно время, в конце 60-х, был такой широко пропагандируемый кино, театром, литературой тип — человек, которому до всего есть дело. Это чаще всего такой пенсионер-активист, который ничего толком не знает, но лезет во все. И вся наша власть была такая же — по принципу «каждая кухарка будет управлять государством». Вот и управляли, скажем, культурой ткачиха Фурцева или химик Демичев. Да и сегодня таких примеров достаточно. Вот, скажем, доктор геолого-минералогических наук Салье (очень толковый ученый) управляет продовольственным делом в Петербурге. Результат этого правления всем известен. Но самое страшное не то, что их избирают или назначают, а то, что они соглашаются. На мой взгляд, отрицательная черта русского человека в отличие от жителей западных стран (и это, пожалуй, одно из «завоеваний советской власти») — его самоуверенность.

Он обо всем смеет судить, и чаще всего безапелляционно. И это нас просто губит.

– Это наиболее отчетливо видно на примере культуры. Достаточно сопоставить весь огромный культурный опыт человечества и то, что мы о нем знаем. Я имею в виду средний слой населения, так называемых обывателей.

– Да, наше бескультурье имеет давние традиции. Достаточно вспомнить стыдливо замалчиваемый факт разгрома крестьянами Михайловского. А ведь Пушкина знали все. Значит, Пушкин им был не нужен. Если бы был нужен, не разгромили бы его усадьбу.

Ну, хорошо, мужики – темный, невежественный народ. Надо его просветить. Культурная программа советской власти исходила из того, что всем нужен Гёте, всем нужен Моцарт, Шекспир, не говоря уже о Пушкине. А оказывается, не нужны. Не нужны. Всем. Только опять какому-то меньшинству нации. И ведь так из поколения в поколение.

И сегодня культура не нужна. Когда по телевидению шел мексиканский сериал «Богатые тоже плачут», во многих домах замирала жизнь – все льнули к экранам. Значит, большинству сограждан именно это и нужно. И только. Это предел их культурного уровня. Комментарии здесь излишни.

В какой-то мере с падением культуры нации связано внешне неприметное событие, которое по значимости в судьбе России я бы поставил вровень, а то и выше большевицкого переворота 1917 г. Кардинальное событие. Крестьянская Россия, в которой 90 с лишним процентов населения еще недавно по историческим меркам проживало в деревне, на протяжении жизни одного поколения (!) стала городской (!). Вот это да! Отсюда многочисленные проблемы российских деревень и, как Вы выразились, «кризис сельского хозяйства». Да и новоиспеченные горожане таковыми являются лишь номинально. Они не умеют жить в городе, он им тосклив, неприятен, чужд. Не нужны этим тоскующим по деревне псевдогорожанам ни Эрмитаж, ни Моцарт, ни вообще городская культура.

Идеальный выход из этого положения – восстановление крестьянской России. Но как это сделать? Одно не вызывает сомнений – людям надо дать землю.

– Выходит, как это ни парадоксально, что лозунг «Земля – крестьянам» сегодня обрел едва ли не большую актуальность, чем раньше?!

– Когда Столыпин начал свои реформы, Лев Николаевич Толстой написал ему письмо: «Я пишу Вам не только как премьер-министру, но как сыну моего старого полкового товарища...» и так далее. А смысл в том, что давать землю крестьянам нельзя. Ну почему же нельзя? Это старое русское заблуждение. А сколько таких «Львов Толстых» сегодня у власти, заседают в правительстве или в парламенте. И опять то же самое русское «обо всем могу судить!» Вот и создали мы цивилизацию дилетантов, и самая актуальная задача сегодня – создать цивилизацию профессионалов.

– Русский человек всегда во что-то верил – в Бога, марксизм-ленинизм, Вождя, светлое будущее, в котором будет жить «нынешнее поколение советских людей». Но

оно, это светлое будущее, оказалось нарисованным искусными бутафорами на холсте, как очаг в каморке старого папы Карло. Мы-то, любопытные Буратины, хотели заглянуть в него, но лишь проткнули длинным носом истлевший холст. А то, что мы увидели в образовавшуюся прореху, с трудом поддается описанию. Всеобщее уныние, а то и озлобление охватило нас. Ушла вера ложная, а истинная не спешит приходить. Раздаются голоса, что русский человек разучился работать, обленился...

– Не могу с этим согласиться! Нельзя сказать, что русский человек лентяй. Но он не может быть лишь производителем и потребителем. Он еще в большей степени созерцатель. Часть его души созерцательна. Он взывает града небесного, но как его достичь, не знает. Его легко можно повести в пропасть.

А что касается веры, то, как внушили советскому человеку, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно», так этого из россиянина и колом не выбьешь. Нет ничего абсолютно верного. Жизнь так многообразна, что ни одна теория не может ее отразить. Только дурак может считать, что если теория подтверждается практикой, то она верна. Всякая теория должна иметь опровержение. И чем больше опровержений, тем лучше теория.

Мы страшно религиозны. Мы все время ищем для себя какую-то религию, веру. На что мы поменяли сегодня марксизм-ленинизм? На демократию, что ли? Нет. Мы променяли его на астрологию, эту лженауку. И каждый вечер по казенному телевидению слушаем предсказания колдунов...

– Может быть, здесь уместно вспомнить образ-метафору из кинофильма «Бег» – бродят по земле, держась друг за друга, слепые, и ведет их вперед (!?) поводырь-слепец. Не напоминает ли это наше нынешнее движение к очередному более светлому, чем сейчас, будущему?

– Беда в том, что те, кто нас ведет, убежденно говорят: «Мы все понимаем. Мы знаем, куда надо идти». Они все понимают, они все знают, но жить-то становится невозможно. Все хуже и хуже. Почти все, что делается в последнее время, не получается. Если такая традиция создалась, то где уверенность, что сделанное сегодня или завтра получится? Поэтому напрашивается чисто азиатский выход за лучший – не делать ничего. Есть три вида безделья: не делать ничего, делать плохо, делать не то, что надо. Уж лучше не делать ничего, как Обломов. По крайней мере, хоть меньше вреда принесешь. И главное, не вмешиваться туда, куда не надо. Заниматься своим традиционным профессиональным делом и уповать на закон исторического развития, по которому после бурных исторических событий и катаклизмов наступает период более-менее благополучной жизни. И это не зависит от деяний тех или иных умных или не очень политических деятелей.

Ведь смотрите, что происходит, – исчезли анекдоты. Это очень печальный признак. Когда исчезают анекдоты, значит, нация перестает смеяться. Нация предпочитает если не плакать, то, по крайней мере, хмуриться, унывать, грустить. Даже дети стали печальными.

А что касается анекдотов, то мне вспоминается один, времен хрущевской оттепели и лозунга «Догоним и перегоним Америку!» По-моему, он и сегодня не потерял актуальности, а, может быть, приобрел еще большую. Мужик-крестьянин говорит Никите Сергеевичу: «Неправильный лозунг. Не надо перегонять». – «А как надо?» – «Догнать и бежать рядом». – «Почему?» – «А чтобы не было видно голой задницы».

– *Сегодня мы можем этого не бояться: сзади нас бегут лишь те, кто под жарким африканским солнцем привык обходиться минимумом одежды. Остальные впереди.*

– Да, трудно сегодня жить. Всем трудно. Иду по улице – пожилые люди продают эти жалкие несколько пачек папирос или сигарет. Купили по госцене, а продают, стесняясь, чувствуя неловкость, на рубль-два дороже. Этим и живут. А загляните в коммерческие киоски, в огромном количестве появившиеся на улице. Почти сплошь молодые парни и девчонки, как говорят, «будущее страны». Они уже никогда не будут хорошими работниками. Они ничего не умеют делать,

лишь считать деньги с утра до позднего вечера. Не говоря уже о вечно полупьяных парнях, которых некие боссы нанимают перепродавать пиво. Чем их поманили? Властью денег...

– *«Люди гибнут за металл?..»*

– А «сатана там правит бал». Кто у нас сегодня главная фигура? «Телец золотой». Но разве можно жить под властью денег? А мы живем. Стали жить. Все без исключения. Кто правит бал? Телец золотой и его величество дефицит. На днях пошел в магазин. После обеда. Открываются двери. И образуется свалка, драка. И в этой толчее и мужчины, и женщины, и молодые, и старые. Разве люди, дерущиеся за право войти в магазин раньше стоящих рядом, будут жить хорошо, счастливо? Никогда.

– *Уж больно грустно заканчиваем мы наш разговор.*

– Конечно, грустно. Но ничего, справимся и с нынешними трудностями. Не в первый раз. Нас, русских, Господь Бог любит. Правда, он доводит нас до критической точки, а потом дает разум и силы. Думаю, что Он не окончательно от нас отвернулся. Но, конечно, надо и самим браться за ум.

КНИГИ И ЛЮДИ

Александр Гогун

КНИГА О ПРОЛОГЕ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сразу же после событий 1985-93 гг. практически не появлялось обобщающих серьёзных работ, посвящённых причинам изменений (а также их ходу), произошедших в стране в 1980 г (за исключением, разве, третьего тома «Утопии у власти» Некрича и Геллера). «Перестройку» и революцию 1991 г часто объясняли поисками ЦРУ, волей одного или двух человек (Горбачёва и Ельцина), региональными сепаратизмами или только «гнилостью» режима. Были и объективные причины отсутствия фундаментальных работ по брежневско-горбачёвскому периоду: недостаточное количество и недоступность источников, близость событий, мешающая их «спокойному» восприятию, небольшое количество «вспомогательных исследований», посвящённых тем или иным явлениям конца застоя и начала «перестройки». За десятилетие достаточный материал был накоплен и осмыслен как обществом в целом, так и отдельными учёными. В 2001 г. в московском издательстве РОССПЭН вышла книга известного историка анархизма Александра Шубина: «От «застоя» к реформам. СССР в 1917 – 1985 гг.».

Несмотря на указанный в названии временной отрезок, издание рассматривает происходившее в период 1978-88 гг – всё то, что привело к последующему краху системы.

Много внимания уделено кризису, охватившему в те времена СССР: экономическому (снижение темпов роста экономики и уровня жизни), экологическому (общее ухудшение экологической ситуации и ряд экологических катастроф), социальному (рост общест-

венного негатива, в том числе организованной преступности), внутриполитическому (одряхлению власти и «застоя» в номенклатуре), демографическому (падение рождаемости в России, Украине, Белоруссии, Прибалтике), внешнеполитическому, приведшему к кризису в Польше, «тупику» в Афганистане и в III мире вообще. Описывается множество латентных межэтнических конфликтов в СССР, приводивших к отдельным вспышкам насилия. Пожалуй, самый впечатляющий факт из этого ряда - сокращение продолжительности жизни людей в РСФСР (уровень жизни, заметим, всё же рос) - с 66,1 года в середине 60-х до 62,3 лет в начале 80-х. Если учесть, что в то же время в Западной Европе и Японии эти показатели не снижались, а росли, и сейчас составляют, соответственно 76 и 87,5 года, то привлекательность «брежневской стабильности» просто испаряется. Автор объясняет падение показателя продолжительности жизни в основном экологическими причинами, но были и другие, не менее важные – смертность и травматизм на производстве, алкоголизм, высокий уровень убийств и самоубийств и, наконец, война в Афганистане, потери СССР в которой продолжают замалчивать и сейчас – на советские официальные заниженные данные Шубин, к сожалению, и опирается.

Кризис страны и общества понимали как диссиденты (в монографии подробно описаны все основные направления инакомыслия), так и полуофициальная общественность. Все по мере возможности пытались докричаться до власти, которая на данное влияние как-

то реагировала. Да и сами «кремлёвские старцы» более-менее понимали, что со страной происходит что-то не то.

В книге подробно, в основном с опорой на мемуары, рассмотрена борьба за власть в 1982-87 гг, отголоски которой выплёскивались «на поверхность», влияние лоббирующих группировок - региональной номенклатуры, представителей министерств, ВПК, различных партийных структур (тема, вообще довольно слабо изученная в российской историографии). По шагам рассмотрено выдвижение к власти Горбачёва, попытки «закручивания гаек» Андроповым и Черненко в сочетании с попытками косметических реформ в экономике. Кстати, отдельные элементы «закручивания гаек» продолжались и при Горбачёве – борьба с мафией во всесоюзном масштабе, ряд громких дел, «чистка» Узбекистана, антиалкогольная кампания.

Наглядно показано, что Горбачёв вначале никакой реальной демократии не хотел, а только декларировал это. Первоначально ставка делалась на реорганизацию управления промышленностью и сельским хозяйством, научно-технический рывок и некоторое «обновление» одряхлевшего аппарата. Общественность предполагалось несколько «приотпустить», а Западу показать новое, «человеческое» лицо, чтобы он помог выйти из экономического кризиса. Отчасти этому должно было послужить потепление отношений между СССР и США и своеобразный «европейский прорыв», инициированные Горбачёвым.

Отдельное место отведено внешнему фактору кризиса - знаменитому «рейгановскому удару»: удар по щупальцам красного спрута – поддержка «белых» партизан в Афганистане, Анголе и Никарагуа, ликвидация марксистского режима на Гренаде, удар по экономике – падение мировых цен на нефть и ограничение доступа высоких технологий в СССР, а также удар психологи-

ческий – начало разработок стратегической оборонной инициативы (СОИ).

Общий вывод по поводу рейгановского удара спорен: «До некоторой степени, стимулировав начало преобразований в СССР, внешнеполитические трудности заметно сократили средства на их проведение. Таким образом, геополитическая ситуация затруднила (а тем самым и затянула) экономическую составляющую реформ и способствовала обострению более поздних социальных столкновений, неизбежных в любом случае, но в других масштабах и формах. Таким образом, внешние факторы играли не только стимулирующую, но и сдерживающую роль в отношении реформ, доминирующие причины которых лежали всё же внутри страны» (с. 753).

Кажутся спорными и некоторые другие оценки автора. Например, он ставит на одну доску внешнюю глобалистскую политику США и СССР. Отметим, что разница в целях всё же существенная – мировая демократия, пусть и под «присмотром США», или мировой коммунизм, как конечная цель.

На стр. 12 можно найти и такую фразу: «Нашей стране снова не повезло, как и в начале века, внутренний кризис совпал с внешнеполитическим». То, что России в начале века круто не повезло, это вопрос не дискутируемый. Что же касается преобразований 1985-93 гг, то тут вывод делать рано. У нас коммунистический режим продержался 74 года – пока рекорд. Сейчас в мире осталось несколько режимов, по степени деспотизма и издевательства над человеческой природой похожих на наш и кое-где даже превосходящих, Китай, Вьетнам, Северная Корея. Будем надеяться, что наш «рекорд» Цзян Цзэминю или Ким Чен Ир побить не удастся, и страны станут свободными ранее. Если же нет, и революции там произойдут, скажем, году эдак в 2050-м, вот тогда, если доживём, и посмотрим, повезло нам в 80-х или нет.

НОВЫЕ КНИГИ «ПОСЕВА», ИЗДАННЫЕ В РОССИИ

С.Г. ПУШКАРЕВ «РОССИЯ 1801–1917: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО»

Москва. «Посев», 2001. 672 стр.

Книга известного русского зарубежного историка повествует о том, что происходило в России до революции, в последние пять царствований. Книга излагает историю государственной власти и общественных движений, описывает социально-правовое положение различных групп населения, прежде всего крестьянства, развитие народного хозяйства и культуры, в частности образования и Церкви. Эпилог кратко излагает ход революции 1917 г. и причины крушения.

Книга допущена как учебное пособие для высших учебных заведений, но может быть полезна и в старших классах средней школы. Содержит многочисленные цитаты из документов, 20 карт и диаграмм, 209 иллюстраций, указатель 1170 имен и хронологическую таблицу.

Цена 90 руб. + пересылка (20-30% от цены в зависимости от региона).

Заказы направлять по адресу: 103051 Москва, ул. Петровка 26/2-96, Кузнецовой О.А.

Тел./факс (095) 925-92-48, E-mail: posevru@online.ru

Виктор Обухов

ПРОТИВ МИФОЛОГИИ СТАРОЙ И НОВОЙ

...Мне б однажды – тряхнуть головою,
Отвести эту смертную мглу,
С мертвой точки сместить на живое
Взгляд, прикованный к вечному злу...

Не знаю, с чего мне вспомнились эти строки, но попавшая в руки на следующий же день книга А. Горянина «Мифы о России и дух нации» убедила в том, что все на свете не случайно. Появляется проблема – появится и ее решение. Порой оно приходит со стороны, как неожиданная помощь.

«Неожиданная» потому, что нынешнее положение в российских СМИ не давало повода ожидать каких-то добрых и умных слов о России. Все обстоит, скорее, наоборот.

Первое, что следует сказать о книге А. Горянина: против течения. Разрекламированные книги и громкие голоса твердят примерно одно и то же: Россия – страна нелепая; ее прошлое – если уж не ужасно, то все равно не так, как у людей; настоящее – уже несомненно ужасно (поскольку хуже прошлого), а будущее наверняка окажется еще хуже, если только так может быть. Вот такие постулаты. Кто-то их просто высказывает, кто-то с аргументацией, иногда вполне убедительной. Все бы не беда. В конце концов, это всего лишь точка зрения, одна из возможных, имеет право на существование. В русской истории, как и в любой другой, всякое бывало, можно при желании и чего-нибудь ужасного накроить. Вопрос в том, откуда берется такое желание, и почему именно такая точка зрения стала господствующей?

Горянин Александр. Мифы о России и дух нации. – М.: Pentagaphic. Ltd, 2001. – 336 с.

Господствующей настолько, что ощутимо влияет на формирование культуры (правильней было бы сказать – на деформирование)?

Вот эта несправедливо господствующая точка зрения и вызвала к жизни книгу А. Горянина. Вероятно, любой российский житель хотя бы раз в жизни словно освобождается от власти угнетающих заклинаний, отстраняется от информации, окружающей его, чтобы усомниться: да неужели все так плохо и просвета никакого не может быть? Но обычно это недолго длится. Мгновенный проблеск не становится светом, поскольку поток информации продолжает накатываться, накрывая с головой, теряя человека где-то в своих волнах. Однако в любом правиле есть исключения.. Кто-то, по-настоящему доверяющий собственному здравому смыслу, должен усомниться более других и задуматься над пришедшей догадкой: а не может ли оказаться так, что в этом потоке информации все, кроме меня, только мрак? И если – да, то как от него избавиться человеку?...народу?...стране?..

«... Мы проходим трудный отрезок своей истории. В такие времена абсолютно решающее значение имеет настрой народных масс. Но именно сейчас дух российской нации пребывает на опасно низкой точке... В немалой степени это плод работы вредоносных мифов».

«...Пока мы не уберем искажающие наслоения, наша родина будет оставаться, по большому счету, неизвестной страной. Неизвестной даже для нас самих».

«...Не менее важную свою задачу я видел в том, чтобы приблизиться к пониманию механизмов, прошлых и нынешних, подрыва национального духа. Обезвредить эти механизмы можно, лишь поняв их».

Так появилась книга, призванная очистить взгляд, помочь разобраться в реальности. Книга для тех, кто способен задумываться, мыслить самостоятельно, освобождаться от власти навязываемых со стороны суждений... словом, для тех, кто способен пойти против течения. Она ни в коем случае не догма, даже не руководство к действию (прошу прощения за марксистский каламбур), скорее – опыт осмысления действия. В этом – ключ к описанию книги, корень ее удач и промахов. Замысел книги примерно таков: поток негативной информации, отравляющей народное здоровье и мешающей нормальному развитию страны, состоит из множества мифов, кажущихся более или менее правдоподобными. Эта правдоподобность подлежит проверке, которую и производит – страница за страницей – автор. Мелкие мифы сведены в несколько больших групп, которые лучше даже назвать сборными мифами. Основные три мифа – соответственно которым книга может быть (условно) разделена на три части – таковы: Россия есть

страна неблагополучная и не достойная уважения 1) в прошлом, 2) в настоящем, 3) в будущем. Вот с этими «тремя богатырями» и борется автор, на мой взгляд, достаточно успешно.

Сложно пересказать общий сюжет борьбы. Дело в том, что «Миф» не является стройной теорией, логическим построением, которое можно логически же и опровергнуть. Мифы – это скорее слухи, которые в результате долговременного использования приобретают чуте ли не статус аксиом. Они практически не поддаются рациональному опровержению. Поэтому А. Горянин добивается успеха больше за счет своего ораторского искусства, нежели фактических доказательств. Впрочем, это не значит, что у его положений отсутствует фактическая основа: наоборот, автор демонстрирует прекрасную осведомленность в исторических свидетельствах, статистических данных. Но главный его козырь – не столько нужные факты, сколько нужные слова, эти факты многократно усиливающие. Замечательно получились главы о прошлом России: не настолько оно, оказывается, было мрачным, а уж по сравнению с другими странами, представляющими ныне «цивилизированный мир» (автор приводит многочисленные сравнительные характеристики), очень даже неплохим (приводятся свидетельства об одежде, питании, количестве праздников и досуге тогдашних россиян). В подтверждение своих выводов автор приводит документальные свидетельства современников. Оказывается, есть и такие? Вполне благожелательные к России? Да, есть, вот только они сейчас не в ходу. Почему в ходу только противоположные и откуда они берутся? А. Горянин отвечает и на этот вопрос: либо от испуга перед огромной и мощной страной, существующей возле маленькой Европы, либо от обиды на эту страну (не задалась у будущего «очевидца» русская карьера). Это о том, что касается иностранцев. Русских неблагожелательных свидетельств о своей стране до XIX в. нет.

Побуждения современных авторов ругать Россию исходят, в общем, от схожих побуждений: либо обижены на различные перипетии своей судьбы (русские), либо чем-то (по привычке?) испуганы (в основном – иностранцы). Или – еще версия – некритически воспринимают и повторяют чужие доводы. Но истина, как показывает (и доказывает) автор, не в их словах, или, по крайней мере, она больше и многогранней, нежели их слова.

«Что до отрицательных мифов, они сочиняются о других. Если не можешь кого-то одолеть,образи его в отталкивающем виде. И сразу станет понятно, что не он тебя победил, а «генерал Мороз». Некоторые выдумки оказались удивительно живучи...»

Часть книги (или части; дело в том, что книга собрана из самодостаточных маленьких работ, автор приложил усилия к сведению их в одно целое, но все равно некоторая калейдоскопичность просматривается), посвященная прошлому России, получилась наиболее удачной. Добившись успеха в исследовании прошлого, автор взялся за мифы о нашей реальности. Я, к сожалению,

не специалист в области, избранной для борьбы с мифами о настоящем, и несколько запутался в рассуждениях о ВВП, но меня выручала заражающая уверенность автора в своей правоте (кстати, отметим это как значительное достоинство книги): не хотелось быть неверующим Фомой и сомневаться в разумности доказательств. Думаю, так же поступят еще многие читатели-неспециалисты, приняв на веру доводы и выводы соответствующей главы книги. Впрочем, кое-какие результаты вычислений А. Горянина все же кажутся преувеличением, скажем, пассаж о том, что за последние десять лет 62% россиян (90 млн из 145) построили себе новые дома (стр. 159).

К не самым сильным сторонам книги я отнес бы «увещательные» главы. В основном, они из той части, в которой идет речь о возможном будущем России. Автор, видимо, по складу больше практик, нежели теоретик; оттого все, что относится к реальной, практической жизни, у него хорошо удается. То же, что не может быть пока доказано или проверено фактами, хорошо изложить получается не всегда. Или лучше сформулировать это так: многие рассуждения можно с легкостью заменить на другие, более уместные и убедительные. Вообще, в разрушительной работе (опровержение вредоносных мифов) автор более тщателен, нежели в созидательной (попытки обосновать необходимость и возможность для России положительной идеологии). Достаточно забавно, скажем, выглядит попытка устыдить унылых россиян примером счастливой Венесуэлы, которая уже 40 лет бредет, как Израиль по пустыне, по избранному пути «и не сомневается в своем будущем» (253), хотя из художественного описания несчастий (по-другому трудно назвать), постигших Венесуэлу на этом пути за указанное время (автор посвящает этому описанию две страницы), трудно понять, считать этих замечательных людей счастливыми или блаженными...

Венесуэльская идиллия, кстати, приводит автора дальше к не очень вразумительному выводу: «...ощущение счастья и гармонии с миром никак не зависит от состояния народного хозяйства...» (251). Так в какой-то момент может сказать любой, от религиозного мистика до обычного наркомана. Но если это положение может быть справедливым для мгновения, вряд ли оно пригодится для долговременного существования.

Впрочем, эти примеры приведены не для опровержения идей А. Горянина, но скорей как места, не производящие на читающего должного эффекта. Возможно, автор, готовя последующие издания своей книги, еще многое дополнит и отшлифует. Но, однако, то, что уже сделано, не может не заслуживать уважения. Появилась точка зрения, не враждебная нашей стране и нам, ее жителям. Появился пример того, как можно, руководствуясь здравым смыслом, внести очень серьезные коррективы в навязываемый нам образ нашей страны. Или, говоря другими словами, заложены основы «противомифа», оптимистичной идеологии. Возможно, это самое главное достижение книги и ее автора.

«ПОСЕВ» В ТАМБОВЕ

Молебен – освящение памятного знака перед началом митинга у Казанского монастыря 24 июня.

На открытии памятного знака: слева направо - В.Ж. Цветков, председатель Союза казаков О.И. Воеводин, депутат городской думы С.П. Клишин, Б.С. Пушкарев.

24 июня состоялась поездка председателя НТС Б.С. Пушкарева, члена ИБ В.Ж. Цветкова и РК НТС А.Н. Моренко в Тамбов. Несмотря на краткость, она оказалась весьма результативной. Следует отметить, что контакты с общественностью Тамбова начались еще с ноября 2000 г, когда после окончания 44-й Посевской конференции на собрании московской группы выступил известный тамбовский краевед Б.В. Сенников. В сентябре 2001 г. состоялся ответный визит членов московской группы в Тамбов. Тогда была достигнута договоренность о публикации на страницах альманаха «Белая Гвардия» материалов о Тамбовском восстании 1920-22 гг. Все статьи увидели свет в № 6 альманаха.

В ходе визита достигнута принципиальная договоренность об издании на местной полиграфической базе ряда книг «Посева», в частности III переиздания брошюры № 1 из серии «Библиотечка россиеведения» – «Коммунистический режим и народное сопротивление в России». Также планируется издание до конца года книги Б.В. Сенникова, посвященной Тамбовскому восстанию 1920-22 гг. Книга, написанная на большом количестве документов, не вводившихся ранее в научный оборот, представляет значительную историческую ценность, в частности, содержит информацию об организационном составе восставших, судьбе командиров и рядовых участников сопротивления.

Немаловажное значение имела встреча с председателем правления Тамбовской областной организации Добровольного общества любителей книги России И.В. Мачихиной. Особый интерес с точки зрения перспектив распространения вызвал учебник С.Г. Пушкарева «Россия. 1801-1917 гг. Власть и общество», а также альманах «Белая Гвардия». А.Н. Моренко привез комплект книг, вышедших за последний год в НПП «Посев», а также номера журнала «Посев» за 2002 г.

Состоялась встреча с мэром города А.Ю. Ильиным, победившим на выборах при поддержке СПС. Со стороны городских властей была продемонстрирована готовность к сотрудничеству в распространении книгоиздательской продукции. Правда, при этом говорилось и о необходимости «согласия и примирения» в духе устоявшихся за последнее время политических стереотипов.

Но главным событием поездки стало открытие памятного знака на месте уничтоженного местными коммунистами памятника участникам Тамбовского восстания. Примечательно, что открытие и освящение памятного знака состоялось в день 80-летия гибели одного из руководителей восстания А.С. Антонова. Предполагается, что через год на месте знака будет установлен памятник восставшим крестьянам. 24 июня традиционно считается днем памяти героев антибольшевицкого сопротивления в Тамбовском крае.

Перед началом митинга состоялся молебен - освящение памятной доски. Городское телевидение передало репортаж об этом. После молебна состоялся митинг, на котором выступили председатель Тамбовского отделения общества «Мемориал» В.П. Середа, Б.В. Сенников, член СПС, корреспондент «Российской газеты» Г.В. Писарев, представители городского Союза казаков. Вел митинг депутат городской думы, местный предприниматель С.П. Клишин. На митинге присутствовали более 70 человек.

От имени «Посева» и НТС выступили Б.С. Пушкарев и В.Ж. Цветков. В интервью, данном городскому телевидению, а также корреспондентам газет «Город на Цне» и «Мир информации», рассказывалось о прошлом «Посева», о творческих планах редакции.

Необходимо отметить, что памятник был открыт при спонсорской поддержке С.П. Клишина, а также уроженца Тамбова В.С. Ледовских. Это еще раз подтверждает заинтересованность российских предпринимателей в поддержке проектов, направленных на увековечивание памяти героев антибольшевицкого сопротивления. Пример московского предпринимателя А.Н. Алекаева, при поддержке которого в «Посеве» с 2001 года выходит серия «Белые войны», подтверждается и тамбовским опытом.

После окончания митинга состоялся дружеский обед в трапезной Казанского монастыря, вблизи которого открыт памятный знак. Примечательно и то, что знак находится на территории бывшего советского концлагеря, где в 1921-24 гг. было расстреляно более 13 тысяч восставших крестьян.

Следующая поездка в Тамбов намечается после выхода в свет очередного номера альманаха «Белая Гвардия». Его презентация должна будет состояться в здании городского краеведческого музея.

НОСИТЕЛЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТИПИЧНАЯ СУДЬБА, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

В августе 2001 г., не дожив четырех месяцев до своего 90-летия, покинула сей грешный мир женщина, судьба которой типична для сотен тысяч русских людей ее поколения, но жизнь ее исключительна по своему значению, по тому вкладу, который она сделала для распространения русской культуры в свободном мире, и преимущественно в Австралии.

Нина Михайловна Кристесен (урожденная Максимова) родилась в Петербурге 23 декабря 1911 г. в семье офицера российского императорского флота. После Февральской революции семья уехала в Харбин, откуда переехала в 1925 г. в Брисбен (Австралия), где она закончила Квинслендский университет. В довоенные годы, особенно в начале 30-х, Австралия переживала экономический кризис, по своему масштабу значительно превосходивший депрессию в Америке и Западной Европе. Особенно тяжело приходилось иммигрантам, не имевшим никаких местных корней и плохо владевшим английским языком. Такое положение не способствовало принятию отцом Нины Михайловны условий жизни на чужбине, но зато способствовало поддержанию его веры в скорое возвращение в Россию, где — как он верил — со дня на день ожидалось падение советской власти и восстановление монархии, которой он был глубоко предан до своей смерти в 1967 г.

Приехавшая в Австралию 14-летней девочкой, Нина ощущала себя не «просто русской», а еще и «питерской», но, в отличие от отца, восприняла свою жизнь в новой стране как явление постоянное, не нуждающееся в изменениях. Зато экономическая депрессия, вошедшая в историю Австралии под названием «великой депрессии», оставила в её памяти неизгладимый отпечаток и была несомненной причиной того, что она, в отличие от отца, смотрела на несправедливости жизни при советской власти как на нечто сопоставимое с несправедливостями жизни при капитализме, не становясь при этом ни «советской патриоткой», ни, тем более, прокоммунисткой. Впрочем, некоторые комментаторы, описывавшие деятельность Нины Михайловны, считали ее «попутчицей коммунистов». Объяснялось это в значительной степени тем, что ее муж (Клем Кристесен) был до 1956 г. если не членом австралийской компартии, то во всяком случае одним из тех австралийских интеллигентов, которые (также как и многие интеллигенты в Европе и Америке) симпатизировали построению (как они считали) «справедливого социалистического общества» в СССР. Перемены в воззрениях Клема Кристесена (и многих других ему подобных австралийских интеллигентов) произошли после подавления Венгерской народной революции, когда Клем Кристесен открыто осудил действия советского руководства.

По окончании университета Нина Михайловна преподавала русский язык в брисбенском Институте современных языков, а во время войны получила место преподавательницы русского, французского и латинского языков в эксклузивной Англиканской школе для мальчиков, где она оставалась до окончания войны. В

то же время Н. М. давала частные уроки русского языка. Кстати сказать, одной из ее учениц была некая Ниль Тритон, вышедшая затем замуж за А. Керенского. Н.М. вспоминала как Н. Тритон расхваливала своего мужа и уверяла, что он непременно спасет Россию от большевиков.

В 1945 г. Нина Михайловна переехала с мужем в Мельбурн, где в Мельбурнском университете возглавила отделение русского языка и литературы. До этого русский язык преподавался в университетах Бриксбена, Сиднея и Мельбурна как часть курса иностранных языков. Образование отделения русского языка и литературы в Мельбурнском университете было знаменательным событием в культурной жизни Австралии, и Нина Михайловна приложила максимум усилий для того, чтобы поставить курс на должную академическую высоту. И эта цель была достигнута, о чем свидетельствует хотя бы то, что с именем Нины Михайловны Кристесен связаны четыре десятилетия распространения русской культуры на V континенте, а в числе тех, кто благодаря Нине Михайловне приобрел к русской культуре, немало выдающихся австралийских деятелей культуры, дипломатов и академиков.

Известность Нины Михайловны в научных кругах способствовала тому, что ее неоднократно приглашали читать лекции в Сорбонне, Лондоне, Оксфорде и Кембридже. А свои поездки в Москву Нина Михайловна использовала не только для ознакомления с методами преподавания русского языка в МГУ и других университетах страны, но и для того, чтобы вывезти на Запад ряд произведений русских авторов, которые были лишены возможности печататься на родине. Поскольку Нина Михайловна не считала возможным сообщать подробности этих визитов, у автора этих строк нет данных о том, какие именно запрещенные произведения были вывезены ею на Запад, но, судя по всему, число их довольно значительно.

Свою работу в университете Нина Михайловна успевала совмещать с общественной деятельностью: она была австралийским представителем в секретариате Международной ассоциации славистов, основателем и одним из председателей Австралийской и Новозеландской ассоциации славистов, основателем и редактором (до 1977 г.) «Мельбурнского альманаха славистов» и организатором издания серии монографий «Русские в Австралии». Справедливость требует также упомянуть о немалой благотворительной деятельности Нины Михайловны, которую некоторые бесцеремонные личности использовали не по назначению.

Общение с Ниной Михайловной неизменно душевно обогащало всех, кому приходилось с ней встречаться, работать или учиться под её руководством. Её вклад в культурную жизнь Австралии поистине огромен — она более других действительно приобщила множество австралийцев к великой русской культуре.

Юрий Амосов